
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 8, No. 1 (2022)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 8, №1 (2022)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2022

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: phinauki@mgimo.inno.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 8, No. 1, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2022. – 124 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 8. №1. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 124 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 8. №1.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать __. __. 2022 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 292.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Head of the Spanish Language Department at MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Director of Language Training and Bologna Process Department, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Senior Lecturer at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Dmitry S. Khramchenko, Doctor of Philology, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Nabati Shahram, PhD, assistant professor at the Russian Language Department, Guilan University, Islamic Republic of Iran

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка Гилянского университета (Исламская республика Иран, Решт)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д. филол.н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Evolutionary Processes in the Italian Language of the Internet: Vocabulary and Word Formation8
Cristina A. Asadova
- Functions of Documentonyms-Abbreviations in the German Language of Economics and Management19
Natalia V. Kukina
- Meaning and Sense as the Bedrock of English Discourse Functional Space29
Victoria L. Malakhova
- The Phenomenon of Axiological Enantiosemym in Legal Discourse44
Maria N. Fedulova
- Radicals with Diplomatic Semantics in Ancient Chinese Dictionary “Shuo Wen Jie Zi”:56
Verification of Etymology
Elena A. Khamaeva

TRANSLATION STUDIES

- Lexico-Structural Characteristics of Aviation Terminology and Techniques of70
its Transmission Into the Russian Language
Svetlana B. Fomina

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

- Storytelling in the Inclusive L2 Classroom80
Aleksandr Bovshik, Svetlana Gaivoronskaya
- The Impact of the Pandemic on Higher Education: New Challenges and Perspectives94
Elena A. Savchuk, Ekaterina S. Syschikova

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

- Plant and Animal Names in the Flamenco Poetry103
T.M. Balmatova
- Peculiarities of Verbal Communication of Some Youth Subcultural Representatives in Spain114
Victoria V. Yakovleva, Rushana R. Alimova

CONFERENCE REVIEW

- Lectures at the University of Gdansk 2022122
Kazakov G.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета: лексика и словообразование.	8
<i>Асадова К.А.</i>	
Функции документонимов-аббревиатур в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента.	19
<i>Кукина Н.В.</i>	
Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса	29
<i>Малахова В.Л.</i>	
Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики)	44
<i>Федулова М.Н.</i>	
Знаки с дипломатической семантикой в древнекитайском словаре «шо вэнь цзе цзы»: верификация этимологии.	56
<i>Хамаева Е.А.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Лексико-структурные характеристики авиационной терминологии и способы её передачи на русский язык.	70
<i>Фомина С.Б.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Инклюзивный потенциал сторителлинга при обучении иностранному языку	80
<i>Бовшик, А.С., Гайворонская С.О.</i>	
Влияние пандемии на высшее образование: новые вызовы и перспективы.	94
<i>Савчук Е.А., Сыщикова Е.С.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Фитонимы и зоонимы в поэзии фламенко	103
<i>Балматова Т.М.</i>	
Особенности речевого поведения представителей некоторых молодёжных субкультур Испании.	114
<i>Яковлева В.В., Алимova P.P.</i>	

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

Лекции в Гданьском университете 2022 г.	122
<i>Казаков Г.А.</i>	

EVOLUTIONARY PROCESSES IN THE ITALIAN LANGUAGE OF THE INTERNET: VOCABULARY AND WORD FORMATION

Cristina A. Asadova

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article is devoted to the evolutionary processes in the Italian language of the Internet, which are directly revealed at the lexical and word-formation levels. The article gives the general assessment of these processes from the point of view of a number of significant structural and sociolinguistic parameters in the context of the historical development of the Italian language. This research is based on the opposition of the language of the Internet to the structural norm of the Italian language; it is noted that the opposition is of slang nature. The key trend, as the author emphasizes, is the convergence of the oral and written forms of speech reflected in the used and normatively fixed forms of word-formation, in which traditional models as well as mixed polycodes (alphanumeric and/or alpha pictorial) are extensively used. Studying the media communication influence on the development of the Italian language, the author relies on the classification of the functional parameters of the opposition – convergence of written and oral forms of speech – by the Italian linguist G. Berruto. The main notions, which characterize such evolution, – diamesia, diastratia, diatopia, diafasia are studied. G. Berruto's concept is developed by another Italian linguist G. Antonelli who singles out the language of the Internet communication as the culminating point of evolution. The article studies a large number of language examples revealing the picture of word-formation in the Italian language of the Internet. Word-formation is interpreted as the main factor in the normative evolution of the Italian language in the Internet communication. Particular attention is paid to contaminated word-formation methods, creolized forms of a language sign (contraction, pictogram), which are typical of the Internet language, as well as unregulated use of punctuation marks, and spelling violation. The article shows slang forms of lexical speech usage and word-formation in the Italian language of the Internet. The structural-linguistic and semiotic interpretation of the Italian Internet word-formation is given. The article carries out the rubrication of models and types of word-formation in the Italian language of the Internet. The article is suggested to specialists who are interested in semiotics of the Internet language, modern development trends of the Italian language, the peculiarities of Italian lexicology and word-formation.*

Keywords: *the Internet communication, audiovisual hybridisation, diastratia, diamesia, diafasia, diatopia, Italian*

For citation: Asadova, C.A. (2022). Evolutionary Processes in the Italian Language of the Internet: Vocabulary and Word Formation. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 8–18. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-8-18>

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА: ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

К.А. Асадова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая статья посвящена эволюционным процессам в итальянском языке Интернета, которые непосредственно обнаруживаются на лексическом и словообразовательном уровнях. В статье даётся общая оценка этих процессов с точки зрения ряда значимых структурных и социолингвистических параметров в контексте исторического развития современного итальянского языка. Исследование строится на оппозиции языка Интернета структурной норме итальянского языка. Отмечается сленговый характер такой нормативной оппозиции. В качестве ведущей тенденции автор выделяет характерную для итальянского интернет-языка конвергенцию устной и письменной форм речи, что отражается в используемых и нормативно закрепляющихся формах словообразования, в котором, помимо традиционных моделей, активно используются смешанные поликодовые модели (буквенно-цифровые и/или буквенно-изобразительные). Исследуя влияние медиа-коммуникации на развитие итальянского языка, автор опирается на классификацию функциональных параметров противопоставления – сближения письменной и устной форм речи итальянского лингвиста Г. Берруто. Раскрываются основные понятия, характеризующие такого рода эволюцию: диамезия, диастратия, диатопия и диафазия. Концепцию Г. Берруто развивает другой итальянский лингвист Д. Антонелли, который в качестве кульминационного пункта эволюции выделяет язык интернет-коммуникации. В статье приводится и рассматривается большое количество языковых примеров, раскрывающих картину словообразования в итальянском языке Интернета. Словообразование трактуется как основной фактор нормативной эволюции итальянского языка в сфере интернет-общения. Особое внимание уделяется контаминированным формам словообразования, характерным для языка Интернета креолизированным формам языкового знака (контрактурам, фоноидеограммам, пиктограммам), а также нерегламентированному использованию пунктуационных знаков, нарушениям правил орфографии. Приводятся сленговые формы лексического речевого узуса и словообразования в итальянском языке Интернета. Дается структурно-лингвистическая и семиотическая трактовка итальянского интернет-словообразования. Проводится рубрикация моделей и видов словообразования в итальянском языке Интернета.

Статья предназначена для специалистов, интересующихся вопросами семиотики языка Интернета, тенденциями современного нормативного развития итальянского языка, особенностями итальянской лексикологии и словообразования.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, аудиовизуальная гибридизация, диастратия, диамезия, диафазия, диатопия, итальянский язык

Для цитирования: Асадова К.А. (2022). Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета: лексика и словообразование. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 8–18. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-8-18>

У каждого языка существует своя сложная история системного обособления от праязыковых форм и последующей структурно-нормативной стабилизации. Процесс стабилизации итальянского языка описывается через сложную систему социолингвистических оппозиций, среди которых важное место занимает оппозиция устной и письменной речи. Научно-технический прогресс последних лет, появление Интернета деформируют роль и значение социолингвистических оппозиций, влияя на дальнейшее развитие языка. Попытаемся проследить с диахронической точки зрения меняющееся соотношение социолингвистических оппозиций в итальянском языке, выдвижение в нём на первый план тех форм речи, которые более всего способствуют нормативному становлению языка в условиях современных технических видов коммуникации, складывающихся в связи с распространением Интернета, развитием информационных технологий. Основное внимание будет уделено лексической неологизации и словообразованию в итальянском языке Интернета.

Исторически устная речь является примарной по отношению к письменной форме речи, которая изначально понималась как прямой аналог устной речи и не имела существенного самостоятельного статуса. В последующем статус письменной речи повышается, усиливается её влияние на нормативное и культурное развитие языка. Письменная речь считается эталоном речевой реализации языка. Появление письменной культуры как средства фиксации, структурирования, хранения и передачи информации, явилось важнейшим событием в языковой истории и культурном развитии национального языка. Вместе с письменной культурой появляется понятие текста.

В общенародном литературном языке письменная форма речи становится доминирующей и оттесняет изначально примарную форму устной речи на периферию. Её влияние на процессы стандартизации, кодификации и общей нормативизации языка следует признать основополагающим. Обращает на себя внимание во многих национально-языковых традициях тенденция к функциональному обособлению письменного языка от устного. Литературный итальянский язык, сформировавшийся на основе флорентийского диалекта в XVI веке, в течение длительного периода употреблялся главным образом в письменной сфере, был лишён разговорного регистра и именно поэтому был недоступен и непонятен большинству населения Италии.

Особенности формирования устной формы итальянского литературного языка, динамика развития и становление его в XX веке обусловлены рядом неординарных и несвойственных другим языкам явлений. Этому способствовали диалектное и функционально-языковое разнообразие, языковая и культурная децентрализация Италии, сложные процессы субстратно-суперстратных и адстратных отношений между диалектными и региональными формами речи. Поэтому наряду с кодифицированным *italiano standard* (литературным языком), благодаря взаимной интерференции литературного языка и местных диалектов, появляется своеобразный сниженный стандарт литературного языка, так называемый *italiano regionale* – устная разговорная регионально маркированная разновидность литературного итальянского языка, используемая на всей территории Италии. *Italiano regionale* как параллельную разговорную форму литературного итальянского языка некоторые исследователи выделяют во всех периодах истории Италии. Другие учёные считают её феноменом поздней итальянской истории.

В XX веке в связи с повышением уровня грамотности, развитием системы образования, индустриализацией и активным распространением аудиовизуальных средств массовой информации и коммуникации, а также такими языковыми процессами, как демократизация, интеллектуализация и, с другой стороны, вульгаризация, доступностью массовой аудитории, разговорная вариативность литературного языка проникает в сферу письменности. Это оказало влияние на обогащение словарного состава языка, ослабление строгости языковой нормы, размыванию границ функциональных стилей. Благодаря появлению новых электронных средств коммуникации таких как радио и телевидение, расширился спектр уровней воздействия на общественное сознание (вербальный, звуковой, визуальный на телевидении и радио, а также сочетание вербальных и графических компонентов в печатных СМИ).

Уолтер Онг, характеризуя эти процессы, вводит понятие “secondary orality” “вторичная устная” [9, с. 3], понимая под этим новый вид устной коммуникации, опирающейся на письменную

печатную культуру и электронные средства коммуникации. Этот новый вид устности отличается от первичной дописьменной, однако благодаря разнообразию мультимедийных форм (звук, анимация, графическое изображение и видео) и высокой скорости передачи информации становится возможным возродить коммуникативные практики эпохи «первичной устности», присущие устной форме общения, которой свойственны близость, эмпатия и экспрессия.

В языке массовой коммуникации границы между письменной и устной речью всё больше размываются. Письменная речь теряет статусную обособленность. Устная речь проникает в официальные формы общения, в письменную речь, разрушает норму, создавая совокупность функционально не атрибутируемых смешанных речевых говорений. Функциональная дивергенция сменяется процессами конвергенции письменной и устной форм речи. При этом суперстратное положение в части влияния на языковую норму занимает устная речь. Рестандартизация языка характеризуется сближением нормированного *italiano standart* с ненормированной языковой вариативностью и способствует возникновению новой языковой вариативности, получившей разные термины у итальянских лингвистов: “*italiano tendenziale*” (А. Миони, 1983) [8], “*italiano comune*” (Т. Поджи Салани, 1986) [10], “*Italiano dell’uso medio*” (Ф. Сабатини, 1985) [11], и, наконец, термин Г. Берруто (1987) “*italiano neostandard*” [5], больше всех прижившийся в итальянской лингвистике.

Г. Берруто в предложенной им модели «Архитектура итальянского языка» [5] предлагает использовать термин “*italiano neostandard*” или “*italiano regionale colto medio*”, регионально маркированный литературный итальянский язык, который выделяется им по параметрам ряда системных социолингвистических оппозиций: диатопия, диастратия, диафазия и диамезия. Г. Берруто определяет статус “*italiano neostandard*” по этим социолингвистическим параметрам.

Диатопия – территориально-диалектальный параметр языковой вариативности, в котором учитывается оппозиция литературного общенационального языка и диалектов; исторически это наиболее сохраняющийся параметр вариативности итальянского языка. “*Italiano neostandard*” занимает промежуточное положение в иерархии территориальных языковых форм, сближаясь с литературным языком. Его можно назвать «компромиссной» литературной формой языка.

Диастратия – социальный параметр, в котором учитывается оппозиция социолектов (напр., сниженных разговорных форм речи) и литературного языка; это также устойчиво сохраняющаяся дифференциация итальянского языка, соответствующая дифференциации социальных групп населения (профессиональные языки, сленг). По этому параметру также “*italiano neostandard*” занимает промежуточное положение.

Диафазия – показатель функционального развития языка, в котором учитывается функционально-стилистическая дифференциация литературного языка, отвечающая его активному использованию в сферах социальной коммуникации. “*Italiano neostandard*” характеризуется менее широкой и менее выраженной функциональной дифференциацией.

Диамезия – оппозиция письменной и устной речи, в которой учитывается тенденция либо к функциональной дивергенции, либо к функциональной конвергенции этих форм речи. Для “*italiano neostandard*” характерна тенденция к сближению устной и письменной речи, которая далее продолжается и усиливается в сфере интернет-коммуникации.

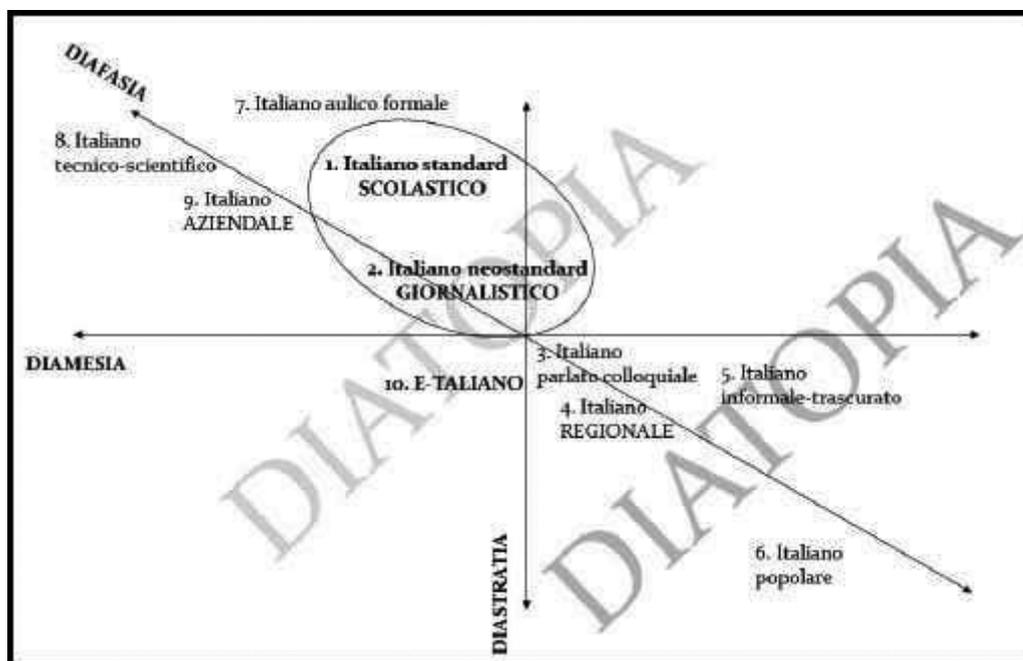
Таким образом, «*italiano neostandard*» представляет собой, прежде всего, разговорный итальянский, используемый в повседневной коммуникации, упрощённый на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях по сравнению с кодифицированным «*italiano standart*». Вместе с тем в конце XX – начале XXI вв. наблюдается интерференция «*italiano neostandard*» в другие сферы общения. Отмечается нормативное и культурное влияние «*italiano neostandard*» на литературный итальянский язык.

Следующий важный этап становления нового вида «устности» в её статусе как первичной формы общения наступает в условиях технического прогресса, перехода от аудиовизуальных средств передачи информации к мультимедийным формам интернет-коммуникации, воздействующим как на аудиальный, визуальный, так и на кинестетический канал восприятия. Возникает новая социокультурная среда, в которой процесс коммуникации осуществляется преимущественно

графической форме. С одной стороны, новая кинестетическая культура способствует появлению нового этапа развития письменности. С другой стороны, происходит усиление «устности», которая путём интерференции в графический формат всё больше подавляет классическую «письменность». Меняется физика языкового знака в его речевом применении. Устная речь проникает в письменную норму, возникают новые процессы нормативизации, ослабления стилевых границ. Если раньше доминировали дивергентные процессы в отношениях письменной и устной речи, то сейчас доминируют конвергентные процессы, где устные разговорные формы речи проникают в письменный стандарт, что особенно ярко проявляет себя в современном итальянском языке.

Существуют разные трактовки и варианты термина, определяющего новый вид коммуникации: “italiano parlato digitato” – “разговорный цифровой итальянский язык”, “italiano trasmesso scritto” – “итальянский язык, переданный в письменной форме”, “italiano digitale” – “цифровой итальянский язык”, “testo chiacchierato” – “разговорный текст”, “scrittura conversazionale” – “разговорно-письменная речь”, “written speech” – “письменная речь”, “electronic discourse” – “электронный дискурс”, “writing conversation” – “разговорно-письменная форма речи”, “computer-mediated discourse” – “компьютерно-опосредованная коммуникация”.

Новый, получивший широкое распространение в итальянистике термин ввёл известный лингвист Д. Антонелли, назвав итальянский интернет-язык “*e-taliano*” [3]. Усовершенствовав и дополнив уже существующую систему социолингвистических параметров описания итальянского языка Г. Берруто (“Архитектура итальянского языка”), Д. Антонелли располагает феномен “*e-taliano*” на пересечении диафазической (ближе к неформальному стилю), диамезической (ближе к письменной форме речи) и диастратической (ближе к сниженным формам речи) осей, трактуя “*e-taliano*” как новую вариативность языковой нормы, своего рода “нео-standart” письменной речи. Как считает Д. Антонелли, «появляется письменная вариативность неформального языкового регистра, используемая практически всеми слоями общества: цифровой (*digitale*) итальянский язык электронной почты и смс» [12, с. 105].

Векторная схема социолингвистических характеристик литературных и диалектальных форм итальянского языка

“*Le varietà dell’italiano di oggi*” Д. Антонелли [3, с. 539]

“E-taliano” или “italiano digitato” представляет собой некий гибридный продукт, синтезирующий свойства письменной и устной форм речи. В настоящее время можно говорить не о бинарной оппозиции этих двух форм речи, а о градуальной. Попыткой определить, является ли этот

вид коммуникации новым видом письменной речи или третьим видом «устности», занимались многие лингвисты.

Д. Бертоки в своей статье с одноимённым названием задаёт вопрос «L'e-mail si scrive o si parla?» («Электронное письмо пишется или говорится?») [6]. Американский лингвист Наоми Байрон, изучая интернет-коммуникацию на материале смс-сообщений, чатов и форумов, использует термин “mixed modality”, подчёркивая, с одной стороны, приближённость данного вида коммуникации к устной речи (использование местоимений 1 и 2 лица, настоящего времени, сниженного стиля речи и сокращённых форм), с другой – тяготение к письменной традиции (дистантность коммуникантов, использование графических символов, текстовая фиксация). В то же время она указывает на сложную синтаксическую структуру и богатство лексических средств языковой выразительности [4].

Д. Кристалл в своей работе «Language and the internet» (“Язык и интернет”) [7] также останавливается на проблеме функционирования разговорной речи в письменной форме. Кристалл говорит о новом виде письменной разговорной речи – “netspeak”. С одной стороны, ей свойственна спонтанность, с другой – фиксированность, дистантность, но в то же время быстрота передачи. Невербальные способы передачи эмоционального состояния собеседника, присущие устной речи, тоже находят свой способ выражения в интернет-коммуникации.

Рассмотрим соотношение фундаментальных свойств письменной и устной речи в формах итальянской интернет-коммуникации. Основное внимание будет уделено тем феноменам, в которых более всего реализуется их гибридизация.

В интернет-общении наблюдается аудио-визуальная гибридизация устной и письменной форм речи. Разговорная интернет-коммуникация объединяет свойства той и другой. От письменной речи она сохраняет графическую форму выражения, опосредованность коммуникативного контакта (через электронный канал связи), текстовую фиксацию, статичность, линейность и монологичность в асинхронных жанрах коммуникации (веб сайт, электронное письмо, блог). От устной речи она заимствует нелинейность, диалогичность и непосредственность коммуникативного контакта (в синхронных жанрах коммуникации: форум, чат, мессенджеры), спонтанность, хаотичность (перебивы), экспрессивность, эмоциональную насыщенность (которая всё больше выражается через визуальные сигналы: эмодзи, эмодзи и др.), допускает интерференцию сниженных разговорных форм (молодёжный сленг, вульгаризмы, диалектизмы). Экономия выразительных средств (использование акронимов, аббревиатур) сочетается с избыточностью выражения (повторы, уточнения). Широко распространена разговорная ненормированность, включая орфографические ошибки, мимика, жесты заменяются условными пунктуационными сигналами (знаки препинания).

Аудио-визуальная гибридизация интернет-языка – весьма широкое и разнообразное явление. В итальянском языке наиболее характерно такая гибридизация проявляется в различного рода заимствованиях, в которых заметно ослабевают выделенные выше социолингвистические оппозиции – функциональные (диафазия), социостратические (диастратия), письменно-устные (диабезия), территориально-диалектальные (диатопия).

Рассмотрим некоторые морфолого-графические и лексические формы, используемые в итальянской интернет-коммуникации. Мы уходим от рассмотрения общих, традиционных для итальянского языка лексических и словообразовательных форм и в первую очередь обратимся к специфическим словообразовательным формам и моделям, для многих из которых свойственно гибридное (полисемиотическое) словообразование. Традиционные формы также широко применяются в языке Интернета, подчиняясь общим нормативным критериям языка. Вторые характеризуются смешанной семиотикой, в них имеет место контаминация языкового и неязыкового семиотических кодов (языковых и математических символов, языковых форм и изображений).

Словообразовательные особенности интернет-дискурса итальянского языка

Визуализируемая в Интернете внешняя форма слова в некоторых случаях претерпевает существенные изменения. Этот феномен можно отнести к особенностям интернет-словообразования, которое может быть либо условно-сокращённым, либо полисемиотическим. Форма слова или ком-

плексного словесного обозначения либо сокращается, превращаясь в аббревиатуру или акроним, или контаминируется, дополненная чуждыми ей условными элементами из других семиотических кодов (например, математического) или условно-иконическими изображениями (эмотиконами).

Выходящее за рамки структурных норм языка интернет-словообразование сохраняет функциональную экспрессивную нагрузку. Рассмотрим некоторые особенные формы интернет-словообразования в итальянском языке Интернета:

1. Сокращения

В интернет-общении, как нигде, действует принцип “экономии речевых усилий” (М.Б. Бергельсон) [1]. В этой экономии принимается во внимание графическая форма слова, сложности его написания на клавиатуре компьютера. Помимо этого, в нём присутствует “игровой момент” (Н.Б. Мечковская) [2]. Используются сленговые криптограммы, которые частично эвфемизируют экспрессию межличностных инвективов (ругательств).

Вопросом классификации сокращений занимаются многие лингвисты и однозначного подхода к их типологизации пока не существует. Выделяются два основных типа сокращений: устные лексические и письменные графические. Интернет-язык ориентируется, прежде всего, на графическую форму. Однако в нём может учитываться и собственно устный произносительный момент на основе внешней звуковой омонимии. Мы остановимся на графических сокращениях, которые активно используются в интернет-дискурсе (преимущественно в чатах и форумах, являющимися полилоговой коммуникацией и наиболее интерактивной средой общения).

Графические сокращения:

1.1. Сигли (инициальные сокращения):

Итальянские: *tvb* – *ti voglio bene* (я тебя люблю); *tadb* – *ti amo di bene* (я тебя люблю); *slmv* – *sei la mia vita* (ты моя жизнь); *pda* – *perfettamente d'accordo* (абсолютно согласен); *cc* – *ciao ciao* (пока пока); *cved* – *ci vediamo* (увидимся); *dcd* – *dicci di più* (скажи нам больше); *cdr* – *cappottato dal ridere* (валяюсь от смеха); *fdm* – *figo/a della Madonna* (очень клёвый, красивый); *nc* – *non commento* (не комментирую); *np* – *nessun problema* (никаких проблем); *cost?* – *come stai?* (как дела?), *dlv* – *dimmi la verità* (скажи мне правду).

Аббревиатуры, заимствованные из английского: *afaik* – *as far as I know* (насколько мне известно), *asap* – *as soon as possible* (как можно скорее), *bbs* – *be back soon* (скоро вернусь), *btw* – *by the way* (между прочим), *fyi* – *for your information* (к твоему сведению), *imho* – *in my humble opinion* (по моему скромному мнению), *idk* – *I don't know* (я не знаю), *lol* – *laughing out loud* (громко смеяться), *omg* – *oh my god* (о боже), *rotfl* – *rolling on the floor laughing* (кататься от смеха), *tmi* – *too much information* (слишком много информации), *yolo* – *you only live once* (живём один раз).

Завуалированные в аббревиатуре инвективы: *pdm* – *pezzo di merda* (кусочек дерьма); *fdp* – *figlio/a di puttana* (сукин сын).

1.2. Суспензии (слоговые сокращения, силабограммы):

bib – *biblioteca* (библиотека); *asp* – *aspetta* (подожди); *ba* – *bacio* (поцелуй); *cell* – *cellulare* (мобильный телефон); *comple* – *compleanno* (день рождения), *doma* – *domani* (завтра); *impo* – *importante* (важный); *pome* – *pomeriggio* (вторая половина дня); *probl* – *problema* (проблема); *raga* – *ragazzi* (ребята); *risp* – *rispondere* (отвечать); *tipe* – *ti penso* (думаю о тебе); *midi* – *mi dispiace* (мне жаль).

Некоторые из данных суспензий образовали устойчивые словосочетания:

Raga risp è impo – *ragazzi rispondete è importante* (Ребята, ответьте, это очень важно).

1.3. Контрактуры (консонантные сокращения, консонатограммы):

cpt – *capito* (понятно); *cmq* – *comunque* (однако); *cn* – *con* (с); *cs* – *cosa* (что, вещь); *dv* – *devo* (я должен); *dgt* – *digitare* (печатать); *grz* – *grazie* (спасибо); *msg* – *messaggio* (сообщение); *nn* – *non* (не); *ns* – *nostro* (наш); *prg* – *prego* (пожалуйста); *pvt* – *privato* (личный); *qlc* – *qualcosa* (что-то); *qs* – *questo* (этот); *vs* – *vostro* (ваш); *vngdp* – *vengo dopo* (приду позже), *ttt* – *tutto* (весь), *scs* – *scusa* (извини), *gg nn vd* – *oggi non vado* (сегодня не приду).

1.4. Фоноидеограммы

К смешанным полисемиотическим графическим формам в Интернете относятся фоноидеограммы (идеографические знаки, которые могут включать в себя как знаки, так и цифры):

– буквенные (как правило, содержащие орфографическую ошибку): *perke* – *perché* (почему); *chi* – *ki* (кто), *kiamami* – *chiamami* (позвони мне), *faqkev* – *fai quello che vuoi* (делай, что хочешь).

Наиболее частотной в итальянском интернет-дискурсе является замена диграфа *ch*, который встречается только перед буквами *E* и *I*, произносится как звук [k], на омофоническую букву *K*, используемую в итальянском языке только в заимствованных словах. Это можно объяснить и стремлением к сокращению печатных знаков, и интернациональным её использованием для передачи звука [k]. Встречается омофоническая замена буквы <I> на <Y> *anzuano* (пожилой), *rovery* (бедный) не как средство сокращения, а как средство выражения иронии. Замена удвоенных [ss] или [zz] на [x] используется как эфемизированный вариант написания обценной лексики с целью избежания цензуры в интернет-пространстве.

– с включением в графическую форму слова цифр (при этом используется обратная ассоциативная опора на устное звучание цифровой лексемы). Например: *6* – *sei* (ты есть); *di dove 6* – *di dove sei* (откуда ты); *giovani8* – *giovannotto* (молодой человек); *b8* – *botto* (жарг. много, авария); *q8* – *quoto* (цитирую); *giàvi1vo* – *già visti una volta?* (мы уже виделись?); *61S* – *sei una stella* (ты звезда), *6SM* – *sei solo mia* (ты только моя), *1a* – *una* (одна), *3mendo* – *tremendo* (ужасный), *2llo* – *duello* (дуэль).

Интересным является омофоническая замена слогов на математические знаки: знак умножения <x> *per*, знак сложения <+> *più*, знак вычитания <-> *meno* заменяют омофоничные им слоги или целые слова, что опять-таки позволяет значительно сократить количество печатных символов: *fatuxte* – *farei tutto per te* (я бы всё сделал для тебя); *axitivo* – *aperitivo* (аперитив); *-male* – *meno male* (слава богу); *+o-* – *più o meno* (более или менее); *xme* – *per me* (для меня); *6Sxme* – *sei speciale per me* (ты особенный для меня); *t1el+trd* – *ti telefono piu tardi* (я тебе позвоню попозже); *xfv* – *per favore* (пожалуйста); *xdere* – *perdere* (терять); *xke* – *perché* (почему), *xsn* – *persona* (человек), *t+t* – *torno più tardi* (вернусь попозже). Знак умножения используется также для передачи превосходной степени: *mmt+* – *mi manchi tantissimo* (я очень по тебе скучаю).

2. Аффиксация

В итальянском интернет-языке наблюдается повышенная экспрессия, которая проникает и в устный разговорный язык. Появляются новые экспрессивные словообразовательные модели:

2.1. Префиксальная деривация:

super-: *superbello*, *superfigo*, *supersicuro*, *supercomodo* (суперкрасивый, очень клёвый, очень уверенный, суперудобный);

mega-: *megasuccesso*, *megafantasia*, *megaconcorso* (мегауспех, суперфантазии, мегаконкурс);

ultra-: *ultraromantico*, *ultracomodo* (очень романтический, суперудобный);

extra- *stra-*: *strafelice*, *strafigo*, *strasicuro* (очень счастливый, очень красивый, слишком уверенный);

iper-: *iperfunzionale*, *ipercalorico* (гиперфункциональный, слишком калорийный).

2.2. Суффиксальная деривация:

-issimo: *bacionissimo*, *regalissimo*, *trendissima*, *buogiornissimo* (огромный поцелуй, большой подарок, очень модная, ироничное приветствие);

-one: *timidone*, *romanticone*, *capiscione* (очень скромный, очень романтический, хорошо понимающий);

-enza : *divertenza*, *interessanza* (веселье, интерес).

Графические характеристики интернет-коммуникации

Для передачи экспрессии в устной речи кроме вербальных средств используются и невербальные (паралингвистические), которые в свою очередь подразделяются на вокальные (такие просодические компоненты речи как тон, тембр, громкость) и кинестетические (жесты, поза, мимика). Чтобы максимально приблизить письменное общение к устному и компенсировать отсутствие этих невербальных средств выражения, в интернет-коммуникации обозначаются свои собственные экстралингвистические средства оформления высказывания. Так, характерным способом выражения экспрессивности графическими средствами являются:

1. Использование нерегламентированной пунктуации

Высокая скорость набора текста, экономия усилий говорящего и поиск новых средств выражения отражаются также на пунктуации в синхронных жанрах коммуникации (чатах, блогах, мессенджерах). Передача интонации, мелодики и ритма выражается с помощью знаков препинания и заглавных букв. Многоточие может обозначать паузу, передавать сомнение, неуверенность. Повтор вопросительных знаков – нетерпение, удивление и даже требование. Эмфаза может быть выражена с помощью заглавных букв, которые часто имитируют крик, разговор в повышенном тоне, или выделяют слово или фразу. Для придания большей выразительности высказыванию используется так же дублирование букв: mmmmm, eeeee, aaaaaaaah, siiiii, pooooo.

2. Пренебрежение правилами орфографии

Стремление коммуникантов к новизне и самоидентификации способствуют созданию новой вариативности графического написания слов и нарушению прескриптивных норм орфографии (замена глухих согласных звонкими, упрощение написания удвоенных согласных, палатализация, прибавление или усечение фонем, использование алломорфов, искажение с целью подражания детской речи): *abbragiamogi* – *abbracciamoci* (обнимемся), *bagiare* – *baciare* (целовать), *giao* – *ciao* (привет), *pobellino* – *poверino* (беденький), *sgandalo* – *scandalo* (скандал), *pazo* – *pazzo* (сумасшедший), *mbriachello* – *ubriachello* (пьяница), *michetti* – *amichetti* (друзья), *muoi* – *muori* (умри), *agliuto* – *aiuto* (помощь), *magliale* – *maiale* (свинья), *maglionese* – *maionese* (майонез).

Одной из форм искажения письменной нормы с целью воспроизведения устной формы слова являются эрративы (допускаемые намеренные нарушения языковой нормы). Языковая вариативность итальянского языка в диалектах (*italiano regionale, dialetti*) отражается на её орфографической норме и воспроизводит некоторые региональные и диалектальные черты произношения. Например, фоносинтаксическое удвоение, характерное для Центральной Италии: *chettelodicoaffa'* – *che te lo dico a fare* (забудь об этом), *dimmelamme'* – *dimmelo a me* (скажи это именно мне), *ettepareva* – *e ti pareva* (я ж говорил), *ichessenso* – *in che senso* (в каком смысле), *macchimmelofaffa'* – *ma chi me lo fa fare* (зачем я это делаю), *maddech * – *ma di che* (не за что, ты о чём), *mobbasta* – *adesso basta* (хватит), *puramme* – *pure a me* (мне тоже).

Использование приёма фоносинтаксического удвоения в процессе универбации с целью экспрессивного воздействия на собеседников и создания эффекта непринуждённости получило широкое распространение среди коммуникантов интернет-сообщества: *apparte* – *a parte* (за исключением, помимо), *apposto* – *a posto* (в порядке), *avvolte* – *a volte* (иногда), *aldil * – *al di l * (за пределами, по ту сторону), *allato* – *a lato* (сбоку).

3. Использование пиктограмм (знаки, передающие не звуковую сторону сообщения, а его содержание)

Иконические пиктограммы (эмотиконы) бывают двух типов: текстовые и графические. Текстовые: :-), :-D, :-))))))))) , :-DDDDD – смех, улыбки, :-(- грусть, O(– объятия, <3 – знак выражения любви. Графические: 😊, ☹️. Эмотиконы, смайлики и картинки эмодзи (а также анимодзи и мемодзи) компенсируют отсутствие интонации и мимики, передают эмоции, мимику и жесты говорящего, помогают интерпретировать сообщение и выразить отношение коммуниканта к тексту.

Мы уже упоминали об игровом моменте в сетевом общении, языковой игре, которая находит своё отражение в словотворчестве (ономатопее), звукоподражании, имитации природных звуков: *ah* – вздох, *gnat* – есть с удовольствием, *slurp* – шумно пить, *blablabla* – долго и нудно болтать, *uffa* – выражение раздражения, *awwwwww* – выражение радости, *bof* – выражение неудовлетворённости, *uawn* – выражение скуки, *fiuuu* – облегчение, *puff* – исчезновение, *mmmmh* – удовлетворение, *xxx* – поцелуй и объятия.

Выводы:

Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета в целом можно рассматривать как продолжение тех тенденций, которые были свойственны итальянскому языку на протяжении последнего времени развития. Вместе с тем новые технические особенности интернет-общения

привносят в итальянский речевой узус ряд особенностей, которые постепенно получают нормативный статус и отражаются в дискурсивной реальности языка. С одной стороны, функциональное пространство языка заметно расширяется за счёт интернет-узуса и относительной дискурсивной обособленности последнего. С другой стороны, внутри интернет-дискурса наблюдаются процессы гибридизации и диффузии письменной и устной форм речи, что подтверждается рассмотренными выше примерами лексических и графических новообразований, активно используемых в виртуальном общении на итальянском языке.

Результатом усиливающейся конвергенции устной и письменной форм речи в интернет-узусе является заметно расширяющееся использование речевых форм и обозначений смешанной семиотики (буквенно-цифровой, буквенно-изобразительной и др.). Во всех случаях смешанная семиотика высвечивает внутреннюю форму нового обозначения, усиливает экспрессивную нагрузку. Имеет смысл говорить о специфическом для итальянского языка Интернета словообразовании. Возникает «графическая орализация» языка, где в графический выразительный код активно проникают формы, характерные для устной речи. Возрастает иконизм графической формы, у неё появляются новые возможности подражания устной форме общения. Интернет-общению свойственны такие характеристики, как синхронность, экспрессивность, ненормированность, диалогичность и компрессионность. С одной стороны, эти процессы можно оценивать негативно: снижается национальная аутентичность форм языка, но с другой стороны – позитивно: появляется новое лингвистическое образование, новый тип речевого общения, который воздействует на итальянскую языковую картину мира и трансформирует её.

© Асадова К.А., 2022

Список литературы

1. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Текст] / М.Б. Бергельсон // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. с. 55–67.
2. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. № 2 (12). М. 2006. с. 165–185
3. Antonelli G. *Lè-taliano: una nuova realtà tra le varietà linguistiche italiane?* 2014, nel vol. *Dal manoscritto al web: canali e modalità di trasmissione dell'italiano*, a cura di E. Garavelli ed Elina Suomela-Harma, Firenze: Franco Cesati editore, 2014, vol. II, pp. 537-556, schema 539.
4. Baron Naomi S. Computer Mediated Communication as a Force in Language Change, «Visible Language» 18.2, 1984. pp. 118-141.
5. Berruto G. *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo*, Roma: La Nuova Italia Scientifica 14a rist. Roma: Carocci. 2006. p 278.
6. Bertocchi D. *Lè-mail si scrive o si parla?*, in «Italiano e oltre», XIV, Firenze: La Nuova Italia Editrice, 1999. pp. 70-75.
7. Crystal D. *Language and the Internet*, Cambridge University Press. 2001. p 256.
8. Mioni A. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione, in P. Benincà et al. 1983, vol 1, pp. 495-517.
9. Ong Walter J. (2005) *Orality and Literacy* LONDON AND NEW YORK: Routledge Taylor & Francis e-Library, 2005. pp. 1-10.
10. Poggi Salani T. *Per lo studio dell'italiano. Avviamento storico-descrittivo*, Padova: Liviana. 2012. p. 240.
11. Sabatini F. *L'italiano dell'uso medio': una realtà tra le varietà linguistiche italiane*, in: G. Holtus / E. Radtke (a cura di), *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart*, Tübingen: Narr. 1985. pp. 154-184.
12. Serianni L. e Antonelli G. *Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica*, Milano: Mondadori. 2011. pp. 316.

References

1. Bergel'son, M.B. *Iazykovye aspekty virtual'noi kommunikatsii* [Linguistic aspects of virtual communication] [Tekst] / M.B. Bergel'son // *Vestnik MGU. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2002. № 1. s. 55–67.
2. Mechkovskaia, N. B. *Estestvennyi iazyk i metaiazykovaia refleksiiia v vek interneta* [Human language and metalinguistic reflection at the age of the Internet] // *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. № 2 (12). М. 2006. s. 165–185.
3. Antonelli, G. *Lè-taliano: una nuova realtà tra le varietà linguistiche italiane?* [E-Italian: A new reality among Italian linguistic varieties] 2014, nel vol. *Dal manoscritto al web: canali e modalità di trasmissione dell'italiano*, a cura di E. Garavelli ed Elina Suomela-Harma, Firenze: Franco Cesati editore, 2014, vol. II, pp. 537-556, schema 539

4. Baron Naomi, S. Computer Mediated Communication as a Force in Language Change, «Visible Language» 18.2, 1984. pp.118-141.
5. Berruto, G. *Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo* [Sociolinguistic of contemporary Italian], Roma: La Nuova Italia Scientifica 14a rist. Roma: Carocci. 2006. p 278.
6. Bertocchi, D. Le-mail si scrive o si parla? [E-mail writes or speaks], in «*Italiano e oltre*», XIV, Firenze: La Nuova Italia Editrice, 1999. pp. 70-75.
7. Crystal, D. *Language and the Internet*, Cambridge University Press. 2001. p 256.
8. Mioni, A. *Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione* [Italian Trend: observations on some aspects of standardisation], in P. Benincà et al. 1983, vol. 1, pp. 495-517.
9. Ong Walter Ong, J. *Orality and Literacy*, London & New York: Routledge Taylor & Francis e-Library, 2005. pp. 1-10.
10. Poggi Salani, T. *Per lo studio dell'italiano. Avviamento storico-descrittivo* [For the study of italian. Historical-descriptive start.], Padova: Liviana. 2012. p. 240.
11. Sabatini, F. L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiano [The Italian of media usage: reality among Italian linguistic varieties], in: G. Holtus / E. Radtke (a cura di), *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart*, Tübingen: Narr. 1985. pp. 154-184.
12. Serianni, L., Antonelli, G. *Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica* [Italian linguistic manual. History, Actuality, Grammar], Milano: Mondadori. 2011. pp. 316.

Сведения об авторе:

Асадова Кристина Аркадьевна – преподаватель кафедры романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва.) Сфера научных интересов: стилистика и лексикология итальянского языка, семиотика интернет-коммуникации, словообразование в языке интернета.

E-mail: k.asadova@inno.mgimo.ru

About the author:

Cristina A. Asadova – Lecturer of Roman languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia.) Spheres of research and professional interest: stylistics and lexicology of the Italian language, semiotics of the Internet communication, word formation in the language of the Internet.

E-mail: k.asadova@inno.mgimo.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-1-30-19-28
УДК 81'373:811

FUNCTIONS OF DOCUMENTONYMS- ABBREVIATIONS IN THE GERMAN LANGUAGE OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Natalia V. Kukina

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article deals with the functions of documentonyms-abbreviations often used in the German language of economics and management. As a component of the peripheral onomastic zone, documentonyms-abbreviations form their own onomastic field and perform a number of important functions. Among them are the functions common to onyms in general, such as the address function and the function of an ethno-linguistic sign. Documentonyms-abbreviations indirectly perform a social function, because they indicate that these documents are aimed at meeting the needs of society in general and individual members of society in particular. Among the functions abbreviations perform in general is the function of compression, individualization and concretization, which is connected with the use of truncations, syllables and full words in the abbreviation, making it more recognizable; the pragmatic function and/or the function of facilitating communication by replacing the original full prototype; dictionary enrichment function realizing their derivational potential, and the text-linking function. The specific functions of documentonyms-abbreviations are singled out. They include the function of identifying its correlation with certain management macrofields; the function of a marker that refers a document to one of the types of administrative documents; the function of an onomasiological feature or basis, depending on the position of the abbreviation in the composite created with the abbreviation-documentonym or on the position of the component in the abbreviation; the function of the top of lexical word-formation nests. The specifics of abbreviations-documentonyms are in the lack of the function of stylistic reduction, and the advertising function characteristic of other types of onyms, pragmatonyms and ergonyms, for example.*

Keywords: *abbreviation, documentary name, gap, nomination, function, component, truncation, initial*

For citation: Kukina, N.V. (2022). Functions of Documentonyms-Abbreviations in the German Language of Economics and Management. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 19–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-19-28>

ФУНКЦИИ ДОКУМЕНТОНИМОВ-АББРЕВИАТУР В НЕМЕЦКОМ ОТРАСЛЕВОМ ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА

Н.В. Кукина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматриваются функции документонимов-аббревиатур, часто используемых в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента. Являясь компонентом периферийной ономастической зоны, документонимы-аббревиатуры образуют собственное ономастическое поле и выполняют ряд важных функций. Среди них можно выделить функции, которые являются общими для онимов в целом, такие как адресная функция и функция этноязыкового знака. Документонимы-аббревиатуры опосредованно выполняют социальную функцию, так как свидетельствуют, что именуемые документы нацелены на удовлетворение потребностей общества в целом и отдельных членов общества. К числу функций, свойственных аббревиатурам в целом, относятся функция компрессии, индивидуализации и конкретизации, которая связана с использованием в составе аббревиатуры усечений, слогов и полных слов, делающих её более узнаваемой; прагматическая функция и/или функция облегчения коммуникации благодаря замещению исходного полного прототипа, а также функция реализации деривационного потенциала и, следовательно, функция обогащения словарного состава немецкого языка, а также текстосвязующая функция. Выделяются специфические функции документонимов-аббревиатур, к которым принадлежат функция свидетельства о соотносённости с определёнными макрополями менеджмента; функция маркёра принадлежности документа к одному из видов распорядительных документов; функция ономастиологического признака или базиса в зависимости от позиции аббревиатуры в составе композита, создаваемого с использованием аббревиатуры-документонима, или в зависимости от позиции компонента в составе аббревиатуры; функция вершины лексических словообразовательных гнезд. К специфике аббревиатур-документонимов относится отсутствие у них функции стилистической сниженности, а также рекламной функции, свойственной иным видам онимов, например, прагматонимам и эргонимам.

Ключевые слова: аббревиатура, документоним, лакуна, номинация, функция, компонент, усечение, инициал

Для цитирования: Кукина Н.В. (2022). Функции документонимов-аббревиатур в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 19–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-19-28>

В современном обществе информация играет крайне важную роль, являясь необходимым компонентом производственной, социальной, экономической и политической области жизни общества. Поскольку деловая информация отражается преимущественно в документах разного рода, то предметом данного исследования были выбраны документонимы, то есть названия указов, законов, постановлений, нормативных актов. Ещё одной причиной этого выбора является то, что по мнению ряда исследователей документонимы относятся к числу мало, частично или лишь эпизодически изученных онимов, хотя представить без них ономастическое пространство невозможно [1]. Причём внимание сосредоточено на аббревиатурах-документони-

мах, то есть на наименованиях документов, которые функционируют в текстах в виде аббревиатур и являются объектом данного исследования.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью выявления функций аббревиатур-документонимов в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента в связи с бурно развивающимся документооборотом и участвующим использованием документонимов именно в сокращённой форме.

Научная новизна нашего исследования состоит в комплексном анализе аббревиатур-документонимов современного немецкого языка, в частности во всестороннем анализе их функций, который, по нашим наблюдениям, проводится на материале немецкого языка впервые.

Основной целью нашей работы является изучение функций аббревиатур-документонимов, которые могут быть общими для них как для онимов в целом, как для аббревиатур в целом, так и могут являть собой специфические функции, присущие именно аббревиатурам-документонимам.

Как показывает анализ литературы, тема аббревиатурной профессиональной лексики изучается с разных точек зрения: структура, функции, проблемы расшифровки аббревиатур. В статье Л.В. Молчановой и Л.Ю. Зубовой рассматривается функционирование аббревиатур в военной лексике на примере английского и немецкого языков, но основное внимание уделяется структурно-семантическому анализу аббревиатур [6]. Вопрос о функциях онимов затронут в работе А.С. Неровны и И.Ю. Керовой, но на примере эргонимов преимущественно русского языка [7], в статье Е.С. Кузницыной – на примере рекламных онимов, но не в виде аббревиатур [3]. В литературе, посвящённой гемеронимам, анализировалась их динамика (нестабильность) [4], место гемеронимов в ономастическом пространстве [10], однако осуществлялся анализ гемеронимов в полной, а не в сокращённой форме. Вопросам расшифровки аббревиатур посвящена работа В.И. Теркулова, в которой рассматриваются сложносокращённые апеллятивы, но не онимы [8]. Мы же рассматриваем функции документонимов-аббревиатур разного вида, используемых в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента, в чём, на наш взгляд состоит новизна нашего исследования. В качестве материала исследования нами были использованы интернет-ресурсы, а также тексты немецкой специальной, учебной и периодической литературы по экономике и менеджменту, откуда методом сплошной выборки отобраны в качестве объекта исследования аббревиатуры-документонимы общим числом 2565 единиц.

Помимо метода сплошной выборки нами использовались метод компонентного анализа, метод классификации и метод абстрагирования, поскольку мы рассматриваем только аббревиатуры тематического поля экономики и менеджмента, абстрагируясь от документонимов иной тематики. При анализе примеров использован семантический анализ, а также морфологический анализ с выделением аббревиатурной морфемы, характеризующих принадлежность документонима к определённому макрополю менеджмента.

Для того чтобы определить в первом приближении процент встречаемости аббревиатур-документонимов среди общего числа аббревиатур в отраслевом немецком языке экономики и менеджмента, произведём подсчёт аббревиатур в трёх, выбранных произвольно, немецких изданиях соответствующей тематики, к которым можно отнести журналы «ManagerMagazin», «Wirtschaftswoche» и «Deutschland».

Таблица 1 – Количественное соотношение онимов-аббревиатур в текстах по экономике и менеджменту

Типы онимов		Источник	ManagerMagazin № 7, 2011	Wirtschaftswoche № 25, 2001	Deutschland № 6, 2006
Эргонимы	фирмы		29	21	1
	партии		10	11	2
	союзы, объединения		6	8	5
Топонимы			3	1	1
Прагматонимы			4	5	–
Антропонимы			2	1	–
Документонимы			3	2	3
Гемеронимы			4	2	–

Общее число аббревиатур составило 125. Из этого количества на аббревиатуры-эргонимы приходится 93 единицы (74,4%). Причём, как видно из Таблицы 1, во всех трёх изданиях эргонимы являются наиболее многочисленной группой аббревиатур. Так что с учётом данных других исследователей результаты нашей выборки можно признать достаточно объективными. Аббревиатуры-топонимы составляют всего 5 единиц (4%), причём фактически это число всего 3: USA (US), DDR и NRW, но аббревиатура USA в первом или втором варианте неоднократно отмечена во всех трёх изданиях. На долю аббревиатур-прагматонимов (наименования продуктов, товаров, изделий) приходится 9 единиц (7,2%), созданных в большинстве случаев за счёт трансонимизации, то есть переноса наименования фирмы на наименование изделия (BMW, VW). Наименее многочисленной является группа антропонимов – 3 единицы (2,4%). Следует отметить, что в обозначении известного лица инициалами проявляется особенность западно-европейских языков, не свойственная русскому языку. В отмеченных нами случаях такими антропонимами являются KPM (Klaus-Peter Müller), SHP (Stephan Holthoff-Pförtner) и AB (Anneliese Brost). Наконец, интересующие нас документонимы представлены 8 аббревиатурами (6,4%). То, что документонимы в виде аббревиатур превосходят по частотности использования антропонимы, гемеронимы и топонимы, подтверждает справедливость выбора их в качестве объекта исследования.

Для начала определим место документонимов в общем ономастическом пространстве. Структура ономастического пространства подразумевает наличие ядерной зоны, которая представлена антропонимами, обладающими в наибольшей мере всеми характеристиками имени собственного, окооядерной зоны, представленной топонимами, зоонимами, космонимами и астронимами, а также периферийной зоны, которую формируют эргонимы, поэтонимы, фитонимы, хремотонимы и идеонимы, к числу которых относятся документонимы. Характеристиками, обуславливающими их отнесение к периферии, являются отсутствие некоторых свойств имени собственного или наличие свойств, которые для имён собственных не характерны. В частности, документонимы составлены главным образом из апеллятивов [5] за исключением документонимов, включающих в себя топонимы: *SBO – Sächsische Binnenhäfen Oberelbe, Hafenbetreiber* / компания по обслуживанию внутренних портов на Верхней Эльбе, земля Саксония, *MHN – Medizinische Hochschule Hannover* / Высшая медицинская школа Ганновера.

Кроме того, в отличие от онимов ядерной зоны, документонимам присуща меньшая стабильность, поскольку под влиянием времени, социальной и политической ситуации в названиях документов вносятся изменения, что ведёт к появлению новых аббревиатур-документонимов: *NKR – Neues kommunales Rechnungswesen* (новая система ведения коммунальных расчетов), *LANpG – Landwirtschaftsanpassungsgesetz* /закон о приведении более ранних норм аграрного права в соответствие с новым.

Вслед за рядом исследователей (П. Чеснокова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун) мы хотели бы отметить, что (аналогично прочим ономастическим разрядам) документонимы в свою очередь создают собственное поле, структура которого тождественна структуре ономастического поля в целом. Ядро поля документонимов составляют документонимы-глобализмы [9], то есть названия документов, действующих не только на территории Германии, например: *UNCLOS – United Nations Convention on the Law of the Sea* /конвенция Организации Объединённых Наций по улаживанию правовых вопросов на море. К окооядерной зоне принадлежат документы и их аббревиатуры общегосударственного значения: *BKGG – Bundeskindergeldgesetz* /федеральный закон о пособиях многодетным семьям; периферийная зона представлена аббревиатурами законов, действие которых ограничено федеральными землями: *NAG – Niedersächsisches Aufbaugesetz* /закон земли Нижняя Саксония о регулировании строительства.

Помимо полевой организации мы предлагаем выделить и другие характеристики, позволяющие классифицировать документонимы-аббревиатуры и выстраивать их тем самым в определённую систему. Так, важным аспектом является их тематическая стратификация, так как это продолжает тему полевого подхода и свидетельствует о том, что документонимы-аббревиатуры выполняют функцию показателя соотнесённости с определённым макрополем менеджмента.

Можно выделить, в частности, профильные законы, регулирующие рынок финансов, банковскую и инновационную деятельность.

Ниже приведены примеры аббревиатур, определённым образом указывающие на связь аббревиатуры с конкретной областью экономики и/или менеджмента.

Таблица 2 – Аббревиатуры, свидетельствующие о принадлежности аббревиатуры к определённой сфере экономики и/или менеджмента

Сфера экономики и/или менеджмента	Аббревиатура	Пример аббревиатуры-документонима
Химическая промышленность	Chem	ChemRZustVO – Chemikalienrecht-Zuständigkeitsverordnung (положение о распределении полномочий в рамках исполнения закона о хранении и использовании химикатов)
Финансовый менеджмент	Fin	FinAnV – Finanzanalyseverordnung (Verordnung über die Analyse von Finanzinstrumenten – положение об анализе финансовых инструментов)
Управление в здравоохранении	Med	MedGV – Medizingeräteverordnung (Verordnung über die Sicherheit medizinisch-technischer Geräte – положение о безопасности приборов медицинской техники)
Педагогический менеджмент	Hsch	HschBauFG – Hochschulförderungsgesetz (закон о содействии развитию высшей школы)
Строительный бизнес	Bau	BauGB – Baugesetzbuch (строительный кодекс, кодекс законов о строительстве) BauGBMaßnG – Baugesetzbuch-Maßnahmengesetz (Maßnahmengesetz zum Baugesetzbuch – закон о «превентивных мерах» в приложение к кодексу законов о строительстве)

Особенностью функций документонимов-аббревиатур является то, что они объединяют в себе часть функций документонимов и часть функций аббревиатур, обладая в то же время, как мы увидим позднее, и специфическими функциями. К числу функций, общих для аббревиатур вообще, относятся функция языковой экономии или функция компрессии. Среди аббревиатур-документонимов 972 единицы представляют собой инициальные аббревиатуры, которым эта функция присуща в наибольшей степени. В контексте аббревиатуры-документонимы успешно выполняют текстосвязующую функцию, например: «*Das Altersvermögensgesetz ... stellt einen Paradigmenwechsel innerhalb der Historie der gesetzlichen Rentenversicherung in Deutschland dar. Das Gesetzpaket aus AVmG / AVmEG hatte zum Ziel die Rentenversicherung auch langfristig für die jüngere Generation bezahlbar zu erhalten*»; «*Das Allgemeine Sozialversicherungsgesetz beinhaltet die zentralen gesetzlichen Bestimmungen zur Sozialversicherung... Neben dem ASVG bestehen eigene Sozialversicherungsgesetze für Gewerblich-Selbständige (Gewerbliches Sozialversicherungsgesetz – GSVG) Bauern (Bauern-Sozialversicherungsgesetz – BSVG) ...*» [12].

Параллельно с функцией компрессии следует отметить выполнение аббревиатурами-документонимами прагматической функции и/или функции облегчения коммуникации, так как аббревиатура является более кратким и удобным для произношения и запоминания заместителем словосочетания или многокомпонентного существительного [5], что особенно важно при общении с зарубежными партнёрами. Общей для обоих типов аббревиатур является также функция реализации деривационного потенциала, которая не свойственна документонимам в полной форме, например: *ASVG – Krankengeld, GSVG – Krankenversicherung*. В силу того, что аббревиатуры достаточно активно реализуют деривационный потенциал в словосложении, то есть в создании композитов, можно сказать, что аббревиатурам-документонимам свойственна функция обогащения словарного состава немецкого языка, преимущественно за счёт создания новых сложных существительных.

В определённой мере аббревиатурам-документонимам также присуща функция отражения социальной или международной значимости документа, хотя это утверждение и достаточно условно. Во многих случаях при первом упоминании аббревиатуры-документонима в периодической литературе после краткой формы в скобках указывается расшифровка аббревиатуры, но некоторые аббревиатуры-документонимы узнаваемы и без расшифровки. К ним относятся аббревиатуры наиболее известных договоров и других документов, используемых специалистами,

например: *МАPOL – MArine POLLution*, *ИМО – Internationale Vorschriften gegen die Verunreinigung der See von der IMO* /международные предписания по предупреждению загрязнения морского бассейна судами, разработанные Международной морской организацией ММО. Это свидетельствует о международной значимости данных документов, то есть об их социальном статусе.

Документы как таковые нацелены на удовлетворение потребностей общества в целом и отдельных членов (групп) общества, то есть выполняют в первую очередь социальную функцию. Документонимы в полной форме, если они достаточно распространены, не выполняют социальную функцию, но отражают социальную функцию того документа, названием которого они являются. Аббревиатуры-документонимы, содержащие два и более усечений (и полные слова), а, следовательно, делающие содержание номинируемого документа достаточно прозрачным, также отражают в определённой мере социальную функцию номинируемого объекта. Особенно это касается законов, направленных на защиту прав определённых слоёв населения (пенсионеров, детей), например: *RentenFinG – Gesetz zur Finanzierung eines zusätzlichen Bundeszuschusses zur gesetzlichen Rentenversicherung* / закон о финансировании дополнительной федеральной надбавки к узаконенному пенсионному страхованию, *ErbGleichG – Erbrechtsgleichstellungsgesetz, Gesetz zur erbrechtlichen Gleichstellung nichtehelicher Kinder* / закон о равноправии в рамках наследственного права /закон об уравнивании в правах детей, не рождённых в законном браке, в рамках наследственного права.

Следующие две функции рассматриваемых нами аббревиатур-онимов связаны с числом компонентов в аббревиатуре. Самыми широко распространёнными являются трёхкомпонентные аббревиатуры-документонимы (1190 единиц) и четырёхкомпонентные (741). В целом их число составляет 1931, то есть на их долю приходится 75,3% от общего числа аббревиатур-документонимов. Понятно, что с увеличением числа компонентов в аббревиатуре возрастает степень её индивидуализации, так как это влечёт за собой снижение числа омонимов. Однако степень компрессии выше у аббревиатур с меньшим числом компонентов. Соответственно, трёхкомпонентные аббревиатуры-документонимы оптимальны с точки зрения выполнения одновременно двух этих функций: индивидуализации и компрессии, так как это позволяет, с одной стороны, минимизировать число омонимов, а, с другой стороны, отвечает требованиям языковой компрессии и облегчения коммуникации, поскольку большее число компонентов (число компонентов аббревиатур-документонимов может достигать 11) делает аббревиатуру чересчур громоздкой для запоминания и воспроизведения, то есть ставит выполнение этой функции под сомнение.

Следует отметить, что выполнение аббревиатурами-онимами функции индивидуализации или конкретизации зависит также от вида аббревиатуры. Наличие в составе комбинированной аббревиатуры компонентов-усечений помогает получить информацию, достаточную для конкретизации тематики, с которой соотносится данный документоним. Таким образом, многокомпонентные аббревиатуры, содержащие в своём составе усечения, способны выполнять идентификационную и дифференцирующую функции, поскольку они делают аббревиатуры-документонимы достаточно узнаваемыми, чтобы исключить омонимию и/или ошибку в определении конкретного закона (договора, предписания).

Ещё одной функцией, которую могут выполнять аббревиатуры в целом, хотя и в ограниченной мере, преимущественно при наличии расшифровки, является информативная функция. Тем не менее, мы считаем, что сокращённые слова и аббревиатуры, содержащие усечения слов, сохраняют морфемное значение, так как компоненты такого рода названия способны указывать на определённую мотивировочную характеристику (характер деятельности, тематика, местоположение и т. д.), то есть способны выполнять информативную функцию. Это подтверждается тем, что наиболее распространённым в нашем массиве данных типом аббревиатур являются комбинированные аббревиатуры: 1558 аббревиатур-документонимов, в состав которых входят слоги и усечения (иногда и целые слова), обладающие достаточной узнаваемостью, чтобы предоставлять определённую информацию, например, об объекте закона: *AltfahrzeugG – Altfahrzeug-Gesetz – Gesetz über die Entsorgung von Altfahrzeugen* / закон об утилизации старых автомашин, о действии документа

на территории конкретной федеральной земли: *HessBG – Hessisches Beamtengesetz* / закон о чиновниках земли Гессен.

К числу функций, общих для онимов в целом, относится адресная функция, которая применительно к аббревиатурам-документонимам может расцениваться двояко. С одной стороны, номинативно-адресная функция означает, что имя собственное привязано к конкретному, индивидуальному объекту и, следовательно, содержит информацию о предмете номинации, представленную хоть и в свёрнутом символическом виде, но достаточную для того, чтобы обеспечить его поиск в различных информационных ресурсах и, следовательно, получить доступ к дополнительной информации об этом объекте в различных информационных ресурсах, прежде всего, в Интернет-ресурсах, но также в других банках данных. Аббревиатуры-документонимы достаточно успешно реализуют данную функцию. С другой стороны, наличествующие в составе аббревиатуры компоненты в виде усечений и/или слоговых аббревиатур являются маркерами соотносённости документонима с определённой сферой экономики или менеджмента и, соответственно, указывают на потенциального адресата, для которого данный документ представляет особый интерес (*AgrStatG – Agrarstatistikgesetz* / закон о ведении статистики сельского хозяйства).

Одной из функций имён собственных, на которые указывается в статье Т.А. Бурковой, является функция этноязыкового знака, которую автор определяет как «указание на принадлежность их носителей к определённому этносу и языку... Этноязычность проявляется в том, что лексемы, входящие в их состав, являясь составной частью лексико-семантической системы соответствующего языка, выполняют свои номинативные, коммуникативные и иные функции в системе данного конкретного этноса» [2, с. 761]. На наш взгляд, функцию этноязыкового знака могут выполнять не только лексемы, но и отдельные компоненты онимов, присущие конкретному языку. Так, можно отметить в составе аббревиатур, входящих в наш массив данных, компоненты-умлауты, а также написание усечения существительных в интер- и постпозиции в аббревиатуре с прописной буквы, поскольку эти два момента являются характерными особенностями орфографии именно немецкого языка: *LöschG – Löschungsgesetz* / закон о погашении, аннулировании, закрытии счета; *RVÄndG – Rentenversicherungs-Änderungsgesetz* / закон о изменении системы пенсионного страхования; *URüV – Unternehmensrückgabeverordnung* / предписание к закону, регулиющему имущественные вопросы возврата предприятия. Помимо этого, особенностью немецких сложных существительных является расположение основного определяемого компонента (ономасиологического базиса) в постпозиции. Как мы видим, расположение таких компонентов аббревиатуры как G (*Gesetz*), V (*Verordnung*) на последнем месте в аббревиатуре-документониме отражает эту особенность немецкого языка, соответственно, как и определение грамматического рода аббревиатуры в целом по роду этого компонента. Одновременно эти компоненты, являясь ономасиологическим базисом, выполняют функцию обязательного компонента аббревиатуры [11].

В плане реализации коммуникативной функции документы делятся на документы односторонней (законы, указы, распоряжения, приказы, инструкции) и двусторонней направленности (договоры, деловая переписка), то есть требующие или не требующие какой-либо реакции со стороны адресата помимо принятия к сведению информации, содержащейся в документе. Можно отметить, что в конкретном контексте, где такие аббревиатуры как G – *Gesetz* (закон), VO – *Verordnung* (предписание), Bef – *Befehl* (распоряжение), Vertr – *Vertrag* (договор), в наименовании международных документов C – *Convention* (конвенция, соглашение) понимаются адресатом однозначно, аббревиатуры-документонимы выполняют функцию отнесённости номинируемого объекта к документам первого или второго типа. Что касается свойственных таким документам как законы, указы, распоряжения и т. д. управленческой и правовой функции, вряд ли можно говорить о том, что эти функции присущи аббревиатурам-документонимам.

Анализируя структуру аббревиатур-документонимов можно отметить, что опущение компонентов словосочетаний при их сворачивании в аббревиатуру и комбинирование внутри аббревиатуры инициалов и усечений осуществляется не случайно, а также выполняет определённую функцию, а именно функцию создания акронимов или значительно реже омоакронимов. Так, в отдельных случаях первый и последний компоненты сворачиваются в инициал, а компонент в

интерпозиции – в усечение: *URüV – Unternehmensrückgabeverordnung* / предписание к закону, регулирующему имущественные вопросы возврата предприятия. Создание достаточно краткого и более удобного в коммуникации акронима может происходить за счёт опущения служебных частей речи (союзы, предлоги) и топонимов: *EGAB – Erstes Gesetz zur Abfallwirtschaft und zum Bodenschutz im Freistaat Sachsen* / Первый закон о промышленности по переработке отходов или вторичного сырья и по сохранению качества почвы, действующий в федеральной земле Саксонии. С той же целью два первых компонента могут сворачиваться в усечение, а последний компонент – в инициал: *BiBuG – Bilanzbuchhaltungsgesetz* / закон о бухгалтерии балансового отчёта.

Нами отмечены также случаи создания омоакронимов-документонимов: *FANG – Fremdrenten-u. Auslandsrenten-Neuregelungsgesetz* / закон о новом регулировании выплаты пенсий из средств обязательного пенсионного страхования гражданам, постоянно проживающим за границей, а также иностранцам, постоянно проживающим внутри страны, (*FANG* означает «лови»); *BOA – Verordnung über den Bau und Betrieb von Anschlussbahnen* / постановление о строительстве и эксплуатации подъездных путей, (*BOA* означает «удав, горжетка»); *BORA – Berufsordnung der Rechtsanwälte* / положение о профессиональной адвокатской деятельности, «Бора – сильный ветер». Однако, в отличие от таких аббревиатур-онимов как эргонимы и прагматонимы в случае аббревиатур-документонимов создание омоакронимов, как следует из значения созвучного с ними полнзначного слова, не связано с выполнением омоакронимами рекламной функции, а ограничено выполнением функции коммуникативной, то есть служит удобству произнесения и лучшему запоминанию документонима в такой форме.

Итак, документонимам в сокращённой форме свойственен ряд функций, присущих онимам в целом, тем не менее, аббревиатуры-документонимы проявляют ряд особенностей. В отличие от антропонимов использование сокращённой формы этих онимов не свидетельствует о фамильярности отношений между адресантом и адресатом, кроме того, им не свойственна функция экспрессии и сниженной стилистики. Употребление сокращённой формы документонима не свидетельствует и об особых социальных, например, дружеских отношениях между участниками коммуникативного акта, а экспрессивная функция не присуща документам в целом, а, следовательно, и их названиям.

Подводя итог изложенному выше, можно отметить, что аббревиатуры-документонимы выполняют ряд функций, общих для всех аббревиатур. В первую очередь здесь следует назвать функцию языковой экономии или функцию компрессии, текстосвязующую функцию, прагматическую функцию и/или функцию облегчения произнесения и запоминания, функцию реализации деривационного потенциала и связанную с этим функцию обогащения словарного состава языка, функцию маркировки международного или социального статуса именуемого объекта, функцию замещения исходного полного прототипа.

Подобно многим именам собственным, документонимы выполняют функцию создания собственного ономастического поля, функцию этноязыкового знака. Многие документонимы, в том числе свёрнутые в аббревиатуру, опосредованно выполняют социальную функцию, так как свидетельствуют, что именуемые документы нацелены на удовлетворение потребностей общества в целом и отдельных членов общества. Наличие в составе аббревиатуры топонима является отражением функции территориальной распространённости и/или значимости определённого документонима.

К специфике аббревиатур-документонимов относится отсутствие у них функции стилистической сниженности, а также рекламной функции, присущей омоакронимам-прагматонимам и эргонимам. В то же время аббревиатуры-документонимы в ходе реализации деривационного потенциала выполняют определённые ономаσιологические функции, такие как: функция ономаσιологического признака или базиса в зависимости от позиции аббревиатуры в составе композита или в зависимости от позиции компонента в составе аббревиатуры; функция вершины лексических словообразовательных гнёзд; функция свидетельства о соотнесённости с определёнными макрополями менеджмента; функция маркёра принадлежности документа к одному из видов распорядительных документов.

Анализ непосредственно составляющих аббревиатур-документонимов показывает, что и их отдельные компоненты могут выполнять определённые функции, а именно: функцию создания акронимов или омоакронимов, что связано с коммуникативной и мнемонической функциями.

© Кукина Н.В., 2022

Список литературы

1. Авлакулов Я. И. Малоизученные типы имён собственных узбекского языка и проблемы их исследования // Вестник Челябинского университета. 2011. № 25. С. 11–14.
2. Буркова Т. А. Функциональный потенциал имён собственных // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №3. С. 761–764.
3. Кузница Е. С. Продуктивные способы словопроизводства рекламных онимов // Русский язык в школе. 2020. Том 81, № 6. С. 83–89.
4. Мадиева Г. Б. Теория и практика ономастики/ Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 199 с.
5. Маркова Т. С. Возможности лексикографического представления компонентов концептуального мегаполя менеджмента в ономаσιологическом аспекте (на материале современного немецкого языка) /Т.С. Маркова, О.С. Цаболова. Москва: РУСАЙНС, 2017. 232 с.
6. Молчанова Л. В. Явление аббревиации в сопоставительном аспекте / Л.В. Молчанова, Л.Ю. Зубова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 120–129.
7. Неровна А. С. Структурно-семантические особенности эргонимов в русском языке // Язык и культура: сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием) / А.С. Неровна, И.Ю. Керова. – Макеевка, 2019. С. 226–228
8. Теркулов В. И. Сложносокращённые апеллиативы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112.
9. Фоменко О. С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009, 209 с.
10. Чеснокова П. Поле названий праздников: структура и компонентный состав (на материале чешского и русского языков) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 236–239.
11. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
12. Wikipedia – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesundheitskasse.at> > cdscontent > load (дата обращения: 27.05.2019).

References

1. Avlakulov, Ya. I. Maloizuchennye tipy imen sobstvennykh uzbekskogo iazyka i problemy ikh issledovaniia [Little-studied types of proper names of the Uzbek language and problems of their research] // *Vestnik Cheliabinskogo universiteta*. 2011. № 25. S. 11–14.
2. Burkova, T.A. Funktsional'ny potentsial imen sobstvennykh [Functional potential of proper names] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2016. T. 21. №3. S. 761–764.
3. Kuznitsina, Ye. S. Produktivnye sposoby slovoпроизводства reklamnykh onimov [Productive ways of word production of advertising names] // *Russkiy iazyk v shkole*. 2020. Tom 81, № 6. S. 83–89.
4. Madiyeva, G. B., Suprun, V. I. *Teoriya i praktika onomastiki* [Theory and practice of onomastics]. *Uchebnoe posobie*. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. 199 s.
5. Markova, T.S., Tsabolova, O.S. *Vozmozhnosti leksikograficheskogo predstavleniya komponentov kontseptual'nogo megapolia menedzhmenta v onomasiologicheskom aspekte (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka)* [Possibilities of lexicographic presentation of the components of the conceptual megafield of management in the onomasiological aspect (based on the material of the modern German language)] Moskva: RUSAYNS, 2017. 232 s.
6. Molchanova, L. V., Zubova, L. Yu. Iavlenie abbreviatsii v sopostavitel'nom aspekte [The phenomenon of abbreviation in a comparative aspect] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2019. № 2. S. 120–129.
7. Nerovna, A. S., Kerova, I. Yu. Strukturno-semanticheskie osobennosti ergonimov v russkom iazyke [Structural and semantic features of ergonyms in Russian] // *Iazyk i kul'tura: sb. nauch. trudov V Respublikanskoj ochno-zaochnoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Makeevka, 2019. S. 226–228
8. Terkulov, V. I. Slozhnosokrashchennyye apelliativy kak avtonomnaia raznovidnost' abbreviatur [Compound abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations] // *Rusistika*. 2020. T. 18. № 1. S. 97–112.
9. Fomenko, O. S. *Pragmatonimy-globalizmy: lingvisticheskiy status i funktsional'naya spetsifika* [Pragmatonyms-Globalisms: Linguistic Status and Functional Specificity]: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009, 209 s.

10. Chesnokova, P. Pole nazvaniy prazdnikov: struktura i komponentny sostav (na materiale cheshskogo i russkogo iazykov) [The Field of Holiday Names: Structure and Components (based on the Czech and Russian Languages)] // *Vestnik VolGU. Seriya 2: Iazykoznanie*. 2011. № 1 (13). S. 236–239.
11. Shimkevich, N. V. *Russkaia kommercheskaia ergonimiia: pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian commercial ergonyms: pragmatic and linguoculturological aspects]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2002. 22 s.
12. Wikipedia - [Elektronnyy resurs], www.gesundheitskasse.at › cdscontent › load (accessed 27.05.2019).

Сведения об авторе:

Кукина Наталья Владимировна – Старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). E-mail: Nataliya-vl@mail.ru

About the author:

Natalia V. Kukina – Assistant Professor at the German Language Department MGIMO University.
E-mail: Nataliya-vl@mail.ru

* * *

MEANING AND SENSE AS THE BEDROCK OF ENGLISH DISCOURSE FUNCTIONAL SPACE

Victoria L. Malakhova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article is devoted to the analysis of correlation between the concepts ‘meaning’ and ‘sense’, peculiarities of their formation and their role in the process of developing integral functional space of discourse. The objective of the article is to determine how certain linguistic means create meanings, which factors contribute to their transformation into sense, what exactly provides representation and further interpretation of sense.*

Considering the essence of meaning, the author analyzes its types, specifies the extent of interaction and interdependence between them, determines the factors promoting transformation and modification of one type into another which clarifies what helps actualize meanings of different levels. The author singles out semantic, semantic-and-syntactic, logical-and-semantic, and pragmatic meanings as the principle meanings underlying formation of discourse integral sense. The analysis of discursive sense formation as a multi-level hierarchical system based on complex interaction and interdependence of meanings of different types makes this study relevant and topical.

The study identifies optimal ways of sense creation and its adequate representation, of enhancing communication efficiency and achieving the communicative goal of a speech act. The author emphasizes the importance of the choice of linguistic means and the role of context in this process, the significant influence of linguistic and extra-linguistic factors; this directly impacts meanings formation, their transformation into sense which, in turn, forms the bedrock of discourse functional space.

The study methodology combines elements of systems analysis, descriptive analysis, discourse analysis, pragmasemantic analysis, component analysis.

The author comes to the conclusion that discourse sense space, being situationally conditioned, operates more with sense than meanings. The sense of discourse is not reducible to the sum of the meanings that form it. Meaning and sense are categories that are formed in the course and as a result of communicative activity and cognitive processes; therefore, the effectiveness of communication depends on adequate generation, representation and decoding of meanings and sense.

Keywords: *English discourse, meaning, sense, types of meaning, transformation, context, linguistic and extralinguistic factors*

For citation: Malakhova, V.L. (2022). Meaning and Sense as the Bedrock of English Discourse Functional Space. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 29–43. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-29-43>

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

В.Л. Малахова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Статья посвящена анализу соотношения понятий «значение» и «смысл», особенностей их формирования и роли в процессе выстраивания функциональной системы английского дискурса. Целью статьи является определение того, каким образом происходит формирование значений, под воздействием каких факторов они трансформируются в смысл, что именно способствует репрезентации и последующей интерпретации смысла.*

При рассмотрении сущности значения анализируются его типы, устанавливается степень взаимосвязи между типами значения, определяются факторы, воздействующие на трансформацию и переход одного типа значения в другой, то есть то, что обеспечивает реализацию значений разных уровней. В качестве основных значений автор выделяет семантическое, семантико-синтаксическое, логико-семантическое и прагматическое значение. Анализ формирования дискурсивного смысла как многоуровневой иерархической системы, основывающейся на сложном взаимодействии и взаимозависимости значений разного типа, делает данное исследование актуальным и целесообразным.

В ходе исследования выявляются оптимальные способы формирования и адекватной передачи смысла, повышения эффективности коммуникации и достижения коммуникативной цели речевого акта. Подчеркивается важность выбора языковых средств и роли контекста в этом процессе, значительное влияние факторов языковой и внеязыковой природы, что напрямую воздействует на формирование значений, их трансформацию в смысл, который, в свою очередь, обуславливает структурирование функционального пространства дискурса.

Методология исследования включает элементы системного анализа, метода лингвистического описания, дискурс-анализа, прагма-семантического анализа, компонентного анализа.

Автор приходит к заключению о том, что смысловое пространство дискурса, являясь индивидуальным и ситуативно обусловленным, оперирует большими смыслами, чем значениями. Смысл дискурса не сводим к сумме формирующих его значений. Значение и смысл являются категориями, модифицирующимися в ходе и в результате коммуникативной деятельности и когнитивных процессов, поэтому эффективность коммуникации зависит от правильного порождения, передачи и декодирования значений и смыслов.

Ключевые слова: *дискурс, значение, смысл, типы значений, трансформация, контекст, лингвистические и экстралингвистические факторы*

Для цитирования: Малахова В.Л. (2022). Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 29–43. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-29-43>

1. Введение

Интерес лингвистов к проблемам репрезентации мыслительного процесса языковыми средствами приводит к активному изучению прагма-семантических и коммуникативных аспектов их употребления. Проводится множество исследований, направленных на выявление оптимальных способов повышения эффективности коммуникации, достижения цели

(целей) речевого акта, адекватной передачи смысла сообщаемого. Понимание смысла в лингвистике является довольно сложным и неоднозначным, термин не имеет строгого определения, а процесс формирования смысла – завершённого описания. Кроме того, недостаточно изученными остаются соотношение понятий значение и смысл и их роль в процессе формирования общего функционального пространства дискурса. Подобный ракурс анализа значения и смысла обуславливает актуальность и новизну исследования.

Формирование и функционирование значения и смысла – это двусторонний, созависимый процесс. В то же время они по-разному характеризуют языковые единицы, и, наоборот, разные языковые единицы обладают разной способностью моделировать значение, трансформируемое в дальнейшем в надлежащий смысл [13], [22]. Поэтому смысловое пространство дискурса, являясь индивидуальным и ситуативно обусловленным, оперирует скорее смыслами, чем значениями. Целью нашего исследования является определение того, за счёт чего и каким образом происходит модификация значений, репрезентация и интерпретация смысла. Нами предпринимается попытка описания процесса формирования языковыми средствами значений, которые под действием определённых факторов языковой и внеязыковой природы трансформируются в смысл, лежащий в основе функционального пространства дискурса.

Сложность формирования смысла можно объяснить синергичным взаимодействием лингвистических, логико-философских, социологических, психологических, этнографических аспектов значения [19], [21], [34]. Структурирование смыслового пространства английского дискурса требует установления соотношения между семантической структурой коммуникативной ситуации и её совместимостью с логико-семантическими дискурсивными отношениями определённого типа [14], [32]. Также важную роль играют ситуативно-ориентированный (объективное выражение информации – фактов, событий, состояний) и аксиологический (концептуально-оценочный) факторы [11], [12], [37]. При этом возникают смыслы, имеющие облигаторный характер для данного дискурса, и факультативные, второстепенные смыслы, не противоречащие его семантике. В этом проявляется динамическая природа дискурса, поскольку его специфика определяется не только структурной завершённостью, но, главным образом, коммуникативной эволюцией, которая зависит от общей коммуникативной цели в некоторой информационной цепи [6], [18], [35]. Поэтому смысловая система дискурса выстраивается не через дискретные значения, а через целостный смысл, который представляет собой не отдельные факты, а описание ситуации в целом.

Интегративность и глобальность смысла, определяющие выбор конкретных языковых средств его формирования, объединяют высказывания в некую единицу, целостность которой должна обеспечивать как её завершённость, информативность (реализацию замысла коммуниканта), так и адекватность восприятия. Значение и смысл, таким образом, представляют определённую ситуацию как относительно законченную содержательную структуру, воплощающую коммуникативное намерение. На первый план выдвигается смысловой аспект дискурса, что обусловлено коммуникативной сущностью речевого акта (который актуализирует заложенный автором и воспринятый (с разной степенью адекватности) адресатом смысл речи в той или иной ситуации общения) и речевой деятельности в целом (которая направлена на экстерииоризацию смыслов и внутренних образов сознания коммуникантов).

2. Материалы и методы

Теоретическую основу исследования образуют работы известных лингвистов по проблематике формирования значений и смыслов, их особенностей и роли в построении смыслового пространства английского дискурса. В качестве иллюстративного материала для анализа отбираются фрагменты дискурса из художественной литературы, профессионального дискурса и источников масс-медиа современных англоязычных авторов.

Основными методами, применяемыми в исследовании, являются системный анализ (в его феноменологическом варианте), метод лингвистического описания, прагма-семантический анализ английского дискурса, дискурс-анализ и компонентный анализ. Их применение обеспечивает

глубокое осмысление процессов формирования значений разного уровня под действием определённых контекстуальных условий и прагматических факторов, их трансформации в смысл, репрезентации смысла в процессе общения и достижения коммуникативной цели.

3. Результаты

Формирование смыслового пространства английского дискурса является комплексным процессом, так как включает различные механизмы порождения, трансформации и понимания. Все аспекты модификации смысла переплетены теснейшим образом и находятся в отношениях комплексности, поэтому в каждом конкретном случае конструирование смысла определяется взаимодействием всех значений, в то же время он несводим к простому сложению отдельных компонентов значения. Очевидны синергичное взаимодействие элементов сложной смысловой системы дискурса и её функционирование в зависимости от внутренних факторов и воздействия внешней среды.

Поскольку смысл, зафиксированный в виде последовательности значений, представляет собой результат функционирования языковой системы, проведённый комплексный анализ позволил выявить соотношение между базовыми значениями, формируемым в конечном счёте смыслом и коммуникативным (прагматическим) эффектом. Так, адекватное использование языковых средств для обозначения вещей, явлений и ситуаций реального или конструируемого мира способствует созданию надлежащего семантического значения; верное выстраивание отношений и связей между словами и высказываниями обуславливает формирование семантико-синтаксического и логико-семантического значений, на основе которых происходит приращение прагматических значений. В зависимости от конкретного контекстуального окружения и экстралингвистических факторов обозначенные значения трансформируются в прагма-семантический и коммуникативно-функциональный смыслы, формирующие функциональное пространство дискурса.

В процессе формирования смыслового пространства английского дискурса очевиден переход от лексики к семантике, от семантики к логике и, далее, к прагматике. Приращение прагматических значений на основе базовой семантики может привести к изменению информативной составляющей и увеличению коммуникативных возможностей.

Таким образом, смысл представляет собой многослойную структуру, образуемую комплексом разноуровневых значений и подвергающуюся разноплановым модификациям в процессе формирования и интерпретации участниками коммуникации. Это ещё раз подтверждает открытость и нелинейность дискурса как динамической системы.

4. Анализ и дискуссия

4.1. Значение как основа смысла

Функциональная природа дискурса отражается в динамике структуры его составляющих, которые, с одной стороны, реализуют значения разных уровней и, с другой, объединяют в единую конфигурацию все элементы, создавая единое функциональное смысловое пространство. Очевидно, что значение может быть представлено не только с помощью семантических признаков. Поскольку каждое высказывание является неким уникальным событием, созданным в определённый момент времени для определённой коммуникативной цели, недостаточно одного понимания значения слов и предложений [29], [39]. Также необходима интерпретация прагматического потенциала выражений, конструируемых говорящим [30]. Характер коммуникативной ситуации оказывается существенным для определения значения точно так же, как и сами семантические компоненты, обуславливающие не только соответствующую организацию языковых единиц для передачи определённого содержания, но и понимание этих языковых выражений в соотношении с определённым контекстом. Иными словами, языковое значение можно полноценно изучить только в случае, если свести вместе семантические и прагматические принципы описания этого сложного феномена.

Формирование и понимание значения зависит, прежде всего, от адекватности выбора языковых единиц – от соответствия значения отдельных языковых единиц контексту, уместности и правильности их использования. Это продвигает общение и способствует достижению его основной цели, заключающейся в обмене информацией и взаимопонимании. Выбор средств номинации обусловлен первоначальным замыслом автора дискурса. Тем не менее, он может корректироваться, по принципу обратной связи, конкретной ситуацией осуществляемого общения, особенностями коммуникантов и т.д. Отбор языкового средства для репрезентации того или иного значения определяется его внутренней стороной (означаемое) и внешней (означающее). Значение не может быть догматичным и однозначным: в каждом конкретном случае форма должна быть адекватна сущности, то есть языковая единица должна непосредственно соотноситься с формируемым ею значением и, далее, смыслом. Репрезентируя определённое значение, языковая единица содержит также информацию об отношении между номинируемыми референтами, которое, в свою очередь, дополняет и характеризует содержательную сторону языкового средства [26], [36]. Поэтому языковые единицы принимают непосредственное участие в придании динамики формируемым значениям и мотивируют смысловые отношения.

Сложность правильного отбора номинативных средств для выражения определённого значения заключается в том, что разные языковые единицы могут по-разному отображать одни и те же объекты действительности, выявлять их свойства, признаки и характеристики, описывать состояния, процессы, действия. При этом их понимание и, как следствие, осуществление коммуникативного замысла зависят от когнитивной сферы и языкового опыта реципиента. Например:

(1) “How are you?” “Fine. You?” (N. Hornby “High Fidelity”).

(2) “You’re okay? Really okay?” “In the pink.” (S. King “Hearts in Atlantis”).

В представленных фрагментах формируется смысловой компонент «физическое/эмоциональное состояние участника общения». Тем не менее, выбор фразеологически репрезентируемого концепта *in the pink* в примере (2) в качестве языкового средства передачи значения придаёт большую стилистическую окраску, глубину, эмоциональность, в то время как значение, образованное прилагательным *fine* в (1), гораздо более нейтрально. Однако достижение коммуникативной цели обуславливается знанием адресата значения фразеологически репрезентируемого концепта *in the pink*.

То же самое мы наблюдаем в следующем примере, в котором метафорическое использование языковых средств, с одной стороны, способствует усилению формируемого значения (поскольку если в данном случае метафоры заменить на стилистически нейтральные средства выражения, например, *I was their last chance* и *they wanted to use all possible opportunities*), формируемое значение не меняется, но прагматика дискурса предстаёт в несколько ином ракурсе), но с другой, – усложняет его понимание для реципиента:

(3) I suddenly hated Arthur, again. I was their last pawn, and to save what little face they had left, they wanted all the blood they could squeeze (J. Grisham “The Street Lawyer”).

Понимание значения, как мы видим, представляет собой не менее сложный процесс, чем его формирование. Интерпретацию, или выбор адекватного контексту значения, можно описать в терминах теории фокализации Т. ван Дейка. В преломлении к нашему объекту исследования, фокализацию можно представить как акт специальной обработки значения, когда в процессе осмысления информации некоторое значение «помещается» в фокус, то есть выделяется из множества других и тем самым получает более привилегированную позицию по отношению к остальным значениям, приобретающим статус периферийных [8]. Иначе говоря, фокализация выполняет функцию отбора значения из множества возможных, обуславливаемого способностью к восприятию, знаниями, нацеленностью на результат коммуникативного акта, интересами и т.д. коммуникантов и реализуемого в значениях всех отображаемых объектов. Например:

(4) He recalled a letter that had come a week or so ago, full of puzzling possibilities (S. Hunter “The 47th Samurai”).

(5) He tried to give his wife pleasure in little ways, because he had come to realize, after nearly two decades together, how often he disappointed her in the big things (J.K. Rowling “The Casual Vacancy”).

(6) It was a well-known syndrome – he had come across it before (M. Bond “Monsieur Pamplemousse Hits the Headlines”).

В представленных фрагментах под действием прагматического (контекстуального) фактора происходит фокализация (активизация) разных значений глагола *come*: основное значение *приходить, прибывать, доставлять* в (4); *удаваться, получаться, приходить к* – как усиление смыслового глагола *realize* в (5); *встречаться, сталкиваться, иметь дело с чем-л.* в (6).

В рамках нашего исследования мы пытаемся установить, каким образом определённые языковые средства реализуют прагма-семантический смысл, выражают коммуникативную установку, воздействуют на структурирование и смысловое членение дискурса и передачу целостного смысла. Очевидно, что глобальность формируемого смысла регулируется в значительной степени и выбором языковых средств, и особенностями их синтаксического структурирования, и их однозначностью, и возможностями варьирования, переосмысления. Именно эта глобальность, синергизм, а не механическая суммарность, создаёт то пространство, которое обеспечивает целостность, адекватность восприятия и понимания транслируемого смысла, дискурса и коммуникативного акта.

4.2. Типы значений и их особенности

Поскольку актуальность для нас представляет исследование вклада семантической, синтаксической, логической и прагматической составляющих в общую функциональную систему формирования смысла, очевидна целесообразность анализа особенностей соответствующих типов значений.

Формирование смысла является сложным иерархичным процессом. Поскольку смысл – это совокупность значений, создаваемых говорящим и интерпретируемых слушающим в зависимости от их фоновых знаний и миропонимания в целом, очевиден факт значимости каждого аспекта значения в конструировании общего смысла.

Значение формируется за счёт взаимодействия элементов, присутствующих в объективной действительности и сознании говорящего и слушающего и в момент высказывания обуславливающих отбор языковых средств. Поэтому значение относится и к миру, и к языку, и к когниции [2], [7]. Значение, таким образом, представляет собой фрагмент действительности (реальной либо конструируемой), вычлененный и обработанный сознанием человека и преобразованный в смысловую структуру предложения/высказывания/дискурса. Перенос значения из действительности в язык, некоторые лингвисты понимают его как сложную семантическую единицу, выражаемую предложением, и говорят о наложении значения на континуум объективных явлений [15], [16], [28].

Непосредственно к реальным ситуациям, а точнее – к референтным объектам реальной действительности, к отношениям между этими объектами, к областям пространства и времени отсылает **семантическое значение**.

Как правило, семантическое значение считается контекстно-свободным, закреплённым в словарных дефинициях (скажем, глагол *like* в любом контексте хоть в какой-то степени проявит своё первичное значение «любить, получать удовольствие, одобрять»). Тем не менее оно обусловлено не только лексическими значениями единиц, но и языковой формой, синтаксическими и логическими отношениями между этими единицами и семантическими правилами их сочетаемости. Иначе говоря, семантическая интерпретация должна также задействовать логические и когнитивные подсистемы сознания [9], [14], [25].

Семантическое значение является многоуровневой структурой, состоящей из пресуппозиций и эксплицитного и имплицитного компонентов. Занимая самый высокий уровень в иерархии семантической структуры значения, пресуппозиции образуют основу для эксплицитного семантического компонента; их взаимодействие, в свою очередь, является базой для имплицитного семантического компонента, то есть для «внутренней речи» [10], [27]. Так, упомянутая выше единица *like*, даже актуализируя своё базовое значение, всё же приобретает разные смысловые приращения в восклицании *Oh, how I like it!* в таких ситуациях, как, например, плавание в бассейне, наблюдение за пожаром, критика неудачного поступка или оценка серьёзного мероприятия. Разное восприятие одной и той же фразы в приведённых контекстах проистекает из разных пресуппозиций, характерных для описанных ситуаций.

В абстрагированном от конкретной коммуникативной ситуации высказывании могут возникать различные семантические структуры и значения. Осуществление ограничительной функции, функции отбора релевантных и актуальных для данного высказывания значений из ряда возможных обеспечивает контекст. Актуализация семантического значения в речи, то есть в результате влияния контекста, приводит к изменениям в семантической структуре, за счёт чего значение усложняется и приобретает новые оттенки. На это также влияют логико-информационная структура высказывания, иллокутивная сила и перлокутивный эффект. Очевидно, что семантическое значение представляет собой первичные отношения, фиксируемые в глубинных репрезентациях и затем модифицируемые под влиянием прагматики контекста.

Отображая множество представлений и интерпретаций, семантическое значение тесно взаимосвязано с синтаксическим компонентом [38]. **Синтаксический компонент значения** преобразует глубинные структуры семантики языковых единиц, ограничивая бесконечное множество возможных значений согласно конкретным условиям коммуникативной ситуации и определённым правилам – осуществляется операция вычленения правильного значения из множества возможных. Например, конструкция *would like to* форматирует значение глагола *like* в несколько отличном от базового значения ключе: здесь семантика глагола уже не столько выражает переживаемое человеком чувственное восприятие (как в предыдущем примере), сколько волеизъявление, и это значение порождается именно включением глагола в данный синтаксический конструкт. Отсюда понятно, что жёсткое разделение семантики и синтаксиса в реальном речеупотреблении нерелевантно, ибо они неразрывно связаны.

Семантико-синтаксическое значение – это самодостаточное значение языковой единицы, автономная номинативная функция слова контекстно-свободной значимости. Это объём понятия лексической единицы, зависящий главным образом от свойств, внутренне присущих самой номинации. Формирование семантико-синтаксического значения предполагает линейное развёртывание смыслового содержания с опорой на возможные при этом уточнения, в процессе чего актуализируется семантика языковых единиц, выстраивается синтаксическое взаимодействие, распределяется функциональная нагрузка [3], [4], [5].

Актуализация семантико-синтаксического значения определяется множеством факторов, среди которых немаловажными оказываются те функциональные связи, в которые вступают языковые единицы. Безусловно, все эти принципы действуют не всегда одинаково и однонаправленно при построении различных семантических значений, различное сочетание этих факторов создаёт и различные отношения между ними.

(7) Where's your radio? You **used to** carry your radio all the time (D. DeLillo "Underworld").

(8) A gun was different; you grew **used to** it, and it became a tool (S. Hunter "The 47th Samurai").

(9) Although these styles have been described in terms of capital market theory, it should be pointed out that other procedures **could be used to implement** them (W.F. Sharpe, J.W. Bailey, G.J. Alexander "Investments").

В приведённых примерах за счёт синтаксических связей активируются разные семантические значения используемого выражения *used to*: (7) *привычка, обычное повторяющееся действие в прошлом*; (8) *привыкать, приспосабливаться к чему-либо*; (9) *применяться, использоваться для чего-либо, с какой-либо целью*.

Выражение отношений и связей объективной действительности посредством семантико-синтаксических структур основывается на логическом содержании и когнитивных процессах их отражения [33]. **Логическое значение** представляет собой объективную категорию и его истинность не зависит от семантического и прагматического факторов речи. Оно формируется, с одной стороны, путём обращения к внешнему миру и, с другой, – путём обращения к внутреннему миру говорящего – его истинных мыслей, чувств и намерений.

Однако семантическое значение в значительной степени опосредованно логическим – семантико-синтаксическое значение под воздействием законов логики и прагматических факторов преобразуется в **логико-семантическое** [7], [14].

(10) "So who d'you reckon wrote that **stuff** about Dad?" he asked her recklessly.

She turned a face of fury upon him.

“I don’t know,” she said, “but whoever they are, it was a despicable, cowardly thing to do.” (J.K. Rowling “The Casual Vacancy”).

(11) Pure atmospheric elements. Nitrogen, oxygen, hydrogen. No petroleums. No sulfurs. No volcanic acids. Nothing peculiar. All the **stuff** we see when meteorites fall through the atmosphere (D. Brown “Deception Point”).

Если сравнить представленные примеры, в (10) прагматические факторы выстраивают логическую цепочку, которая способствует пониманию негативного характера написанного (*stuff*) об одном из участников ситуации (*Dad*) – чего-либо неожиданного, неприятного, обидного для него; тогда как прагматика дискурса фрагмента (11) актуализирует нейтральное значение существительного *stuff*. Подобным образом конструируется логический смысл фрагмента, обуславливающий формирование логико-семантического значения.

Логико-семантическое значение обуславливается значением употребляемых лексических единиц, функциональными связями между единицами, грамматическими структурами, фактически используемыми в высказывании, и интерпретацией этих единиц и структур. Это является ресурсом, используемым участниками коммуникации для формирования и интерпретации смысла дискурса [14].

Логико-семантическое значение можно сравнить с номинациями, относящимися к глобальному, и даже идеальному, обозначению ситуации, факта, события и т.п. Представляя собой внутреннюю форму, мыслительное содержание, в конкретном дискурсе оно обогащается дополнительными прагматическими компонентами познавательного, эмоционального, субъективного характера, обладающими способностью изменять первоначальное семантическое значение, наполнять его новыми оттенками, что в итоге будет определяющим в понимании всего дискурсивного пространства в разных социокультурных и этнокультурных средах.

Интерпретация смысла высказываний требует развёртывания логико-семантического значения под воздействием контекстуальных и экстралингвистических факторов в **прагматическое значение**, т.е. значение, выходящее за рамки сугубо лексических значений слов. Прагматика играет важнейшую роль в дискурсе. Она воплощает стратегии (использование общих знаний, предположения о коммуникативном намерении и т.д.), с помощью которых пользователи языка связывают лексическое/грамматическое значение высказываний с их коммуникативной ценностью в контексте. Прагматическое значение, как правило, отражает коммуникативные функции, которые имеют отношение к межличностному обмену информацией, выраженной определёнными грамматическими и лексическими средствами того или иного языка.

(12) The director of the CIA... showed the President of the United States pictures of **dead ducks** and sick children, apparently from Salisbury, to persuade him to take extreme action (R. Slane “NYT claims Haspel’s CIA showed Trump (fake) pictures of dead ducks, sick kids to get firm response to Skripal poisoning”).

(13) Anything that means spending money around here is **a dead duck** before it starts (A. Hailey “The Final Diagnosis”).

В данных отрывках значение передаётся выражением *dead duck*. Однако в (12) актуализируется его буквальное значение – *мёртвые, погибшие, птицы*, в то время как в (13) очевидна прагматическая коннотация – *ничто, обречённое на неудачу, провал, что-либо с маловероятными шансами на успех*, поскольку словосочетание в этом случае является фразеологически репрезентируемым концептом.

Если синтаксически и семантически сообщение можно рассматривать как совокупность знаков, означающих объекты, ситуации, события реального или конструируемого мира, то прагматический аспект значения зависит от индивидуального адресата (так называемый «фактор адресата»). Прагматическое значение обуславливается мировоззрением и жизненным и языковым опытом автора дискурса и партнёра, их культурной принадлежностью и социальным статусом, их эмоциональным состоянием в момент общения и обстоятельств самой коммуникативной ситуации [20], [23], [24]. Эти и другие факторы воздействуют на способность коммуникантов пра-

вильно формировать и интерпретировать прагматическое значение и дальнейшую возможность осуществлять коммуникативное взаимодействие.

Для понимания различий семантического и прагматического аспектов значения снова можно обратиться к теории фокализации Т. ван Дейка. Учёный понимает прагматический фокус как «акт выбора, критерием которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия» [8, с. 319]. Таким образом происходит отбор – фокализация – наиболее важных, значимых для акта коммуникации значений. Семантический фокус, напротив, является контекстно-независимым и определяется «в терминах отношений, существующих между фактами или объектами, т.е. на чисто онтологическом уровне семантики» [там же, с. 319]. Это ещё раз подтверждает идею о том, что значение, являющееся компонентом общего смысла, менее важно в сравнении со смыслом, так как смысл имеет более широкие следствия, чем его составляющие по отдельности. Трансформация семантического значения в прагматическое представляет собой процесс перемены (альтернатики) фокуса (термин Т. ван Дейка).

Также разграничивающим семантический и прагматический фокус фактором является нацеленность первого на репрезентацию множества суждений о фактах, объектах, ситуациях и т.д. окружающего мира, тогда как второй определяется в терминах коммуникации и коммуникантов. Иначе говоря, семантический фокус отображает последовательность суждений/фактов (заданных реальным или возможным миром) в контексте/дискурсе, а прагматический фокус – последовательность речевых актов в рамках коммуникативной ситуации. В процессе формирования и трансформации смысла прагматический фокус может смещаться. Это обусловливается возможной переменной перспективы формирования смысла за счёт изменения в целях и интенциях говорящего, условий и обстоятельств коммуникативной ситуации. Поэтому в прагматический фокус попадают именно те объекты/суждения/факты/события, которые соответствуют как контексту общей коммуникативной ситуации, так и непосредственно конкретному речевому акту в определённый момент времени.

Итак, семантическое значение, синтаксическая сочетаемость и логическая форма представляют собой языковое кодирование и образуют семантику знака. Прагматическое значение за счёт дискурсивного пространства декодирует логико-семантическое значение. Происходит трансформация логико-семантических связей в прагма-семантический смысл.

Поскольку дискурс, являясь открытой нелинейной динамичной системой, оперирует в большей степени смыслами, а не значениями, представляется целесообразным рассмотреть понятие смысла, его особенности и факторы, влияющие на его формирование.

4.3. Смысл как взаимодействие семантических отношений, логической формы языковых выражений и прагматической интерпретации

Смысл представляет собой предмет сообщения или часть дискурса, то, что говорящий хотел бы воспроизвести, а слушающий воссоздать относительно ситуации, объекта/факта, события и т.д. в определённый момент развёртывания коммуникативной ситуации – так называемая «смысловая конфигурация контекста» [2]. Как некий абстрактный объём понятия смысл соотносится с определённым языковым выражением в конкретном речевом акте, поэтому всегда является ситуационным представлением фрагмента действительности.

Смысловая основа – это то, что связано с ситуацией или с референтной отнесённостью предложения. Она бывает понятна, если известна референция. Определённая соотносённость с ситуацией является условием эффективного осуществления коммуникации между людьми, поскольку, как утверждает Э. Бенвенист, «даже если смысл и понятен, а референция неизвестна, коммуникация не может состояться» [4, с. 140].

Смысл можно определить как универсальное, инвариантное содержание деятельности человека [5]. Это подтверждает тезис о континуальности смысла, его непосредственной связи с когнитивными структурами (восприятием, пониманием, памятью и др.) и зависимости от реальных условий и участников осуществляемого общения [26], [38].

Понимание смысла как содержания мысли, цели действия, поступка выводит его за рамки собственно языкового выражения, делая целесообразным его рассмотрение в масштабах коммуни-

кативной ситуации и цели совершающегося общения как действия. Здесь очевидна поступательность формирования смысла от функционирования знаков (языковых единиц и их отношений) к репрезентации объективного мира. Интерпретация смысла поэтому основана на его представлении как результате творческого процесса, в котором номинативные единицы, преобразуясь в рамках определённого контекста, конструируют значения, в свою очередь трансформирующиеся под действием прагма-коммуникативных факторов, на основе чего формируется смысл, не сводимый к сумме значений составляющих. Смысл имеет ситуативный характер, оформляется через значения и функции слов, словосочетаний и предложений, через функциональные отношения между высказываниями, что позволяет передавать его максимально полно.

Для смысла нетипично существование на каком-либо отдельном языковом уровне, например, семантическом. Он включает в себя и логико-семантические значения (отношения между знаком и означаемым, номинативной единицей и денотатом), и коммуникативно-функциональные аспекты в реальной коммуникативной ситуации. Поэтому смысл – это, с одной стороны, совокупность номинантов и их отношений и, с другой, – постоянно преобразующееся и трансформирующееся в соответствии с меняющимися условиями коммуникации комплекс значений.

Смысл формируется языковыми единицами на основе их отношений и правил организации, за счёт чего происходит фиксация определённых объектов, явлений, событий действительности (реальной или конструируемой) в рамках коммуникативного акта. Трансформация смысла происходит в конкретной коммуникативной ситуации, в которой реализуются и когнитивные, и коммуникативные, и прагматические установки.

(14) His face wore that sly weasel's expression she despised. It meant the wheels were turning; he was scheming again about the best way to get something for nothing (L. Spencer "Separate Beds").

Например, в (14) смысл конструируется на основе значений, формируемых выражением *the wheels were turning*. Сначала актуализируется буквальное семантико-синтаксическое значение – вращение колёс. Далее под воздействием контекстуального фактора (*sly weasel's expression, was scheming, the best way to get something*) репрезентируется логико-семантическое значение – очевидно фигуральное значение выражения, метафорически используемого в данном дискурсе. За счёт этого происходит приращение дополнительного прагматического значения – сравнение мыслительного процесса участника коммуникативной ситуации с быстро вращающимися колёсами. Выделенные значения ложатся в основу целостного прагма-семантического смысла дискурса – описание эмоционального состояния участника коммуникации и его поведения, целей. Кроме того, смысловое пространство дискурса также обогащается коммуникативно-функциональным смыслом оценки и отношения автора дискурса к действиям и поведению партнёра (презрение, возмущение, неодобрение).

Формирование смыслового пространства осуществляется в соответствии с коммуникативными интенциями автора дискурса, конкретными особенностями реципиента, соотношением личностных смыслов, развитием и дополнением модели отношения [9], [31], [40]. Для его активизации в конкретной коммуникативной ситуации необходимо такое взаимодействие участников, которое приведёт к воплощению обоюдоприемлемого смысла в едином пространстве дискурса.

Смысл порождается взаимодействием компонентов сообщения, которые могут быть явными и неявными. Кроме того, формирование смысла зависит от способа, которым компоненты структурированы вместе и функционируют в контексте. Иными словами, интерпретация смысла происходит за счёт контекстуального фактора как отправной точки. Решающая роль контекста – это принцип эффективности общения. Благодаря ему становится возможным понять, каким образом реципиент перемещается из полюса фактически прозвучавшего или написанного в полюс того, что при этом дополнительно имеется в виду, – от уровня выраженного значения к уровню подразумеваемого значения. Например:

(15) "Going all right?" "I don't really want to talk about it, to be honest." (N. Hornby "High Fidelity").

(16) "Come in, Clay, ... let's talk." "I've had a hell of a day." (L. Spencer "Separate Beds").

В приведённых фрагментах формирование смысла – нежелание одного из партнёров коммуникативной ситуации по какой-либо причине участвовать в диалоге – зависит от того, как ком-

поненты структурированы вместе и под воздействием контекста функционируют в дискурсе. В (15) смысл выражен эксплицитно – *don't want to talk* – и подкрепляется парентезой *to be honest*, которая привносит дополнительную прагматику, так как снимает возможные сомнения в том, насколько однозначно настроен говорящий. В (16) смысловой компонент нежелания общаться выражен имплицитно (*had a hell of a day*); происходит так называемая семантическая транспозиция – косвенный отказ от приглашения к разговору, который не включает собственно отрицательных лексико-грамматических форм, но, тем не менее, контекстуально также вполне однозначен. Таким образом, происходит функциональный сдвиг от уровня выражаемого смысла к уровню подразумеваемого смысла.

Контекст создаёт некую канву при формировании смысла: из широкого круга возможных значений контекст как бы «отсекает» ненужные и неподходящие, но и привлекает нужные и подходящие, происходит так называемая детерминация [17], [38]. Иначе говоря, контекст отнимает из суммы значений определённую часть, за счёт чего формируется смысл, представляющий собой в итоге результат сложений и вычитаний значений. Опираясь на значения, автор дискурса подвергает их разнообразным трансформациям (детерминациям) с учётом коммуникативного замысла, общей коммуникативной ситуации и контекста [17]. Поэтому формируемые значения, лежащие в основу смысла, являются подвижными и подвержены изменениям. Это моделирует некоторый набор потенциальных сложных смыслов, из которых под действием контекстуальных факторов в конечном счёте можно отобразить наиболее адекватный. Процесс интерпретации смысла включает набор процедур, нацеленных на построение связной модели реального (или конструируемого) мира.

Таким образом, являясь ядром любой формы коммуникации, смысл представляет собой то, что должно быть надлежащим образом передано в акте устного или письменного общения. Языковые средства выражают смысл в единстве формального (структурная грамматическая форма) и содержательного (значение, семантика) аспектов. Причём чёткой границы между этими двумя сторонами не существует – лексическая и денотативно-отражательная стороны находятся в тесной взаимосвязи с грамматической как в рамках взаимодействия отдельных единиц, так и при формировании отношений между высказываниями в системе дискурса. И формальная, и содержательная стороны языковых средств, таким образом, нацелены на репрезентацию смысла, формирование которого осуществляется в парадигме «обозначение–употребление–знание». Поэтому смысл оказывается той величиной, которая охватывает и содержание (семантику), и форму (грамматику) языковых средств выражения, и правильная активизация которой опосредована прагматическими факторами.

5. Заключение

Коммуникативное взаимодействие обусловлено выстраиванием адекватного смысла, формируемого значениями разных уровней. Базовый, семантический, уровень – это уровень лексических средств, которые, вступая в синтаксические отношения, составляют текст. Семантика сосредоточена на значениях и условиях истинности с минимальным учётом конкретного акта коммуникации. Следующим уровнем является логический. Логика объясняет соотношение между мыслью и способом (способами) её выражения. Закономерности создания цепочек смыслов обусловлены свойствами мышления. Завершающим уровнем является уровень прагматики, на котором происходит декодирование смысла высказывания и дискурса в целом. Прагматика нацелена не столько на значение, сколько на создание смыслов, потенциала, на интерпретацию. Она учитывает использование языка в контекстуальном социально-культурном взаимодействии участников коммуникации. Прагматический анализ сосредоточен на смысле дискурса, а не на значении слов или предложений. Тесное переплетение, взаимодействие и взаимозависимость всех уровней может приводить к определённым сложностям в интерпретации коммуникативной картины языкового поведения в конкретных ситуациях [1]. Это отражается также и на невозможности чёткого разграничения значения на подтипы, которое является достаточно условным,

поскольку все они находятся в сложной взаимосвязи между собой и обусловлены познавательной установкой, коммуникативными и прагматическими потребностями коммуникантов.

© Малахова В.Л., 2022

Список литературы

1. Александрова О.В. Языковая личность как отражение когнитивно-коммуникативной деятельности человека / О.В. Александрова // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 33-36.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвосинергичное структурирование картины мира / Н.Ф. Алефиренко, И.А. Аглеев, Й. Кеснер // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 23-31. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. 2. изд., стер. М.: УРСС, 2002. 446 с.
5. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1978. 176 с.
6. Габец А.А. Прецедентные феномены как точки бифуркации художественного дискурса / А.А. Габец // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 8. С. 27-38.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века: от ситуации к высказыванию. Изд. 2-е, испр. / В.Г. Гак. М.: URSS, 2009. 366 с.
8. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк / Перевод с английского Т.Д. Корельской // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста. Составление, общая редакция и вступительная статья Т.М. Николаевой. М.: «Прогресс», 1978. С. 259-336.
9. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
10. Кольцова Е.А. Особенности функционирования внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 4. С. 55-73. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04>.
11. Лазарева А.В. Коммуникативно-прагматические аспекты речевых актов и событий в коммерческой корреспонденции / А.В. Лазарева // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: Сборник научных трудов. Москва, 2014. С. 118-127.
12. Матвеева Н.В. Механизмы формирования содержания и смысла текста в процессе его восприятия: психолингвистический подход / Н.В. Матвеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 82-92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.8>.
13. Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности / В.А. Михайлов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1992. 200 с.
14. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: учебное пособие: спецкурс по специальности 10.02.04 (германские языки); Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России; каф. англ. языка № 5 / Е.В. Пономаренко. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 317 с.
15. Попова З.Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания: Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 176 с.
16. Потенция А.А. Мысль и язык / А.А. Потенция. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
17. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике / Э.Д. Сулейменова. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 160 с.
18. Харьковская А.А. Концептуальная организация дискурса социальных сетей (на материале социальной сети FACEBOOK) / А.А. Харьковская, И.Б. Кривченко // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 60-77.
19. Худяков А.А. Проблема смысла в свете знаковой теории языка / А.А. Худяков // Язык и речевая деятельность. 2000. Т. 1. № 3. С. 1-22.
20. Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В.И. Шаховский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54-79.
21. Шаховский В.И. Язык как система: значение и смысл / В.И. Шаховский, П.С. Волкова // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 23. № 3. С. 48-62. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-48-62>.
22. Ячная Т.А. Подходы к определению понятия «значение» в современной лингвистике / Т.А. Ячная // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 235-238.
23. Alba-Juez L. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian journal of linguistics. 2018. Volume 22. No 1. P. 9-37. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>.
24. Amaral P. Expressive meaning / P. Amaral // Handbuch pragmatik / Ed. by F. Liedtke, A. Tuchen. Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. P. 325-333. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_32.
25. Brody M. Lexico-logical form: A radically minimalist theory / M. Brody. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. 155 p.
26. Burton-Roberts N. Meaning, semantics and semiotics / N. Burton-Roberts // Perspectives on linguistic pragmatics. Perspectives in pragmatics, philosophy & psychology / Ed. by A. Capone, F. Lo Piparo, M. Carapezza. Springer: Cham, 2013. P. 1-22. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01014-4_1.
27. Carston R. Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication / R. Carston. Oxford: Wiley-Blackwell, 2002. 432 p.

28. Chomsky N. Language and interpretation / N. Chomsky // *New horizons in the study of language and mind* / Ed. by N. Chomsky, N.V. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 46-74.
29. Cruse A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics (Oxford textbooks in linguistics) / A. Cruse. Oxford University Press, 2004. 441 p.
30. Davidson D. Inquiries into truth and interpretation. 2nd edition / D. Davidson. Oxford: Oxford University Press, 2001. 320 p.
31. Haugh M. Speaker intentions and intentionality / M. Haugh, K.M. Jaszczolt // *The Cambridge handbook of pragmatics* / Ed. by K. Allan & M.K. Jaszczolt. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 87-112.
32. Husserl E. Preliminary remarks about the systematic theory of forms of meanings / E. Husserl // *Logic and general theory of science* / Ed. by E. Husserl. Springer, 2019. P. 129-140.
33. Kamp H. From discourse to logic: An introduction to modeltheoretic semantics, formal logic and discourse representation theory / H. Kamp, U. Reyle. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. 717 p.
34. Kecskes I. The paradox of communication: A socio-cognitive approach / I. Kecskes // *Pragmatics & society*. 2010. No 1. P. 50-73.
35. Khranchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse / D.S. Khranchenko // *Professional discourse & communication*. 2019. Volume 1. No. 1. P. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.
36. Lascarides A. Temporal interpretation, discourse relations and common sense entailment / A. Lascarides, N. Asher // *Linguistics and philosophy*. 1993. No 16.5. P. 437-493.
37. Ledeneva S. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics / S. Ledeneva // 5th International Multi-disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, 26 August-1 September 2018, vol. 5 Science & Society, issue 3.6 Language & Linguistics, 2018. P. 3-10. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018h/31/s10.001>
38. Maienborn C. Meaning in linguistics. Volume 1. Handbooks of linguistics and communication science / C. Maienborn, K. von Heusinger, P.H. Portner // *Semantics: An international handbook of natural language meaning* / Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P.H. Portner. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1-10.
39. Pradhan R.Ch. Mind, meaning and world: A transcendental perspective / R.Ch. Pradhan. Springer, 2019. 142 p.
40. Tikhomirova A. How culture and trustworthiness interact in different e-commerce contexts: A comparative analysis of consumers' intention to purchase on platforms of different origins / A. Tikhomirova, J. Huang, S. Chuanmin et al. // *Frontiers in psychology*. 2021. No 12. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.746467>.

References

1. Aleksandrova, O. Iazykovaia lichnost' kak otrazhenie kognitivno-kommunikativnoi deiatel'nosti cheloveka [Linguistic personality as the reflection of the human cognitive-communicative activity... pp. 33-36]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive studies of language], 2(41), 2020, pp. 19-27. (In Russian).
2. Alefirenko, N., Agleev, I., Kesner, J. Lingvosinergiynoe strukturirovanie kartiny mira [Linguosynergic Structuring of the World Picture]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Dagestan State pedagogical university bulletin. Social and humanitarian sciences], 4 (12), 2018, pp. 23-31. (In Russian). DOI: [10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31](https://doi.org/10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31).
3. Arutiunova, N. *Tipy iazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988. 341 p. (In Russian).
4. Benveniste, E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics] / Ed. and commented by Yuri S. Stepanov; Translated from French by Yuri N. Karaulov et al. 2nd edition. Moscow, URSS, 2002. 446 p. (In Russian).
5. Bondarko, A. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and meaning]. Leningrad, Nauka, 1978. 176 p. (In Russian).
6. Gabets, A. Precedentnyye fenomeny kak tochki bifurkatsii hudozhestvennogo diskursa [Precedent phenomena as bifurcation points of fiction discourse]. *Linguistics & polyglot studies*, 8, 2016, pp. 27-38. (In Russian).
7. Gak, V. *Iazykovye preobrazovaniia: nekotorye aspekty lingvisticheskoi nauki v kontse XX veka: ot situatsii k vyskazyvaniu* [Language transformations: some aspects of linguistic science at the end of the 20th century: From situation to statement]. 2nd edition, reviewed. Moscow, URSS. 366 p. (In Russian).
8. Dijk, T.A. van. Voprosy pragmatiki teksta [Issues of text pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], 8, 1978, pp. 259-336. (In Russian).
9. Deleuze, G. *Logika smysla* [The logic of meaning] / Translated from French by Y.I. Svirsky. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2011. 472 p. (In Russian).
10. Koltsova, E., Kartashkova, F. Osobennosti funktsionirovaniia vnutrennei rechi v lingvopragmaticheskom i psikhologicheskom aspektakh [Functions of inner speech: linguistic, pragmatic and psychological aspects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State pedagogical university bulletin], 4(8), 2018, pp. 55-73. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04>.
11. Lazareva, A. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty rechevykh aktov i sobytii v kommercheskoi korrespondentsii [Communicative and pragmatic aspects of speech acts and events in commercial correspondence]. *Iazyk i kommunikatsiia v sovremenom polikul'turnom sotsiume* [Language and communication in a modern multicultural society], 2014, pp. 118-127. (In Russian).
12. Matveeva, N. Mekhanizmy formirovaniia soderzhaniia i smysla teksta v protsesse ego vospriiatiia: psikholingvisticheskiy podkhod [Mechanisms of the formation of the content and meaning of the text in the process of its perception: A psycholinguistic

- approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Iazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 16(2), 2017, pp. 82-92. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.8>.
13. Mikhailov, V. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitel'noi deiatel'nosti* [Sense and meaning in the system of speech-thinking activity]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1992. 200 p. (In Russian).
 14. Ponomarenko, E. *Osnovaniia funktsional'noy lingvosinergetiki: Uchebnoe posobie* [Foundations of functional linguosynergetics: A textbook]. Moscow, 2015. 317 p. (In Russian).
 15. Popova, Z., Sternin I. *Leksicheskaia sistema iazyka: Vnutrenniaia organizatsiia, kategorial'ny apparat i priemy opisaniia: Uchebnoe posobie* [Lexical system of language: Internal organization, categorical apparatus and methods of description: Course book]. Moscow, Knizhnyi dom "LibrokoM", 2011. 176 p. (In Russian).
 16. Potebnia, A. *Mysl' i iazyk* [Thought and language]. Moscow, Labyrinth, 2007. 256 p. (In Russian).
 17. Suleimenova, E. *Poniatie smysla v sovremennoy lingvistike* [The concept of meaning in modern linguistics]. Alma-Ata, Mektep, 1989. 160 p.
 18. Kharkovskaya, A., Krivchenko I. Kontseptual'naia organizatsiia diskursa sotsial'nykh setei (na materiale sotsial'noi seti FACEBOOK) [Conceptual organization of social network discourse (based on FACEBOOK social network)]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics], 3(27), 2017, pp. 60-77. (In Russian).
 19. Khudyakov, A. Problema smysla v svete znakovoi teorii iazyka [The problem of meaning in the light of the sign theory of language]. *Iazyk i rechevaia deiatel'nost'* [Language and speech activity], 1(3), 2000, pp. 1-22. (In Russian).
 20. Shakhovskiy, V. Kognitivnaia matritsa emotsional'no-kommunikativnoi lichnosti [Cognitive matrix of emotional and communicative personality]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 22(1), 2018, pp. 54-79 (In Russian).
 21. Shakhovskiy, V., Volkova, P. Iazyk kak sistema: znachenie i smysl [Language as a system: meaning and sense]. *Linguistics & polyglot studies*, 23(3), 2020, pp. 48-62. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-48-62>.
 22. Iachnaia, T. Podkhody k opredeleniiu poniatiiia "znachenie" v sovremennoy lingvistike [Approaches to the definition of the concept of "meaning" in modern linguistics]. *Trudy BGTU*, 5, 2016, pp. 235-238. (In Russian).
 23. Alba-Juez, L., Larina, T. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 2018, pp. 9-37. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>.
 24. Amaral, P. Expressive meaning. In F. Liedtke and A. Tuchen (Eds.), *Handbuch Pragmatik* (pp. 325-333), Stuttgart, J.B. Metzler, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_32.
 25. Brody, M. *Lexico-logical form: A radically minimalist theory*. Cambridge, Mass., MIT Press, 1995. 155 p.
 26. Burton-Roberts, N. Meaning, semantics and semiotics. In A. Capone, F. Lo Piparo, and M. Carapezza (Eds.), *Perspectives on linguistic pragmatics. Perspectives in pragmatics, philosophy & psychology* (pp. 1-22), Springer: Cham, 2013. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01014-4_1.
 27. Carston, R. *Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2002. 432 p.
 28. Chomsky, N. Language and interpretation. In N. Chomsky, and N.V. Smith (Eds.), *New horizons in the study of language and mind* (pp. 46-74), Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
 29. Cruse, A. D. *Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics (Oxford textbooks in linguistics)*. Oxford University Press, 2004. 441 p.
 30. Davidson, D. *Inquiries into truth and interpretation. 2nd edition*. Oxford, Oxford University Press, 2001. 320 p.
 31. Haugh, M., Jaszczolt, K.M. Speaker intentions and intentionality. In K. Allan, and M.K. Jaszczolt (Eds.), *The Cambridge handbook of pragmatics* (pp. 87-112), Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
 32. Husserl, E. Preliminary remarks about the systematic theory of forms of meanings. In E. Husserl (Eds.), *Logic and general theory of science* (pp. 129-140), Springer, 2019.
 33. Kamp, H., Reyle, U. *From discourse to logic: An introduction to modeltheoretic semantics, formal logic and discourse representation theory*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. 717 p.
 34. Kecskes, I. The paradox of communication: A socio-cognitive approach. *Pragmatics & society*, 1, 2010, pp. 50-73.
 35. Khranchenko, D. Functional-linguistic parameters of English professional discourse. *Professional discourse & communication*, 1(1), 2019, pp. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.
 36. Lascarides, A., Asher, N. Temporal interpretation, discourse relations and common sense entailment, *Linguistics and philosophy*, 16.5, 1993, 437-493.
 37. Ledeneva, S. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, 26 August-1 September 2018*, vol. 5 Science & Society, issue 3.6 Language & Linguistics, 2018, pp. 3-10. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018h/31/s10.001>
 38. Maienborn, C., Heusinger, K., Portner, P.H. Meaning in linguistics. Volume 1. Handbooks of linguistics and communication science. In C. Maienborn, K. von Heusinger, P.H. Portner (Eds.), *Semantics: An international handbook of natural language meaning* (pp. 1-10), Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2011.
 39. Pradhan, R. *Mind, meaning and world: A transcendental perspective*. Springer, 2019. 142 p.
 40. Tikhomirova, A., Juan Huang, et al. How culture and trustworthiness interact in different e-commerce contexts: A comparative analysis of consumers' intention to purchase on platforms of different origins. *Frontiers in psychology*, 12. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.746467>.

Сведения об авторе:

Малахова Виктория Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО. Сфера научных интересов: функциональная лингвосинергетика, дискурс-анализ, категория притяжательности, функциональные свойства, когнитивная лингвистика, фразеологически передаваемый концепт, межкультурная коммуникация.

E-mail v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

About the author:

Malakhova, Victoria L. – PhD (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of English Language Department № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Research interests: functional linguosynergetics, discourse, possession, cognitive linguistics, phraseologically represented concept, intercultural communication.

E-mail v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

* * *

THE PHENOMENON OF AXIOLOGICAL ENANTIOSEMY IN LEGAL DISCOURSE

Maria N. Fedulova

Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation,
Bolshaya-Sadovaya str., 14, Moscow, 123001, Russia

Abstract. *The article is devoted to the effect of the evaluation factor in legal discourse. The evaluation factor is considered to be the central one providing the connection of conceptual (cultural-axiological) foundations with the communicative dynamics of discourse. Assessment can become an area of study of the complex mechanisms of the relationship between culture and pragmatics in human speech activity.*

Evaluation is considered to be an immanent factor of human social existence. Human life is impossible without an evaluative attitude to reality. In any sphere of life, a phenomenon, an event, an act are subjects to evaluation, all events are subject to correlation with the norms of social relations and culture. Assessment reflects a person's position in the system of social relations, his life attitudes: what he strives for, what he denies and what he treats neutrally.

The examples of legal judicial polemics show, on the one hand, the central status of evaluation in the teleology of a speech act, and on the other hand, its high mobility and semantic independence. Evaluation needs, on the one hand, subject verification (factual justification), and on the other – moral justification (compliance with cultural norms). This relationship is observed with a high degree of clarity in the speech units of legal discourse (in texts, statements), where pragmatics and the general axiology of evaluation can come into conflict, forming the so-called semantic, or axiological, enantiosemy of legal discourse. There is an internal content asymmetry in the speech signs of discourse, which is actively used by the parties to the trial in the context of legal controversy in order to strengthen the semantic impact on the court. The judge makes the decisive final assessment.

The article may be of interest to specialists in the field of general linguistics, semiotics of discourse, communication theory, and researchers in the field of judicial rhetoric.

Keywords: *legal discourse, informative saturation, axiology, evaluation, concept, semantic enantiosemy*

For citation: Fedulova, M.N. (2022). The Phenomenon of Axiological Enantiosemy in Legal Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 44–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-44-55>

ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕКСТОВ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ)

М.Н. Федулова

Военный университет МО РФ,
ул. Б. Садовая, д.14, 123001, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется действие фактора оценки в юридическом дискурсе. Фактор оценки рассматривается как центральный, обеспечивающий связь концептуальных (культурно-аксиологических) оснований с коммуникативной динамикой дискурса. Оценка может стать областью изучения сложных механизмов взаимосвязи культуры и прагматики в речевой деятельности человека.

Оценка рассматривается как имманентный фактор социального бытия человека. Жизнь человека невозможна без оценочного отношения к действительности. В любой сфере жизнедеятельности то или иное явление, событие, поступок подлежат оценке, все события подлежат соотносению с нормами общественных отношений и культурой. В оценке отражается позиция человека в системе общественных отношений, проявляются его жизненные установки: то, к чему он стремится, что он отрицает и то, к чему он относится нейтрально.

На примерах юридической судебной полемики показывается, с одной стороны, центральный статус оценки в телеологии речевого акта, а с другой стороны, – её высокая подвижность и семантическая несамостоятельность. Оценка нуждается, с одной стороны, в предметной верификации (в фактическом обосновании), а с другой – в нравственном оправдании (соответствии культурным нормам). Данная взаимосвязь с высокой степенью наглядности наблюдается в речевых единицах юридического дискурса (в текстах, высказываниях), где прагматика и общая аксиология оценки могут вступать в противоречие, образуя так называемую смысловую, или аксиологическую, энантиосемию юридического дискурса. В речевых знаках дискурса возникает внутренняя содержательная асимметрия, что активно используется сторонами судебного процесса в условиях юридической полемики с целью усиления смыслового воздействия на суд. Решающую заключительную оценку выносит судья.

Статья может быть интересна специалистам в области общего языкознания, семиотики дискурса, теории коммуникации, исследователям в области судебной риторики.

Ключевые слова: юридический дискурс, информативная насыщенность, аксиология, оценка, концепт, смысловая энантиосемия

Для цитирования: Федулова М.Н. (2022). Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики). *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 44–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-44-55>

Понятие «энантиосемия» в современной лингвистике

Феномен лексической энантиосемии уже давно наблюдается и изучается в современной лингвистике на материале различных языков. Этим термином обозначаются случаи лексической полисемии, в которых два лексико-семантических варианта одного и того же слова диаметрально расходятся в своём семантическом развитии и выражают противоположные значения. В Лингвистическом энциклопедическом словаре лексическая энантиосемия тракту-

ется как случай внутрисловной антонимии [8, с. 36]. Энантисемиа отмечается в таких словах, как: *запустить* (*запустить*₁ – дать старт какому-то делу, *запустить*₂ – допустить деградацию какого-то дела), *просмотреть* (*просмотреть*₁ – внимательно отнестись к наблюдению или чтению; *просмотреть*₂ – невнимательно отнестись к наблюдению или чтению), *занять* (*занять*₁ – дать кому-то в долг; *занять*₂ – взять у кого-то в долг) и т.д.

Энантисемиа рассматривается не только в синхроническом срезе, но исследуется также в диахронической ретроспективе. Так, в исследованиях по глубинной этимологии европейских языков с опорой на сравнительно-исторический метод выделяются символические или мифопоэтические антонимии в ряде обозначений животных, явлений природы, которые несут в себе как доброе, так и злое, пагубное начало. Так, *змея* (*snake*) в мифопоэтическом представлении индоевропейцев «была символом смерти и жизни» [11, с. 426], *камень* (*stone*) «мыслился как единство Внутреннего и Внешнего» [11, с. 451], *ворон* (*raven*) – «символ Огня и Солнца» и он же «символ Смерти и Разрушения» [11, с. 383]. На этом уровне рассмотрения могут выделяться различные коннотативные антонимии, касающиеся чувственной образной трактовки семантики некоторых словесных обозначений в индоевропейских языках.

На рубеже XX-XXI веков основной интерес лингвистики всё больше составляет не историческая или структурная метафизика языка, а смысловая феноменология речевого узуса в его частном и целостном понимании. «Нынешний этап развития лингвистики характеризуется поворотом от сущностной к феноменологической стороне языка» [5, с. 54]. В новых условиях понятие «энантисемиа» расширяет область своего терминологического применения. В последние годы в лингвистических исследованиях, относящихся к области дискурса, всё чаще можно встретить термины «*смысловая энантисемиа*», «*концептуальная энантисемиа*», «*аксиологическая энантисемиа*» [12], [9], [13], [14]. Под энантисемией этого уровня мыслится внутреннее смысловое противоречие в *речевом знаке*. Это противоречие обнаруживает себя в коммуникативной динамике знака между высшей концептуальной установкой и низшей прагматической установкой в нём.

Отметим, что под речевым знаком мы понимаем любую вербальную знаковую форму (словесное обозначение, высказывание, текст), способную выражать коммуникативное смысловое целеполагание (интенцию) и, параллельно, нести комплекс внешних дискурсивных ассоциаций, под которыми понимаются стилистические и социокультурные окраски и/или реминисценции к прецедентному дискурсивному узусу.

Смысловая энантисемиа имеет исключительно интерпретационную природу и характеризует разрушение или разрыв интерпретационной гармонии в речевом знаке [14, с. 167]. Всякая интерпретация имеет смысл лишь в отношении внешней обозначаемой ситуации (предметного нарратива). Без предметной опоры она – ничто. Здесь имеет место то, что А.Н. Леонтьев называл «опредмечиванием мотива» [10]. Предмет осмысливается, а смысл опредмечивается в речевом знаке. По мнению Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева именно оценка опосредует акт опредмечивания смысла [3],[10]. Осмысление в дискурсивной динамике речевого знака имеет две позиции: ближайшую прагматическую и высшую нравственную. Первая связана с коммуникативными целями высказывания, вторая – с высшей культурно-нравственной установкой дискурса. Именно между этими двумя смысловыми позициями может возникать противоречие, внутреннее несоответствие, вследствие чего страдает или искажается общая интерпретация предметного компонента в знаке, утрачиваются истинностные критерии интерпретации (прежде всего, это касается оценки). Следствием смысловой энантисемии являются самые разнообразные *асимметрии* между тремя содержательными компонентами речевого знака (предмет – оценка – концепт) в его коммуникативной динамике.

Учитывая трёхуровневую содержательную иерархию речевого знака (предмет – оценка – концепт), принципиальным образом могут выделяться два вида содержательной асимметрии: 1. низшая – субъективная, прагматическая, которая характеризуется истинностными параметрами, поскольку возникает в промежутке между обозначаемым предметом (предметной ситуацией) и оценкой. Прагматическая асимметрия характеризует несоответствие оценки обозначаемому

предмету, когда говорящим используется явно завышенная или заниженная оценка, эвфемизм или дисфемизм. Оценка неадекватна обозначаемому предмету (например, возьмём известные политические дисфемизмы *агрессия* и *аннексия*, при помощи которых западные политики характеризуют действия России в Крыму и в Донбассе). Неадекватная оценка неистинна, поскольку не верифицируется предметным компонентом; 2. высшая – концептуальная аксиологическая асимметрия, под которой понимается несоответствие выносимой прагматической оценки концептуально-нравственной установке дискурса (например, в судебной риторике стороны говорят исключительно с позиций СПРАВЕДЛИВОСТИ, преследуя при этом вполне прагматические цели; степень осуждения или степень оправдания поступка сторонами процесса в суде часто переходят грань адекватности) и которую мы, собственно, называем *смысловой* или *аксиологической энантиосемией*.

На бытовом уровне в психологии поведения человека подобная энантиосемия понимается как несоответствие ближайших субъективных целей высшим культурным и нравственным началам в жизни человека. Человек не может отказаться ни от того, ни от другого, он ищет смысловой компромисс между низким и высоким, прибегая к самым разнообразным средствам самооправдания, примирения одного с другим, сокрытия одного или выдвижения на первый план другого и т.д., создавая всё новые и новые асимметрии в порождаемом им речевом знаке.

Отметим, что оценка занимает центральное положение между предметным компонентом и концептом (концептуальной установкой дискурса) в речевом знаке: с одной стороны она ищет для себя предметной опоры (то есть истинностной верификации в обозначаемом предмете), с другой стороны – высшего нравственного оправдания, то есть соответствия концептуальной установке дискурса. Сама же она, как таковая, семантически наименее устойчивый компонент дискурса [1, с. 62, 73], [6, с. 99]. Но при этом она же – наиболее подвижный, наиболее экспрессивный и наиболее эффективный в плане смыслового воздействия содержательный компонент речевого знака. В этом можно видеть парадокс оценки и вместе с тем её высшее коммуникативное предназначение.

Отметим также, что благодаря смысловой энантиосемии (смысловым противоречиям между оценкой и концептом) речевой знак приобретает характерные манипулятивные свойства. Исследуя смысловую энантиосемию, мы исследуем *манипулятивный речевой знак* и, соответственно, манипулятивную форму коммуникативного речевого воздействия в дискурсе.

Наибольшей смысловой дифференциации (и, значит, наивысших манипулятивных свойств) оценка достигает в некоторых институциональных видах дискурса, в которых их концептуальная устойчивость сочетается с высокой смысловой коммуникативной подвижностью. Таковыми, в частности, могут считаться политический дискурс и судебный дискурс. В настоящей статье основное внимание будет уделено некоторым формам манипулятивного воздействия в судебном дискурсе.

Двойственность оценки в юридическом дискурсе

Институциональный характер юридического дискурса во многом обеспечивается тем, что концептосфера права в нём получает относительно строгое вербально-терминологическое закрепление. Формы вербальной репрезентации концептов в юридическом дискурсе – различные понятия и термины – располагаются в определённой иерархии, для которой в реальной практике их применения важен критерий их информативной насыщенности. Под информативной насыщенностью понимается предметное содержательное наполнение концепта и/или репрезентируемая в нём или посредством него совокупность подлежащих юридической оценке ситуаций, объектов.

Процесс оценки предметных ситуаций в юридическом дискурсе носит выраженный двойственный характер. С одной стороны, оценка действует как обычный фактор эмоционального речевого усиления с целью экспрессивного воздействия на адресата. Это – риторический аспект оценки, который особенно наглядно представлен в судебной риторике. С другой стороны, к оценке в юридическом дискурсе можно подходить с её концептуальной стороны, к которой применимо её максимально общее аксиологическое (в философском смысле), то есть нравственное по-

нимание. Нравственная аксиология оценки носит абсолютный и концептуальный характер, её можно назвать источником и критерием всякой речевой оценки. На этом уровне оценка мыслится как абстрактная социокультурная категория. В литературном или разговорном видах дискурса концепт как аксиологическая категория не поддаётся строгому однозначному определению. Он скорее работает как норма культурного восприятия и, как правило, в речевом узусе несёт чувственную окраску. Так, например, в коммуникативной практике юридического дискурса концепт СПРАВЕДЛИВОСТЬ воспринимается как на понятийном, так и на чувственном уровне. В одном случае мы говорим о понятии «справедливости», в другом – о чувстве «справедливости». Одно здесь неотделимо от другого. Именно в своём чувственном аспекте концепт действует как нравственная установка дискурса. Концепт в его дискурсивном статусе, необходимо объединяет в себе рациональное и иррациональное начала [14, с. 274].

В политическом дискурсе действие концепта нередко реализуется через культурно значимые архетипы – прецедентные исторические события (это могут быть литературные или фольклорные образы), вызывающие острую эмоциональную реакцию. Концепты НАРОД, ДЕМОКРАТИЯ, СВОБОДА, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО в массовом сознании представлены конкретными историческими прецедентами. Политику нет необходимости вербализовать концепт буквально посредством использования высоких абстрактных терминов и понятий. Достаточно нарративно-го или метафорического упоминания культурно значимого исторического прецедента или простой ассоциации с ним, чтобы пробудить в адресате требуемую эмоциональную реакцию и оценку [6, с. 69–70]. Архетип является субститутом концепта в речевой деятельности.

Так, в ряде стран на место традиционных названий партий приходят новые, в которых эксплуатируется семантика социокультурных и исторических архетипов, провоцирующая эмоциональную реакцию массового адресата: «*La Republique en marche*» («Вперёд, Республика» – французская политическая партия Э. Макрона), «*La France insoumise*» («Непокорённая Франция» – партия французских левых Ж.-Л. Меланшона), «*Podemos*» («Мы можем» – испанское левое политическое движение). Яркие эмоциональные номинации отвлекают внимание от прагматического аспекта деятельности политических партий. Их задача – вызвать позитивную эмоцию избирателя.

В юридическом дискурсе концептология оценки обычно носит приземлённый характер и выражается конкретными положениями и понятиями в статьях закона. Высшим дискурсивным статусом в юридическом дискурсе обладают концепты СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВО, ЛЕГИТИМНОСТЬ. Однако в конкретных законодательных актах эти концепты по большей части получают отрицательное закрепление. Так, например, в уголовном праве непосредственно указывается не то, что такое справедливость, право или законность, а то, что является несправедливым, неправомерным, нелегитимным, то есть указываются различные формы нарушения закона, а также наказание, которое может последовать за таким нарушением. Поэтому Г.В.Ф. Гегель высшим понятием права считал наказание (как форму восстановления справедливости). Наказание он называл способом и формой существования справедливости в государстве [4, с. 148].

Соответствие или несоответствие юридической норме – важный ориентир коммуникативной стратегии в юридическом дискурсе, с которым вполне осознанно соотносит свою речь говорящий (например, в судебной риторике). Высшая концептуальная оценка мыслится как объективное внешнее условие – начало и критерий всех профессиональных интерпретаций в юридическом дискурсе.

Концептуальные основания оценки чрезвычайно важны для её коммуникативного применения. Конечно, реальная оценка чаще всего скрывает свои концептуальные основания, непосредственно она обращена к предмету оценки. Мы больше обращаем внимание на видимую (референциальную), а не на скрытую (концептуальную) сторону оценки. Исследователи указывают на характерную двойственность оценки, которая вытекает из её обусловленности, с одной стороны, референцией к объекту, а с другой стороны, её связью с концептом [2, с. 13–14].

Таким образом, оценка оказывается своеобразным посредником между референциальной (предметной) и концептуальной сторонами речевого знака. При таком двойственном положении оценка, с одной стороны, выражающая субъективное мнение, а с другой, – отвечающая высшим

концептуальным нравственным критериям, характеризуется высокой смысловой и экспрессивной подвижностью. Связь двух сторон оценки – подвижной и устойчивой – становится характерной областью анализа случаев дискуссионной динамики юридического дискурса, различных ситуаций борьбы мнений, отстаивания правовой позиции в её противостоянии с другой позицией.

Для юридического дискурса характерно то, что концептуальная сторона оценки в нём существует, с одной стороны, как некое интуитивное основание, как чувственный источник смысла (например, чувство справедливости), с другой стороны, в виде конкретных законодательных правовых положений, терминов и понятий. Однако и в том, и в другом виде концепт может рассматриваться и как основание, и одновременно как результат смыслового сопряжения по критерию родства некоторого множества внешних обозначаемых ситуаций. Если одна ситуация подлежит данной оценке, то может быть и другая ситуация, попадающая под ту же оценку. На этом принципе в англоязычных странах формируется система так называемого прецедентного права. Оценка, а вместе с ней и концепт, стремится к материализации, к материальному воплощению в факте, в предмете мысли. Прецедентный (индуктивный) или умозрительный (дедуктивный) характер формирования концепта здесь не имеет значения. Важна верифицируемость концепта через фактический компонент.

Интерпретационная динамика содержательных факторов юридического дискурса

Для речевого знака в его коммуникативной динамике характерна глубокая дискурсивная импликация. Эксплицитное выражение одного из содержательных факторов дискурса подразумевает импликацию другого/других. Так, эксплицитное выражение оценки предполагает референцию к оцениваемому объекту, а также имплицитно концептуальный критерий, которому отвечает данная оценка в дискурсе. 1. Так, если высказывается оценочная номинация «*неверный муж*», то это подразумевает определённую фактологию событий, позволяющих применять к ним такую оценку, а также общий концептуальный критерий супружеской верности/неверности, характерный для конкретного дискурса, для конкретной культуры. 2. Если высказывается прямая номинация объекта, то вслед за ней имплицитно подразумевается потенциальная оценка и её концептуальный статус. Так, прямое описание последовательности действий обвиняемого без их эксплицитной оценки (если, например, адвокат или прокурор временно отказывается от выражения их оценки) может подводить под определённую юридическую квалификацию этих действий, которая будет отвечать норме закона. В этом случае мы чувствуем, «под какую статью» хочет подвести обвиняемого тот или иной участник процесса. Так, высказывание «*он часто встречается с женщинами*» не содержит оценки, но очевидно подразумевает определённую оценку, если речь идёт о женатом мужчине. 3. Эксплицитная апелляция к концепту, в свою очередь, подготавливает общую смысловую позицию восприятия предметного компонента и становится смысловой предпосылкой такого восприятия. Свои речи некоторые адвокаты и прокуроры начинают с апелляции к высоким понятиям нравственности и общественной морали, как бы заранее отвергая возможные обвинения в субъективизме и оправдывая отстаиваемую ими оценку и юридическую квалификацию событий. Ниже будут приведены примеры такого рода апелляций.

Какой бы фактор ни выдвигался на первый план, мы имплицитно чувствуем или догадываемся, куда клонится содержательное развитие речи адвоката или прокурора. В опыте судебной риторики юридического дискурса имплицитные переходы от фактора к фактору достаточно упорядочены, в силу чего этот дискурс характеризуется как институциональный. Многие вещи в нём, в плане содержательного развития его речевых фигур, пусть самым общим образом, *предугадываются*: мы достаточно быстро по первым моментам речи говорящего понимаем, к чему он клонит, на что намекает. Импликация провоцирует содержательную достройку речевого знака, что создаёт потенциальное основание для смысловой аксиологической энантиосемии, которая в силу всего сказанного может характеризоваться как интерпретационно-пресуппозитивный феномен.

Конечно, «голая», не подкреплённая фактами оценка встречается в судебном юридическом дискурсе. Так, надо сказать, она нередко встречается и в других дискурсах, например, политиче-

ском, где яркий образ, оценка нередко используются в целях политической манипуляции. Однако любая высказанная оценка побуждает к поиску фактов, точнее она побуждает к домысливанию, в чём, собственно, и состоит её манипулятивный эффект. «Связь предметного компонента и оценки и возникающая на этой основе предметно-смысловая асимметрия знака – важный ресурс аксиологической манипуляции в суде» [14, с. 21].

Собственно, в этой иерархии взаимоотношений содержательных факторов судебного юридического дискурса (предметного субстрата и смысловых компонентов речевого знака) и проявляет себя смысловая неустойчивость оценки, которая становится показателем внутренней смысловой асимметрии знака. За несоответствием оценки предмету скрывается несоответствие оценки концептуальным основаниям дискурса: прагматика оценки противоречит своим концептуальным основаниям. Неистинность оценки приводит к внутреннему смысловому расколу в ней.

Под концептуальной энантиосемией оценки, или аксиологической энантиосемией речевого знака, понимается внутреннее несоответствие друг другу высшей концептуальной и низшей прагматической сторон оценки, когда высокими словами прикрывается не всегда отвечающая предмету речи прагматика оценки. Подобные феномены активно изучаются на материале политического дискурса, где также часто можно встретить высокие слова, лозунги, яркие образы, используемые во вполне конкретных прагматических целях [6].

В юридическом дискурсе также нередко истинная квалификация события вызывает большие сложности. Прагматическая и концептуальная стороны оценки вступают в противоречие. Перед участниками судебной полемики стоят разные задачи: перед адвокатом – смягчить наказание, изменить квалификацию содеянного или оправдать подсудимого; задача прокурора – поддержать обвинение, повысить меру наказания. Каждый из них посредством оценок стремится подвести суд к вполне определённой квалификации рассматриваемого события. Судья на основе оценок, даваемых сторонами процесса, должен дать правильную оценку всем представленным сторонами доказательствам с точки зрения закона и вынести справедливое решение по делу.

Так, в качестве примера можно рассмотреть речь адвоката, выступающего в защиту подсудимой N*, обвиняемой в сбыте наркотического средства – маковой соломы, которую она вырастила на своём приусадебном участке¹ [18]. Прокурор просит суд признать виновной N* в совершении преступления и назначить соответствующее наказание.

Адвокат пытается убедить суд в несостоятельности предъявляемого обвинения и оправдать подсудимую. В начале своей речи он отвергает фактическую верификацию той оценки, которую предлагает прокурор на основании нарушения процессуальных норм сбора и представления доказательств, отсылая к соответствующему нормативно-правовому акту². Иначе говоря, адвокат «бьёт» по предметному основанию оценки. Адвокат просит суд признать представленные доказательства *«недопустимыми»*, а факты, изложенные в обвинении, *«недоказанными»*. При этом он обращается не к самому факту, а к социальной оценке порядка его предъявления суду. Последнее он ставит выше первого, апеллируя к общественному мнению: «Две проблемы всегда находятся на острие общественного мнения, связанного с порядком в стране – одна это преступность, и вторая это способы борьбы с преступностью и, если **общество может согласиться с неизбежным фактом наличия преступности**, то **общество никогда не согласится с незаконными способами борьбы с этой преступностью**». Этим своим заявлением адвокат создаёт концептуальную энантиосемию, позволяя себе слишком категоричное высказывание: «можно согласиться с фактом наличия преступности, но не с незаконными способами борьбы с преступностью».

При этом далее адвокат усиливает давление на сторону обвинения, стремясь выявить элементы смысловой энантиосемии в речи прокурора: *«государственным обвинителем руководит его служебное положение, но никак не гражданский долг и профессиональная честь»*. Свою же по-

¹ ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

² Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности».

зицию адвокат считает нравственной. О своей роли в данном судебном процессе он говорит не как о формальной роли адвоката, задача которого защитить или оправдать обвиняемого, а как о долге человека, видящего несправедливость. Таким образом, он апеллирует к высшим концептуальным социально значимым ценностям: *«Сторона обвинения считает, что вина N* доказана, я же попытаюсь доказать обратное, но не в силу своего положения – защитника, адвоката, а только потому, что и материалы уголовного дела и многочисленные свидетели говорят о невиновности моего подзащитного, в инкриминируемых ей преступлениях»* [там же]. Таким образом, в позиции прокурора адвокат усматривает подчинение высшего концепта прагматике (служебной функции прокурора), а в своей позиции он усматривает подчинение выражаемой им оценки содеянного высшему концепту. Это нередко возникающая ситуация в суде.

Адвокат говорит не только по существу процесса, но далее позволяет себе также эмоциональную оценку речи прокурора. Речь прокурора он характеризует как *«... короткую, тусклую, несодержательную, неаргументированную, бездоказательную»*. Главный недостаток речи прокурора состоит в том, что ему *«... не удалось доказать в суде умысла N* на совершение инкриминируемых ей преступлений»* [там же]. Как известно, умысел или неосторожность относятся к субъективной стороне судебной оценки и являются обязательными элементами квалификации состава преступления. В данном случае преступление могло быть совершено умышленно, но прокурор ничего не сказал об умысле как о форме вины в своём обвинительном выступлении. Адвокат пользуется этим и даёт еще более категоричную оценку речи прокурора, заявляя, что *«обвинительная речь у прокурора отсутствует»*, так как там отсутствует доказательство вины обвиняемой, то есть по сути, нет состава преступления. Защитник называет поведение прокурора *«отказом от обвинения»*, *«отказом от состязательности в процессе»*³ [15]. В конце своей речи адвокат, имея в виду свою оправдательную позицию, говорит, что *приговор* в соответствии со ст. 297 УПК РФ *должен быть законным, обоснованным и справедливым*, то есть таким, каким его понимает адвокат [17], [18].

В данном процессе в речи адвоката чувствуется непропорциональное соотношение смыслового и концептуального компонентов. Он скрывает прагматику своей речи апелляцией к высшим ценностям (*гражданский долг, справедливость, норма закона*). В то же время ему не хватает фактических доказательств. При этом он стремится указать на смысловую подмену в речи прокурора. Общее сравнение речей прокурора и адвоката показало, что в них недостаточно присутствует нарративно-описательное представление предметных оснований оценки. При этом можно отметить, что адвокат в большей мере апеллирует к понятийно-терминологической форме концепта, делая отсылки к законодательным актам, непосредственно используя термины, закреплённые в законодательстве⁴.

В качестве ещё одного примера можно привести речь адвоката Y в защиту Z, обвиняемого по статье 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней)».

Свою речь адвокат начинает с обращения к участникам процесса, смысл которого заключается в том, что именно его позиция отражает объективное положение всех обстоятельств произошедшего и, следовательно, именно его позиция должна быть положена в основу справедливого решения по делу: *«Если сегодня здесь проходит действительно справедливое судебное разбирательство, в основе которого лежит исключительно Закон, я прошу вас прислушаться к моей речи, услышать её и дать объективную оценку тем доводам, которые будут мной изложены»* [18]. Адвокат в ходе судебного разбирательства доказывает, что вменение статьи 210 УК РФ ошибочно, деяние, совершённое обвиняемым Z, не соответствует диспозиции указанной статьи. От-

³ УПК РФ ст.15 «Состязательность сторон» (УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020)).

⁴ Конституция РФ п.3 ст.123 «Принцип равноправия и состязательности сторон» Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); УПК РФ ст.75 «Недопустимость доказательств», ст.297 «Законность, обоснованность и справедливость приговора» УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).

ветственность по ст. 210 УК РФ наступает за «создание преступного сообщества в целях совместного совершения тяжких преступлений либо руководство таким сообществом, а также участие в таком сообществе» [16].

Адвокат обращается к фактической стороне, пытаясь опровергнуть само событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), а представленные доказательства признать недостоверными и недопустимыми, версию обвинения он называет «*корявой*», о чём и заявляет в судебном процессе. Адвокат подкрепляет своё заявление анализом показаний большого количества подозреваемых по делу и доказывает их противоречивость, основываясь на фактах. Основным аргументом является неконкретность и предположительный характер приводимых фактических обстоятельств. Оценка, по его словам, не может быть верифицируема такими фактами, как: «*неизвестный мужчина*», «*ещё один незнакомец*», «*неизвестно откуда появившимся*», «*также остаётся загадкой и то, что...*», «*кто-то с кем-то сел в какой-то автомобиль, принадлежащий кому-то*» и т.д. [18].

После перечисления и анализа показаний подозреваемых адвокат приступает к соотнесению своих выводов с требованиями законодательных актов, обращается к концептуальным основаниям выносимых оценок (Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950, Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ, Постановления Пленума и др.), доказывая, что представленные обвинением доказательства не имеют юридической силы. Исходя из этого, адвокат заявляет о невинности обвиняемого Z.

Завершая свою речь, адвокат вспоминает знаменитую речь Мартина Лютера Кинга «I have a dream», перефразируя отдельные её фрагменты. Здесь можно видеть манипулятивную подмену прагматической оценки высокой концептуальной оценкой. Адвокат апеллирует к высокому в целях нравственного оправдания своей позиции, говорит о своих мечтах, призывая суд к соблюдению «высших ценностей»: «*однажды наше общество выздоровеет от правового нигилизма и будет жить под сенью Закона*», «*Закон будет защитой для людей доброй воли, и перестанет быть орудием «избранных» для угнетения людей*», «*наши дети будут верить в правосудие, а суд будет выше политической конъюнктуры или материальной зависимости. Там, в будущем, управлять судом будет только Закон*», «*справедливый и честный поступок будет нормой поведения, а не героическим поступком*» [18]. Призывая обратиться к высшим ценностям, адвокат подменяет непосредственную прагматическую оценку высокими концептуальными абстракциями, полагая, что такая яркая экспрессия не оставит места для реплик противоположной стороны процесса, произведёт на судей fasciniрующий эффект. В целом речь адвоката можно признать вполне манипулятивной, основанной на подмене конкретной оценки высокой абстрактной аксиологией.

Приведённые примеры показывают, что оценка является ключевым звеном между фактом (предметной опорой) и концептом (нравственным мотивом), она играет важную роль как смысловой фактор речи, но как таковая не обладает семантической самостоятельностью. Выражение оценки поддерживается теми или иными предметными обозначениями, предметным нарративом. Связь оценки и предметного компонента, с другой стороны, требует обратиться к поиску источника оценки, к тому, что лежит в основе оценивания и является нравственным оправданием оценки. Здесь открывается концептуальная сторона оценки, где она получает свой аксиологический статус.

Роль оценки можно назвать опосредующей, она опосредует связь концепта и предметного компонента. Все три содержательных компонента речевого знака – предметный компонент, оценка и высший концепт – составляют триаду дискурсивного понимания или триаду дискурсивно-юридической фигуры понимания. Фигура дискурса – имманентная содержательная вертикаль всякого обозначения в дискурсе [7].

Столкновение позиций сторон в судебной полемике – это, прежде всего, столкновение смыслов, в которой обнажается смысловая (аксиологическая) энантиосемия в позициях и в риторике сторон. Термин «энантиосемия» из области лексической семантики переходит в сферу дискурсивного анализа. Смысловая аксиологическая энантиосемия в судебной полемике связана не с

семантическим наполнением знака, а с его концептуальной обусловленностью. Она интенциональна и концептуальна одновременно.

В конкретных судебных процессах в роли концепта выступают те или иные юридические понятия (в уголовном законодательстве – те, которые относятся к сфере преступлений). Конкретный предметный нарратив (описывающий какой-либо поступок человека) подводится под юридическое понятие. Однако юридическая концептуализация поступка практически никогда не является однозначной. Нередко та или иная сторона может идти по пути «размывания» предметных оснований оценки с тем, чтобы девальвировать оценку противоположной стороны. Для этого, помимо конкретных действий, относящихся к самому событию преступления, в предметный контекст могут вовлекаться и учитываться характер, социальный статус и поведение человека, его жизненные взгляды, что может ослаблять или усиливать юридическую квалификацию поступка. Под знаком юридической квалификации в процессе судебной дискуссии сталкивается большое количество субъективных оценочных предикатов, характеризующих само событие, человека и его поступок – положительных со стороны защиты и отрицательных со стороны обвинения. Всё это создаёт весьма сложный комплекс понимания того, что совершил человек, какую юридическую оценку можно дать его деянию. На этой основе формируется внутренняя энантиосемия дискурсивного понимания обозначаемой реальности. Под знаком концепта модифицируется масштаб и способ юридической квалификации события (то, что называется мерой наказания). Таким образом, в судебной полемике мы можем наблюдать различные субъективные оценки под знаком одного концепта, то есть смысловую энантиосемию в собственном смысле слова – то, как она обнажается в полемике сторон.

Анализ примеров показывает, что информативная насыщенность выступлений участников процесса может быть разной. Для выполнения задач, стоящих перед участниками судебного процесса, необходимо соблюдать баланс между всеми тремя компонентами дискурсивной юридической фигуры понимания: между предметным компонентом (фактическими обстоятельствами дела), оценкой и высшим концептом (положениями законодательных актов). Как мы видим, если один из компонентов слабо выражен (как это было в речи прокурора в первом примере), то та или иная сторона стремится недостаточность одного компонента компенсировать за счёт усиления другого (например, недостаточность фактов – за счёт яркой оценки).

В основе речевой динамики юридического дискурса лежит оценка. В юридических текстах, а именно в текстах судебной риторики, эта динамика характеризуется контрастной направленностью. Каждая из сторон стремится убедить суд вынести нужное ей решение, противоположное для другой стороны. В этой динамике проявляет себя концептуальная энантиосемия юридического дискурса: если одна сторона стремится обосновать и усилить свою оценку, то другая сторона стремится ослабить или сделать несостоятельной оценку противоположной стороны.

Когнитивный анализ случаев аксиологической энантиосемии приближает нас к выявлению и объективному анализу параметров истинности и искренности оценки в юридическом дискурсе.

© М.Н. Федулова, 2022

Список литературы

1. Белых Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук. М.: Военный Ун-т, 2019. 148 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. М., 1985. 246 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, исправленное, М.: Издательство «Лабиринт». 1999. 352 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; перевод с немецкого. Москва: Мысль, 1990. 524 с. Текст: непосредственный.
5. Иванов Н.В. О началах феноменологической парадигмы в языкознании. // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. №5. Т.1. «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XIV Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. ВУ (26 июня 2020 г.). М.: Изд. «Наука», 2020. С. 53–63.

6. Иванов Н.В., Погорецкая О.А. Феномен увлечения в политическом дискурсе (по итальянским примерам). *Обучение, Язык и культура*. 2021. 5(2): 9–21.
7. Иванов Н.В., Федулова М.Н. Фигура дискурса // *Дискурс профессиональной коммуникации* №1–3, 2019. с. 9–25.
8. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл.ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
9. Литвинова Е.А. Эмоционально-оценочная энантиосемия / Е. А. Литвинова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. №2 (13). С.86–90. Тамбов: Грамота, 2012. Текст: непосредственный.
10. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Маковский М.М. *Большой этимологический словарь современного английского языка*. Изд. 2-е, исп., доп. М.: Книжный Дом «Либроком», 2014. 528 с.
12. Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» / Е.В. Маркасова // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 7 (14), 2008. С. 352–356. Текст: непосредственный.
13. Мельничук В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI вв.): автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 / В. А. Мельничук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2018. 23 с.
14. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникационном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дисс. ... докт. филол. наук. М.: Военный Ун-т, 2020. 315 с.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
16. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
17. Уголовно-процессуальный кодекс РФ УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020), Собрание законодательства РФ 24 декабря 2001, №52 (ч.1).
18. Электронный ресурс – URL: <https://pravo163.ru/rech-zashhitnika-ob-opravdanii-podsudimogo-po-st-228-1-uk-rf/>

References

1. Belykh, E.N. *Pragmaticheskoe i kontseptual'noe sodержание otsenki v politicheskom diskurse (na materiale tureczkogo iazyka)* [Pragmatic and conceptual content of assessment in political discourse (based on the material of the Turkish language)]: Dis. ... kand. filol. nauk. M.: Voenny Un-t, 2019. 148 s.
2. Vol'f, E.M. *Funktional'naiia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation] / E.M. Vol'f. M., 1985. 246 s.
3. Vygotskiy, L.S. *Myshlenie i rech*. Izd. 5, ispravlennoe [Thinking and speech. Ed. 5, revised], M.: Izdatelstvo «Labirint». 1999. 352 s.
4. Gegel, G.-V.-F. *Filosofia prava* [Philosophy of Law] / G.V.F. Gegel; perevod s nemetskogo. Moskva: Mysl, 1990. 524 s.
5. Ivanov, N.V. O nachalakh fenomenologicheskoi paradigmy v iazykoznanii. [On the principles of the phenomenological paradigm in linguistics] // *Voенно-gumanitarny almanakh. Seriya «Lingvistika»*. Vyp. №5. T.1. «Iazyk. Kommunikatsiia. Perevod». Materialy XIV Mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii iazyka i kommunikatsii. Moskva. VU (26 iyunia 2020 g.). M.: Izd. «Nauka», 2020. С. 53–63.
6. Ivanov, N.V., Pogoretskaia, O.A. *Fenomen uvlecheniia v politicheskom diskurse (po italianskim primeram)*. *Obuchenie, Iazyk i kultura*. [The phenomenon of infatuation in political discourse (according to Italian examples) Education. Language and culture]. 2021. № 5(2). P. 9–21.
7. Ivanov, N.V., Fedulova, M.N. Figura diskursa [The figure of discourse] // *Diskurs professionalnoy kommunikatsii*, No 1–3, 2019. s. 9–25.
8. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary] / Gl.red. V.N.Iartseva. M.: Sov. entsiklopediia, 1990. 683 s.
9. Litvinova, E.A. Emotsionalno-otsenochnaia enantiosemyia [Emotional-evaluative enantiosemy] / E. A. Litvinova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. №2 (13). S.86–90. Тамбов: Грамота, 2012.
10. Leontev, A.N. *Deiatel'nost. Soznanie. Lichnost*. [Activity. Conscience. Personality]. M.: Politizdat, 1975. 304 s.
11. Makovskiy, M.M. *Bolshoy etimologicheskiy slovar sovremennogo angliyskogo iazyka*. Izd. 2-е, isp., dop. [Big etymological dictionary of modern English. 2nd edition]. M.: Knizhny Dom «Librokom», 2014. 528 s.
12. Markasova, E.V. Ritoricheskaiia enantiosemyia v korpuse russkogo iazyka povsednevnogo obshheniya «Oдин rechevoy den» [Rhetorical enantiosemy in the corpus of the Russian language of everyday communication “One speech day”] / E.V. Markasova // *Kompiuternaia lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. Vyp. 7 (14). 2008. S. 352–356.
13. Melnichuk, V.A. *Aksiologicalicheskaia dinamika russkoy leksiki (konets XVIII – nachalo XXI vv.)*: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: specialnost' 10.02.01 [Axiological dynamics of Russian vocabulary (late XVIII - early XXI centuries): abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences: specialty 10.02.01] / V. A. Melnichuk. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenny universitet. Sankt-Peterburg, 2018. 23 s.
14. Fedulova, M.N. *Interpretatsionnaia priroda diskursa v sotsiokulturnom i kommunikatsionnom izmereniiakh (na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoi ritoriki)* [The interpretative nature of discourse in socio-cultural and communicative dimensions (based on the material of English and Russian texts of judicial rhetoric)]: Dis. ... dokt. filol. nauk. M.: Voenny Un-t, 2020. 315 s.
15. Konstitutsiia Rossiyskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izm., odobrenniiami v khode obshherossiyskogo golosovaniia 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with Rev. approved in a nationwide vote 01.07.2020)].

16. Ugolovny kodeks RF ot 13.06.1996 №63-FZ (red. ot 01.07.2021). [The criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 №63-FZ (ed. from 01.07.2021)].
17. Ugolovno-processualny kodeks RF UPK RF ot 18.12.2001 №174 – FZ (red. ot 07.04.2020 s izm. i dop., vstup. v silu s 12.04.2020), Sobranie zakonodatelstva RF 24 dekabria 2001, №52 (ch.1). [Criminal procedure code of the Russian Federation dated 18.12.2001 n 174 – FZ (as amended on 07.04.2020 Rev. and EXT., joined. effective from 12.04.2020), Collection of Legislation of the Russian Federation on December 24, 2001, No. 52 (Part 1).].
18. Electronic resource, <https://pravo163.ru/rech-zashhitnika-ob-opravdanii-podsudimogo-po-st-228-1-uk-rf/>

Сведения об авторе:

Федулова Мария Николаевна – доктор филологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника 33 кафедры (английского языка (второго)) ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (Россия, Москва). Сфера профессиональных и научных интересов: английский язык, юриспруденция. E-mail: mfedulova@mail.ru

About the author:

Maria N. Fedulova – Doctor of Philology, Candidate of Juridical Sciences, Associate professor, Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: the English language, jurisprudence. E-mail: mfedulova@mail.ru

* * *

RADICALS WITH DIPLOMATIC SEMANTICS IN ANCIENT CHINESE DICTIONARY «SHUO WEN JIE ZI»: VERIFICATION OF ETYMOLOGY

Elena A. Khamaeva

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *There are several signs with «diplomatic» semantics among the 540 most ancient radicals of the Chinese writing, presented in the dictionary “Shuo wen jie zi” (1st century AD, Han era). Before the dictionary was created, Chinese writing had already existed for several thousand years; therefore some researchers (Zou Xiaoli, 2007; Oshanin, 1943) consider that the etymologies of the radicals in “Shuo wen” were formulated under the influence of the later eras and are often erroneous. The attempts are made to verify the etymologies of these signs with “diplomatic” semantics by comparing them with the more ancient forms jiaguwen and jinwen, discovered and scientifically described only in the 20th century. Such a comparison and interpretation will reveal the probable correct etymologies of the analyzed radicals of the Chinese dictionary “Shuo wen” and verify them. In addition, the study will shed light on the beginning of diplomacy in ancient China. The article also touches upon the problem of etymological analysis in a language with an ideographic type of writing, which is carried out not at the level of morphology, as in European languages, but at the level of hieroglyphic sign graphics.*

The problem of semantics and etymology of radicals was considered mainly by Chinese scientists (Zou Xiaoli, 2007; Wang Fengyang, 2011, etc.), while in the European linguistics, the problem was studied only fragmentarily (Kondrashevsky, 1982; Karasyova, 2019; Dictionary of etymologies, 2019). The radicals “with diplomatic” semantics, analyzed in the article, did not become the object of special study.

The purpose of the article is to verify the etymology of a number of radicals in the ancient Chinese dictionary “Shuo wen jie zi” with “diplomatic” semantics, to consider the information about the dictionary “Shuo wen jie zi”, its basic radicals and their semantics, to briefly describe the features of etymological analysis in general and in Chinese language in particular, to compare the definitions of these radicals in various etymological dictionaries, thus verifying the etymologies presented in the dictionary “Shuo wen jie zi”.

Keywords: *etymology, etymographic analysis, “Sho wen jie zi” dictionary, radicals, jiaguwen, jinwen*

For citation: Khamaeva, E.A. (2022). Radicals with Diplomatic Semantics in Ancient Chinese Dictionary “Shuo Wen Jie Zi”: Verification of Etymology. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 56–69. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-56-69>

ЗНАКИ С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ СЛОВАРЕ «ШО ВЭНЬ ЦЗЕ ЦЗЫ»: ВЕРИФИКАЦИЯ ЭТИМОЛОГИИ

Е.А. Хамаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Среди 540 древнейших ключевых знаков китайской письменности, впервые систематически представленных в словаре «Шо вэнь цзе цзы» (I в. н. э., эпоха Хань), несколько связано с «дипломатической» семантикой. Поскольку ко времени создания словаря китайская письменность существовала уже на протяжении нескольких тысячелетий, некоторые исследователи (Цзоу Сяоли, 2007; Ошанин, 1943) полагают, что этимологии ключей в «Шо вэнь» были сформулированы под влиянием более поздних эпох и нередко являются ошибочными. В статье предпринимается попытка верификации этимологий указанных знаков с «дипломатической» семантикой путём сопоставления их с более древними формами цзягувэнь и цзиньвэнь, открытыми и научно описанными лишь в XX веке. Подобные сравнение и интерпретация могут не только выявить ошибочные этимологии китайского словаря «Шо вэнь», но и верифицировать их. Кроме того, пролить свет на время возникновения такого направления деятельности как дипломатия в древнем Китае. В статье также затрагивается проблема этимологического анализа в языке с идеографическим типом письма, реализующемся не на уровне морфологии, как в европейских языках, а на уровне графики иероглифического знака.

Проблема семантики и этимологии ключевых знаков рассматривалась преимущественно китайскими лингвистами (Цзоу Сяоли, 2007; Ван Фэнъян, 2011 и др.), в европейской же науке о языке проблема исследовалась лишь фрагментарно (Кондрашевский, 1982; Карасёва, 2019; Словарь этимологий, 2019). Знаки с «дипломатической» семантикой, анализируемые в статье, не становились объектом специального изучения.

Целью статьи является попытка осуществить верификацию этимологии ряда ключевых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы», общая семантика которых, согласно словарю «Шо вэнь», связана со сферой деятельности дипломатии. Цель обусловила реализацию ряда задач. В частности, рассмотреть информацию о словаре «Шо вэнь цзе цзы», его базовых знаках (ключях) и их семантике, кратко описать особенности этимологического анализа в целом и в китайском языке в частности, сопоставить дефиниции указанных знаков в различных этимологических словарях китайского языка, тем самым попытаться верифицировать этимологии, представленные в словаре «Шо вэнь цзе цзы».

Ключевые слова: этимология, этимографический анализ, словарь «Шо вэнь цзе цзы», ключи, цзягувэнь, цзиньвэнь

Для цитирования: Хамаева Е.А. (2022). Знаки с дипломатической семантикой в древнекитайском словаре «Шо вэнь цзе цзы»: верификация этимологии. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 56–69. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-56-69>

Профессия дипломата считается одной из самых древних в мире. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся исторические документы, и этимология лингвистических единиц, которые этот род деятельности обозначают.

В русском языке существует несколько слов, обозначающих представителей данной профессии, основными из которых являются *дипломат* и *посол/посланник*. Согласно этимологическим словарям русского языка, *дипломат* – термин латинского происхождения, пришедший в европейские языки из французского в начале XIX века. Французское слово *diplomate* буквально значит «снабжённый грамотой, дипломом» [12], [20], т.е. правительственными полномочиями» [17]. *Посол (посланник)* в этимологическом словаре объясняется как термин общеславянского происхождения, образованный от глагола «слать» [18]. Этимология данного слова довольно прозрачна: это человек, которого одно государство направляет представлять свои интересы в другом государстве.

В европейских языках используется вариант *ambassador*, который определяется следующим образом: (сущ.) кон. XIV века, также *embassador*, «дипломатический представитель правителя при дворе другого государства», от старофранцузского *embassator*, *ambassateor* (посланник, посол), термин, который, в свою очередь, пришёл через провансальский или староиспанский из латинского *ambactus* «слуга, вассал», кельтского *amb[i]actos* «посланник, слуга», состоит из корня * *ambhi-* «вокруг» + * *ag-* «водить, или вперёд, двигаться» [27].

В китайской традиции такие единицы как «дипломат» и ряд других, связанных с данной сферой, являются ещё более древними. Мы сознательно используем термин «дипломат» в кавычках, поскольку в течение длительного времени в силу ряда культурно-исторических причин у династий Шан, Инь и Чжоу, отдельных китайских княжеств, а позднее у централизованного государства – империи – не было дипломатических отношений с зарубежными государствами и племенными союзами в классическом, тем более в современном, европоцентричном смысле слова. Дипломатия в этот протяжённый исторический период представляла собой улаживание отношений между княжествами и урегулирование проблем в отношениях с соседями (здесь возникает профессия «дипломата» как советника правителя, разрабатывающего стратегию и тактику внешних сношений и выполняющего дипломатические миссии); установление контактов с сопредельными государствами или племенами с целью распространения власти Сына Неба, установления мира, достижения договорённостей либо сбора информации (возникает институт «посла» как главы посольства, направляемого в чужие земли); организация дворцового протокола, связанного с визитами правителей и послов иностранных государств для принесения даров в рамках представлений о китайском государстве как о Поднебесной, вокруг которой расположены вассальные государства, обязанные принять власть сына Неба и платить ему дань (возникает каста чиновников, отвечающих за вопросы дипломатического церемониала) [1].

В китайской традиции иероглифы с «дипломатической» семантикой встречаются уже в первом древнекитайском толковом словаре «Шо вэнь цзе цзы» и определяются его автором именно в «дипломатическом» русле. При этом они входят в число так называемых 540 бушоу, или ключей, «главенствующих» графических элементов [4, с. 735], и легли в основу всей китайской традиции письма. В этот список бушоу, или ключей, вошли такие знаки, как 史 *летописец, историограф* (первичная форма знака 使 *представитель, дипломат*), 𠄎 *верительная бирка*, 𠄎 *поднять глаза на посланника*, 司 *представитель в заграничных землях*. Поскольку ключей всего пятьсот сорок и описывающих представителей той или иной сферы деятельности среди них не так много, наличие нескольких знаков, посвящённых специализированному значению «дипломатия», вызывает интерес.

Древнекитайский словарь «Шо вэнь цзе цзы» является первой системной работой в этимологическом направлении древних китайцев. «Шо вэнь цзе цзы», или «Объяснение простых и толкование сложных знаков» (说文解字), был составлен в 100 г. н. э. Сюй Шэнем (30-124) и почти до конца XIX века служил главным источником сведений о древнейшем состоянии китайской письменности [2, с. 4].

Именно в этом словаре впервые представляется система расположения знаков, называемая в отечественном языкознании «ключевой системой». Все иероглифы распределены по 540 раз-

делам (бу [4]), объединённым бушоу («ключ», букв. «возглавляющий раздел») – «главенствующим» графическим элементом, помещённым в начале группы [5, с. 735]. И именно эти пятьсот сорок знаков, которые «по легенде были придуманы самим Цан Цзе» [10, с. 106], полумифическим создателем китайских иероглифов, нередко признаются базовыми знаками китайской письменности.

Указанные пятьсот сорок ключей в отечественном языкознании исследовались в различных аспектах [9], [8], [13], но с семантической и этимологической точек зрения изучение происходило лишь фрагментарно.

Исходя из работ китайских лингвистов [24], [21], [26], [22], 540 бушоу словаря могут быть сгруппированы в семантические группы. Например, Ван Хунъюань [24] делит наиболее древние китайские знаки на следующие семантические группы: *человек, природа, охота и рыбалка, ремесло, жизнь и быт, война и политика, ритуалы и культура*. Ван Фэнъян [21] осуществляет деление знаков на группы с именным и предикативным значением. Номинативные единицы образуют 35 подгрупп (*время, пространство, астрономия, рельеф, горы, воды, земли, полезные ископаемые, растения, животные, тело/здоровье, болезни, погребение, одежда, строительство дома, транспорт, орудия/инструменты, оружие, утварь, посуда, меры измерения, культура, искусство, этика/нравственные нормы, сословия, обращения, войска, должности (чиновничество)* и т.д.), а предикативы – 14 (*движения, выполняемые руками, ногами, глазами, ртом, телом* и пр.).

Анализ содержания представленных групп показывает, что древнейшие первичные китайские знаки не просто описывают жизнь и реальность древнего человека, когда он только овладевал письмом, но и представляют явления, свойственные развитому в социально-культурном отношении обществу (группы *политика, чиновничество* и пр.). С одной стороны, это объяснимо, так как время создания данного словаря в историографии китайской письменности считается довольно поздним: ко времени его возникновения многие письменные памятники уже существовали. С другой стороны, возникает вопрос, не мог ли данный факт повлиять на особенности интерпретации пятисот сорока знаков, наделяя их значениями более современными, скорее соответствующими духу времени эпохи Хань, нежели иньскому периоду XVII–XI вв. до н. э. В частности, выдающийся советский синолог И.М. Ошанин ещё в середине XX века отмечал, что «Шо вэнь» часто представляет «так называемые «переосмысленные старые иероглифы» в духе мировоззрения господствующих классов более поздней эпохи» [11], [3].

В результате археологических раскопок, проводившихся в Китае в начале XX века, были открыты знаки цзягувэнь и цзиньвэнь, знаки, исторически предшествовавшие стилю сяочжуань, в котором написан словарь «Шо вэнь». Таким образом появилась возможность осуществлять этимологический анализ более достоверно – не только на основании дефиниции знака в словаре «Шо вэнь», но и в сопоставлении с более древними формами написания.

На сегодняшний день эволюция развития китайских иероглифов выглядит следующим образом. Самыми ранними китайскими знаками являются знаки цзягувэнь 甲骨文 или знаки на черепашьих панцирях и лопаточных костях животных (большая часть иньского периода XVII–XI вв. до н. э.). Вторая группа древнекитайских письменных памятников – надписи на бронзе цзиньвэнь 金文 (другое название чжун дин вэнь 钟鼎文 надписи на колоколах и треножниках, самые ранние из которых также датируются эпохой Шан-Инь (ок. XIII в. до н. э.)). За этим последовал период расцвета ритуальной бронзы – эпоха Западная Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.) В традиционной историографии иероглифы этого периода получили название дачжуань или чжоувэнь. Важнейший этап в развитии китайской письменности – её унификация и реформа после объединения Китая империей Цинь (221–207 гг. до н. э.). На смену региональным вариантам в качестве стандартного был повсеместно введён циньский вариант сяочжуань, который сохранился на бронзовых и керамических сосудах, бамбуковых планках, монетах [4, с. 656].

Этимологический анализ в китайском языке, таким образом, представляет собой сопоставление графических форм исследуемого знака в различных исторических стилях написания (как минимум, это цзягувэнь, цзиньвэнь, чжоувэнь, реже – лишу, кайшу), отслеживание их эволюции, включая изменение составных компонентов и их положения внутри иероглифа. При этом непре-

менным элементом является цитата из словаря «Шо вэнь цзе цзы» и перечисление существующих значений знака с примерами из классических источников.

Если в европейских языках этимологический анализ есть некоторая морфологическая или фонетическая реконструкция, то этимологический анализ в китайском языке, лексика которого обладает и фонетической (произношением), и графической оболочкой (иероглифом), традиционно осуществляется именно на графическом уровне [19].

Методика фонетического анализа этимологии китайских слов также существует и достаточно подробно описана [15]. Тем не менее, даже сами авторы таких работ соглашаются с тем, что, во-первых, ранние образцы китайской лексикографии характеризовались в большей степени интересом к графическому облику слова (иероглифу), чем к его реальному смыслу. Во-вторых, китайская лексикографическая традиция вплоть до начала XX века почти целиком фокусировалась на описании однослога, записываемого иероглифом [там же, с. 102].

В этом отношении этимология как раздел языкознания, изучающий происхождение слов, скорее представляет собой поиск происхождения иероглифических знаков, и в таком случае ему больше соответствует термин «этимография», чем «этимология».

С точки зрения расположения анализируемых знаков в словаре, следует пояснить, что они не входят в один раздел – бу. Несмотря на то, что их объединяет близкая семантика, в контексте словаря каждый из них представляет собой независимый самостоятельный ключ с различными графическими особенностями.

Первым будет рассматриваться знак 史 *история, летопись, историограф, летописец*, который фактически является более ранним инвариантом или разнописью знака 使 *посол, посланник, представитель*. Однако в отличие от последнего входит в число пятисот сорока ключей и является более древним. В словарных статьях эти два знака нередко рассматриваются как этимологически родственные [22], [25].

В словаре «Шо вэнь цзе цзы» знак 史 описывается следующим образом:

史，記事者也。从又持中。中，正也。 [28]

Ши – *записывающий дела*. Состоит из графемы 又 («правая рука»), держащей «середины» (т.е. 中). Середина – это правильность [7].

В Словаре этимологий [13, с. 109] это интерпретируется так: *чиновник, ответственный за запись важных событий, ведение летописи, историограф*. Знак содержит элемент *рука* (又), которая держит *флаг, знамя* (中), что в совокупности значит *исторические записи*, которые ведутся «объективно и справедливо».

В словаре «Анализ форм и значений китайских иероглифов (汉字形义分析字典)» знак 史 пред-

ставлен в форме цзягுவэнь и чжуаньвэнь , в описании говорится о том, что 史 – 1) это *чиновник, отвечавший в древние времена за запись исторических событий, летописец* (古代掌管记载史事的官) 2) Форма знака изображает *руку (в нижней части), держащую бамбуковые дощечки для письма (简策), либо инструмент для охоты (捕猎工具)*.

В комментарии также указано, что 史 – это *чиновник при дворе, который служил правителю гадателем, звездочёт, летописцем* [23, с. 482].

В аналитической части словарь также пишет, что знак 使 *состоит из ключа 亻 человек и фонетика 史*. В цзягувэнь знаки 史, 吏, 事 являлись родственными (разнописями) и лишь позднее были дифференцированы.

Дефиниция знака 使 в словаре «Шо вэнь цзе цзы»: 使，令也。 [29]

使 – это приказ.

В словаре «Этимология китайских иероглифов (汉字字源)» знак 史 представлен в цзягувэнь

 цзиньвэнь и чжуаньвэнь . Аналитическая статья говорит о том, что знак изображает *руку, держащую пустой сосуд (手拿空容器)*. Далее данная фраза интерпретируется как *возвращаясь домой после свершения каких-то дел, свершившиеся дела остались позади (干完活回来了, 由*

此产生事情过去了的含义). В статье также указывается значение *чиновник, ведущий записи прошедших событий*. Знак также может быть интерпретирован как *чиновник, работа которого не связана с тяжёлым трудом* [25, с. 44-45].

В словаре «Происхождение китайских иероглифов (汉字形体源流)» представлены варианты написания знака в стилях цзиньвэнь , чжуаньвэнь , гувэнь .

Знак 史 изображает *руку, держащую какой-то предмет*. Ван Говэй (王国维, китайский историк и филолог (1877-1927)) объясняет знак 史 как *рука, держащая официальные документы*. По его мнению, 中 в верхней части знака изображает *бамбуковые дощечки, используемые древними чиновниками, летописцами для исторических записей*. 史 – это *чиновник, отвечающий за запись событий, историограф*. Считается, что полумифический создатель китайской письменности Цан Цзе служил историографом (史) при императоре Хуанди [24, с. 315].

В словаре «Происхождение и развитие китайских иероглифов (汉字源流字典)» приводится эволюция формы знака в основных стилях цзягувэнь , цзиньвэнь и чжуаньвэнь .

. Знак 使 в цзягувэнь записывается и изображает *руку, держащую рогатину или вилы для охоты*. В цзиньвэнь форма знака не изменилась. В чжуаньвэнь в левой части знака появился элемент *человек* для того, чтобы подчеркнуть семантику того, что действие совершается человеком. В результате иероглиф стал сложным (идеограммой и даже фоноидеограммой). Знак 史 является разнописью знака 吏 и этимологически родственными иероглифам 使, 事; имеет значение *приказ или направлять, посылать людей для выполнения заданий, командировать, уполномочивать, направлять, назначать* [22, с. 651].

В электронном словаре Guoxue dashi (国学大师) знак 史 представлен в графике цзягувэнь , цзиньвэнь , чжуаньвэнь , лишу , кайшу . На протяжении всей эволюции от цзягувэнь до чжуаньвэнь знак изображает *руку, держащую предмет, изображённый знаком 中*, и в совокупности обозначает *чиновника*. Предмет, изображённый знаком 中, согласно словарю, может представлять собой *древний инструмент подсчёта, который использовался историографами во время соревнований по стрельбе из лука*. В стилях *лишу* и *кайшу* знак ошибочно стал записываться по-другому, потеряв исходную связь с обозначаемыми явлениями [30].

В электронном словаре пиктограмм Vividict (象形字典) знак 史 shǐ интерпретируется следующим образом:

史 – первоначальный вариант знака 使; иероглифы 吏 *чиновник*, 事 *дело, занятие*, 史 *летопись, история* – имеют родственное происхождение. Знак 史 в цзягувэнь выглядел следующим обра-

зом: и состоял из двух элементов: *флаг, стяг, знамя* и *рука*, что в совокупности значит *отправляться с миссией в качестве посла, держа в руках верительный флажок и бирку посланника, для осуществления мирных переговоров в конфликте относительно государственных границ*.

Современная форма знака 中 *флаг, знамя* является упрощённым вариантом знаков цзягувэнь и . В древние времена *флаг, знамя* при отправке в заграничные земли выполняли функцию своеобразных «документов», которые могли свидетельствовать о национальной принадлежности человека. Этимологическое значение знака 中 – *флаг, знамя, которые держали два представителя различных царств при мирном решении приграничных конфликтов*. В некоторых знаках цзя-

гувэнь форма знамени упростилась и приобрела вид , поэтому элемент стал записываться . В цзиньвэнь форма знака осталась такой же, как в цзягувэнь, и была представлена

двумя вариантами – и . В чжуаньвэнь знак также демонстрирует графическую преемственность периода цзиньвэнь. В период чжуаньвэнь вместо знака 史 появляется новый знак (使), в котором к прежнему знаку рука, держащая знамя, добавился элемент человек (人). Таким образом, этимологическое значение знака 使 может интерпретироваться следующим образом: *держат в руках верительный флажок и бирку посланника, тем самым представляя государство; отправляться с миссией в качестве посла* [31].

Проведённый анализ знака 史 (使) показал, что этимология его является неоднородной. С одной стороны, графическая эволюция установлена и представлена во многих словарях. В частности практически все источники демонстрируют графику в цзягувэнь (лишь один словарь считает, что знак появился лишь в цзиньвэнь), а это значит, что время его создания может варьироваться от XIV до X вв. до н. э. Данный факт косвенно подтверждает предположение о том, что такое направление деятельности, как дипломатия, является одним из самых древних в мире. С другой стороны, необходимо учитывать, что знак преимущественно обозначал *чиновника, историографа, летописца* и стал использоваться в «дипломатическом контексте», по всей видимости, позже. Точное время возникновения семантики «дипломат» установить сложно, но наиболее древние подтверждённые лексические употребления в данном значении зафиксированы в «Исторических записках» Сыма Цяня (91-109 гг. до н.э.).

Анализ этимологии 史 (使) также показал, что большая часть словарей интерпретируют его как изображение *руки, держащей какой-то предмет*, и в совокупности обозначают *чиновника, историографа*. Относительно того, какой предмет изображается в руках, мнения авторов разошлись. Одни словари утверждают, что это *бамбуковые дощечки для письма, официальные документы*, на которых чиновник-историограф осуществлял записи. Вторые – *орудие для охоты, рогатина*. Третьи – *древний инструмент подсчёта*. Лишь один словарь представил дефиницию, согласно которой знак изображает *руку (посланника), держащую верительный флаг*.

Родственный знак 使 является более сложным и более поздним. Словари говорят о том, что оба иероглифа дифференцировались лишь в чжуаньвэнь (за счёт появления ключа «человек»). И именно в чжуаньвэнь (что и отразилось в словаре «Шо вэнь цзе цзы») возникает отдельная семантика *приказ, приказывать (или выполнять приказ), заставлять, вынуждать, посылать, посланец*. Таким образом, можно говорить о том, что «дипломатическая» семантика данного знака, представленная в словаре «Шо вэнь», подтвердилась лишь частично.

Представляет интерес и тот факт, что этимология китайского термина «посол», «дипломат» в некоторой степени схожа с этимологией аналогичного термина в русском и ряде европейских языков. Несмотря на то, что устройство этимологического анализа в языках с различным типом письма неодинаково, некая родственность этимологии всё же присутствует и, по всей видимости, свидетельствует об универсальности человеческого сознания и мышления: *дипломат – это чиновник, снабжённый документами, верительной биркой* (снабжённый грамотой, дипломом в русском и др. языках), либо это *чиновник, которого посылают с миссией* (в сравнении с посол в русском и др. языках), или *чиновник, который отдаёт или выполняет приказы, заставляет, понуждает выполнять собственную волю* (в сравнении с *ambassador* – слуга, вассал, чиновник).

Вместе с тем присутствует и некоторая этноспецифичность: китайский знак, в случае если он изображает документ, это документ на носителе, характерном именно для китайской традиции, – на бамбуковых дощечках.

Ещё один базовый знак словаря «Шо вэнь цзе цзы» – ключ верительная бирка.

, 瑞信也。守國者用玉, 守都鄙者用角, 使山邦者用虎, 土邦者用人, 澤邦者用龍, 門闕者用符, 貨賄用璽, 道路用旌。象相合之形。[32].

Цзе – это *знак доверительности*. Хранители государств используют бирки из яшмы, хранители городов и окраин используют бирки из рога; посланные в горные страны используют бирки с тиграми, в равнинные страны – бирки с людьми, в водные страны – бирки с драконами; закрывающие ворота используют бирки с насечками, торгующие и подкупающие используют бирки с

печатами, следующие по дорогам используют бирки с флагами. Символизирует форму взаимного схождения [7].

В Словаре этимологий это трактуется так: *верительная бирка, которую Сын Неба, император, вручал феодалам, вассалам*. Защитники государства использовали нефритовые бирки, защитники сановников и членов царствующего дома использовали рожковые бирки, защитники горной местности используют тигровые бирки, защитники земель используют бирки людей, защитники озёр используют драконьи бирки, защитники застав используют верительные бирки, защитники драгоценностей используют императорские бирки, защитники дороги используют бирки-знамёна [13, с. 406].

В словаре «Происхождение и развитие китайских иероглифов (汉字源流字典)» представлена

эволюция в цзягுவэнь , цзиньвэнь и чжуаньвэнь . В цзягувэнь знак является пиктограммой и изображает *сидящего на коленях человека*. В цзиньвэнь и чжуаньвэнь форма существенно не изменилась. В кайшу возник вариант написания (разнопись) . Используясь в качестве ключа в сложных иероглифах, может принимать следующие формы: 巴, 尸.

В интерпретации определения из словаря «Шо вэнь» говорится, что форма знака соотносится с его содержанием. Момент возникновения вторичных значений не ясен. Исходная семантика – изображение *сидящего на коленях человека* [22, с. 13].

Согласно словарю «Происхождение китайских иероглифов (汉字形体源流)» в знаке изображается *человек, сидящий на коленях с руками на коленях*. Поскольку древние чиновники носили халаты, при посадке они принимали определённое положение: человек сидел на коленях, при этом нижняя часть его туловища располагалась под ним и не должна была как-либо «проявляться». Подобная форма посадки была распространена в Китае в древности и использовалась вплоть до эпохи Тан, а в Японии используется до сих пор. Знаки 印, 港, 邑 содержат ключ . Вариант является разнописью знака [24, с. 5].

Согласно словарю Guoxue dashi (国学大师), знак впервые возник в чжуаньвэнь и представлен,

соответственно, только в стиле чжуаньвэнь . Он изображает одну из двух частей *верительной бирки*, которые использовались для сверки, и является пиктограммой, изображающей реальную *верительную бирку, или её часть*. Знак претерпел изменения, поэтому исходную семантику в на-

стоящее время установить нелегко . В кайшу сохранил форму чжуаньвэнь [33].

Словарь пиктограмм Vividict (象形字典) говорит о том, что иероглифы “”, “”, “” являются этимологически родственными знаку 人 *человек*. В отличие от словаря Guoxue dashi (国学大师), Vividict представляет его эволюцию во всех стилях написания – цзягувэнь, цзиньвэнь и т.д. Человек в цзягувэнь является пиктограммой и изображает *фигуру человека в наклоне в процессе работы в поле*. После дифференциации всех этих значений форма *стоящего человека* в цзягувэнь

 сменилась изображением *сидящего человека* , *поза которого выражает уважение*. В цзиньвэнь она практически такая же, что и в цзягувэнь. Некоторые знаки цзиньвэнь изображают *стоящего человека в поклоне*. В чжуаньвэнь оба варианта цзиньвэнь объединяются в один знак [34].

Таким образом изображает *нижестоящего рангом в поклоне* в момент заслушивания приказа от вышестоящего (в древности это было продиктовано ритуалом и этикетом). Данный знак редко использовался самостоятельно, обычно как часть более сложных иероглифов идеографической категории в более широком значении *человек*. Позже приобрёл значение *коленце бамбука*.

Семантика *верительная бирка*, предложенная в словаре «Шо вэнь цзе цзы», подтвердилась лишь в одном из словарей. Анализ форм цзягувэнь, цзиньвэнь и чжуаньвэнь говорит о том, что знак изображает *сидящего на коленях человека* (возможно, в поклоне). При этом причина и время

перехода ко вторичной семантике *верительная бирка* не совсем понятны, ни один источник не даёт какой-либо информации об этом.

Не совпали мнения словарей и относительно его времени возникновения. Одни (汉字源流字典, Vividict (象形字典)) говорят о том, что он появился в цзягувэнь, другие Guoxue dashi (国学大师) – лишь в чжуаньвэнь.

Следующим знаком, в определении которого встречается дипломатическая тема, является знак 𠄎 *поднять глаза на посланника*.

𠄎, 舉目使人也。从支从目。 [35].

В Словаре этимологий предлагается перевод *поднять глаза на посланника*. Знак состоит из элементов 支 *ударять* и 目 *глаз* [13, с. 129].

Этот знак в словаре «Происхождение и развитие китайских иероглифов (汉字源流字典)» пред-

ставлен в цзягувэнь , цзиньвэнь и чжуаньвэнь . Является сложной идеограммой, состоящей из компонентов 支 *рука, держащая иголку*, и 目 *глаз*, и в совокупности имеет значение *лечить болезнь глаз с помощью иголок*. В цзиньвэнь форма знака не изменилась, в чжуаньвэнь стала регулярной. В лишу и кайшу он стал записываться 𠄎 и является первоначальным вариантом знака 𠄎.

В словаре «Шо вэнь цзе цзы» определяется как *поднять глаза на посланника*. Данное значение является вторичным. Исходная семантика – *лечить болезнь глаз иглами*. Кроме того, иероглиф имеет ряд других значений: 1) лёгкое движение глаз, подёргивание глаз; 2) настороженно смотреть; 3) поднимать глаза на посланника.

Семантика знаков, содержащих ключ 𠄎, связана со значением «рассматривать, расследовать, проверять» [22, с. 838].

В словаре Guoxuedashi (国学大师) он представлен во всех стилях, но его семантика не комментируется, указывается лишь одно значение *поднять глаза на посланника* [36]. В словаре Vividict знак не представлен.

Последним анализируемым ключом является 司 *подданный, управляющий делами вовне*.

司, 臣司事於外者。从反后。 [37].

Подданный, управляющий делами вовне состоит из перевернутого знака 后 [7].

В Словаре этимологий предлагается следующий перевод: *чиновник, вассал, находящийся на службе в заграничных землях*. Знак противоположен знаку 后 [12, с. 403].

Знак 司 в словаре «Происхождение и развитие китайских иероглифов (汉字源流字典)» пред-

ставлен в цзягувэнь , цзиньвэнь и чжуаньвэнь . Сложный иероглиф идеограмма. В цзягувэнь состоит из компонентов *перевернутая ложка, черпак, ковш* 匕 и *рот* 口, что в совокупности имеет значение *подносить еду ко рту ложкой*. Является первоначальным вариантом знака 饲 *выкармливать, кормить*. В цзиньвэнь его форма не изменилась, в чжуаньвэнь стала регулярной. После лишу в кайшу стал записываться 司.

Знак является обратным знаку 后. Данное значение является вторичным. Исходная семантика – *принимать пищу*.

1) *Принимать пищу*. При родоплеменном строе пища распределялась поровну между всеми членами племени. Человек, отвечающий за распределение еды в племени, назывался 司. В связи с этим возникло второе значение: 2) *руководить, заведовать, управлять*; 3) *руководитель, чиновник* [22, с. 201].

В словаре «Происхождение китайских иероглифов (汉字形体源流)» говорится, что 后 и 司 в древности были одним знаком. 司 значит *наследник, потомок, преемник*, является первоначальным вариантом знака 嗣 и состоит из компонентов *ложка, черпак, ковш* 匕 и *рот* 口 [24, с. 229].

В словаре «Анализ форм и значений китайских иероглифов (汉字形义分析字典)» даётся форма

цзягувэнь . В цзягувэнь является сложным иероглифом идеограммой, состоит из компонентов 人 *человек* и 口 *рот* и в совокупности значит *человек, который отдаёт приказы и распоряжения*.

В «Шо вэне» говорится о том, что 司 является обратным знаком 后, в цзягுவэнь и цзиньвэнь имел два написания – в обе стороны. Знак 司 встречается на древнейшем бронзовом четырёхножке «Сымуу» в значении 后 *правитель, император*. В цзиньвэнь сочетание 司马 *воевода; начальник войскового приказа* могло записываться и как 后马. Дифференциация двух знаков произошла позже: записываемый в левую сторону 司 приобрёл значение *ведать, управлять*, а в правую сторону 后 – *государь, император* [23, с. 496].

Словарь Guoxue dashi (国学大师) говорит о том, что 司 на протяжении всей эволюции с цзягувэнь до кайшу преемственен и состоит из компонентов 人 *человек (человек, который отдаёт приказы и распоряжения)* и 口 *рот (командующий отдаёт приказ)*. В словаре «Шо вэнь» он ошибочно интерпретируется как обратный иероглифу 后. Возможно, обозначал *чиновника, отвечавшего за выполнение земледельческих работ* [38].

Согласно словарю пиктограмм Vividict (象形字典), в цзягувэнь 司 знак состоит из элементов 丩 *знак власти; бунчук; жезл; скипетр* и 口 *рот, допрашивать*, что в совокупности обозначает *допрос во время суда*. В цзиньвэнь 司 его форма осталась такой же, как в цзягувэнь. В некоторых вариантах цзиньвэнь 司 добавились элементы 爪 *(爪) рука*, 纆 *завязанный узлом, запутанный шёлк* и 扌 *(вариант знака 手) рука, в значении схватить рукой*, что в совокупности означает *двумя руками распутывать запутанный шёлк, привести в порядок судебное дело* [39].

Этимология знака, данная в словаре «Шо вэнь цзе цзы», *подданный, управляющий делами во вне*, нашла подтверждение лишь частично. Большая часть источников солидарна во мнении, что он обозначал *чиновника, отдающего или выполняющего приказы* (словари 汉字形义分析; 国学大师), при этом ни один не упоминает о том, что чиновник *осуществляет службу в заграничных землях*. Статьи указывают на различные возможные сферы деятельности чиновника: одни – на распределение еды и пищи в древнем обществе, другие – на приказы в военной сфере, третьи – в земледелии, четвёртые – во время суда.

Мнения относительно составных компонентов 司 также не сошлись. Одни источники указывают на элемент *рот* 口 и *ложка, черпак* 匕, другие – на *человек* 人 и *рот* 口, третьи – *жезл* 丩 и *рот* 口.

Осуществлённый сопоставительный анализ этимологий ряда ключей словаря «Шо вэнь цзе цзы» с общей «дипломатической» семантикой показал следующее. Характерной особенностью этимологического анализа в китайском языке является то, что словари порой предлагают совершенно разные версии происхождения одного и того же знака. Они могут характеризоваться «обилием реализаций графических элементов, так и их различным расположением внутри иероглифа и даже их различным количеством и набором» [6, с. 57]. Одни видят в знаке *документы*, другие *орудие для охоты*, одни – *жезл*, другие – *ложку, черпак*. Вопрос о том, какой вариант интерпретации следует признать более правильным, остаётся открытым, поскольку выявление этимологии – «процесс сложный и не всегда даёт однозначные ответы» [16, с. 123].

Данный факт, вероятно, может быть объяснён тем, что правила и единицы письменности в древнейшие периоды цзягувэнь и цзиньвэнь находились ещё в процессе формирования и «роль писца, составлявшего надписи на костях и панцирях, была не просто актом записи стандартных знаков, образующих некоторое высказывание, но также и творческим актом, где он мог выбирать разные варианты начертания одного и того же знака для разных целей и условий составления надписи» [14, с. 487].

По всей видимости, знаки, интерпретируемые в словаре «Шо вэнь цзе цзы» как «дипломатические», приобрели соответствующую семантику позднее, ближе к периоду создания словаря (I в. н. э., эпоха Хань). Исходя из фактологических данных, в цзягувэнь большая часть знаков уже существовала, но имела иную семантику, не связанную с «дипломатией», либо косвенно связанную с этой сферой. Этимология лишь одного ключа 史 (使) лишь в одном словаре пиктограмм Vividict

(象形字典) говорит о том, что знак уже в период цзягувэнь изображал *руку, держащую верительную бирку или флаг*, что символизирует *посла, посланца в заграничных землях*.

Наличие среди ключей «Шовэня» нескольких единиц с общей «дипломатической» семантикой говорит не просто о важности данного направления деятельности, так как, подчиняясь закону номинации, количество языковых единиц в определённой сфере сигнализирует о её приоритетности в жизни народа, но и о её высоком статусе, поскольку все эти знаки входят в число базовых знаков китайской письменности, среди которых наименования, например, других «профессий» встречаются редко.

© Е.А. Хамаева, 2022

Список литературы

1. Барский К.М. Основные черты политической культуры Китая // «Политическая культура стран Азии и Африки». М.: МГИМО, 1996. С.56–76.
2. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности / О.М. Готлиб. М.: Восток-Запад, 2007. 284 с.
3. Готлиб О.М. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв.: В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин / О.М. Готлиб, Е.В. Кремнёв, Т.Е. Шишмарева. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
4. Завьялова О.И. Иероглифическая письменность // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л.Титаренко; ин-т Дальнего Востока М.: Вост. лит., 2006. / О.И. Завьялова. [Т.3:] Литература. Язык и письменность. / ред. М.Л. Титаренко и др., 2008. 855 с.
5. Завьялова О.И. Шо вэнь цзе цзы // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. / О.И. Завьялова [Т.3:] Литература. Язык и письменность. / ред. М.Л. Титаренко и др. 2008. 855 с.
6. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности / А.М. Карапетьянц. М.: Вост. лит., 2010. 479 с.
7. Карапетьянц А.М. Вопросы интерпретации текстов Сюй Шэня, сопряжённых с ключами словаря Шовэнь // V Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: материалы Международной науч.-практ. конф. 19–21 окт. 2021 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С.45–51. <https://doi.org/978-5-9624-2002-8.2021.1-439>.
8. Карасёва К.В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики: Автореферат канд. ... филол. наук: 10.02.22 / К.В. Карасёва. Минск. 2019. 29 с.
9. Кондрашевский А.Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня»: диссертация ... канд. филол. наук / А.Ф. Кондрашевский. Москва. 1982. 116 с.
10. Мартыненко Н.П. «Вэньцзы» и истоки китайской культуры // Вопросы философии. М., 2004. №9. С. 106–117.
11. Ошанин И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма: диссертация ... канд. филол. наук / И.М. Ошанин. М., 1943.
12. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семёнов. М.: «ЮНВЕС», 2003 г. 704 с.
13. Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарёва, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова и др. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 669 с.
14. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций / М.В. Софронов. М.: Восток-Запад, 2007. 638 с.
15. Старостин Г.С. К вопросу о методологии языкового анализа древнекитайских текстов (Ч. 2) 1 // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012, №20. С. 216–248.
16. Трубачев О. Н. Приёмы семантической реконструкции // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1. С. 123–153.
17. Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника «Почему не иначе?» / Л.В. Успенский. М.: АСТ, Зебра Е., 2008. 464 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Пер. и доп. О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 4. 860 с.
19. Хамаева Е.А. Этимологический vs этимологический анализ знаков китайской идеографической письменности / Е.А. Хамаева, Т.Е. Шишмарева // Вестник Пятигорского университета. 2018. №3. Пятигорск. С. 36–48.
20. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, 3-е изд., испр. Москва: Дрофа, 2000. 399 с.
21. 古辞辨 // 王凤阳著. 北京: 中华书局, 2011. 1053 页.
22. 汉字源流字典 / 谷衍奎编. 北京: 语文出版社, 2008.1. 2079 页.
23. 汉字形义分析字典 / 曹先擢, 苏培成著. 北京: 北京大学出版社, 1999.1. 736 页.
24. 汉字形体源流 (The Origins of Chinese Characters) / 王宏源著. 北京: Sinolingua, 1993. 348 页.
25. 汉字字源: 当代新说文解字 / 奚文宇, 奚勇著. 长春: 吉林文史出版社, 2005.11. 536 页.
26. 邹效力. 基础汉字形义释源: 说文部首今读本义. 中华书局, 2007. 246 页 Zou Xiaoli.

27. Этимологический онлайн словарь: ambassador [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/ambassador> (дата доступа 20.08.2021)
28. Словарь Handian (汉典): 史 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%8F%B2> (дата доступа 6.07.2021)
29. Словарь Handian (汉典): 使 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/%E4%BD%BF> (дата доступа 6.07.2021)
30. Словарь Guoxue dashi (国学大辞): 史 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2109ft/> (дата доступа 10.07.2021)
31. Словарь Vividict (象形字典): 使 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=9719> (дата доступа 10.07.2021)
32. Словарь Handian (汉典): 𠄎 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%8D%A9> (дата доступа 12.07.2021)
33. Словарь Guoxue dashi (国学大辞): 𠄎 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2015ik/> (дата доступа 12.07.2021)
34. Словарь Vividict (象形字典): 𠄎 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11312> (дата доступа 7.08.2021)
35. Словарь Handian (汉典): 𠄎 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/%F0%A1%95%A5> (дата доступа 7.08.2021)
36. Словарь Guoxue dashi (国学大辞): 𠄎 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guoxuedashi.net/zidian/z48537j.html> (дата доступа 10.08.2021)
37. Словарь Handian (汉典): 司 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%8F%B8> (дата доступа 15.08.2021)
38. Словарь Guoxue dashi (国学大辞): 司 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2115fi/> (дата доступа 15.08.2021)
39. Словарь Vividict (象形字典): 司 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=12030> (дата доступа 21.08.2021)

References

1. Barskii, K.M. Osnovnye cherty politicheskoi kul'tury Kitaia [The main features of China's political culture] // *«Politicheskaiia kul'tura stran Azii i Afriki»*. M.: MGIMO, 1996. S.56–76.
2. Gotlib, O. M. *Osnovy grammatologii kitaiskoi pis'mennosti* [Fundamentals of Chinese Grammarology] / O.M. Gotlib. M.: Vostok-Zapad, 2007. 284 s.
3. Gotlib, O.M. *Otechestvennye trudy v oblasti grammatologii kitaiskoi pis'mennosti vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX vv.*: V.P. Vasil'ev, S.M. Georgievskii, Iu.V. Bunakov, I.M. Oshanin [Russian works in the field of grammarology of Chinese writing in the second half of the 19th - first half of the 20th centuries: V.P. Vasiliev, S.M. Georgievsky, Yu.V. Bunakov, I.M. Oshanin] / O.M. Gotlib, E.V. Kremnev, T.E. Shishmareva. Irkutsk: MGLU EALI, 2014. 283 s.
4. Zav'ialova, O.I. *Ieroglificheskaiia pis'mennost'* [Chinese hieroglyphic writing] // *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia: v 5 t. / gl. red. M.L. Titarenko; in-t Dal'nego Vostoka M.: Vost. lit., 2006. / O.I. Zav'ialova. [T.3:] Literatura. Iazyk i pis'mennost'.* / red. M.L. Titarenko i dr., 2008. 855 s.
5. Zav'ialova, O.I. *Sho ven' tsze tszy [Shuo wen jie zi]* // *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia: v 5 t. / gl. red. M.L. Titarenko; in-t Dal'nego Vostoka. M.: Vost. lit., 2006. / O.I. Zav'ialova [T.3:] Literatura. Iazyk i pis'mennost'.* / red. M.L. Titarenko i dr. 2008. 855 s.
6. Karapet'iants, A.M. *U istokov kitaiskoi slovesnosti* [At the origins of Chinese philology] / A.M. Karapet'iants. M.: Vost. lit., 2010. 479 c.
7. Karapet'iants, A.M. *Voprosy interpretatsii tekstov Siui Shen'ia, sopriazhennykh s kluchami slovaria Shoven'* [Problems of interpretation of Xu Shen's texts associated with the radicals of the Shuo wen dictionary] // *V Gotlibovskie chteniia: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v rusle transdistsiplinarnoi regionologii: materialy Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. 19–21 okt. 2021 g.* Irkutsk: Izd-vo IGU, 2021. S.45–51. <https://doi.org/978-5-9624-2002-8.2021.1-439>.
8. Karaseva, K.V. *Printsipy dekodirovaniia logogramm i rekonstruktsiia ikh semantiki* [Principles of decoding logograms and reconstruction of their semantics]: Avtoreferat kand. ... filol. nauk: 10.02.22 / K.V. Karaseva. Minsk. 2019. 29 s.
9. Kondrashevskii, A.F. *Znaki pervonachal'nykh kategorii kitaiskoi pis'mennosti i sistema kliucheii «Shoven'ia»* [Signs of the categories of Chinese writing and the system of «Shuowen» radicals]: dissertatsiia ... kand. filol. nauk / A.F. Kondrashevskii. Moskva. 1982. 116 s.
10. Martynenko, N.P. «Ven'tszy» i istoki kitaiskoi kul'tury [“Wenzi” and the origins of Chinese culture] // *Voprosy filosofii*. M., 2004. №9. S. 106–117.
11. Oshanin, I.M. *Proiskhozhdenie, razvitie i struktura sovremennogo kitaiskogo pis'ma* [Origin, evolution and structure of modern Chinese writing]: dissertatsiia ... kand. filol. nauk / I.M. Oshanin. M., 1943.
12. Semenov, A.V. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] / A.V. Semenov. M.: «JuNVE», 2003 g. 704 s.
13. *Slovar' etimologii bazovykh znakov kitaiskoi pis'mennosti* [Dictionary of etymologies of the basic signs of Chinese writing] / T. E. Shishmareva, E. A. Khamaeva, N. V. Terekhova, D. M. Domashevskaiia. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. 669 s.
14. Sofronov, M.V. *Kitaiskii iazyk i kitaiskaiia pis'mennost'. Kurs lektsii* [Chinese language and Chinese writing. Lecture course] / M.V. Sofronov. M.: Vostok-Zapad, 2007. 638 s.

15. Starostin, G.S. K voprosu o metodologii iazykovogo analiza drevnekitaiskikh tekstov (Ch. 2) 1 [On the question of the methodology of linguistic analysis of ancient Chinese texts (Part 2) 1] // *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*. 2012, №20. S. 216–248.
16. Trubachev, O. N. Priemy semanticheskoi rekonstruktsii [Semantic reconstruction techniques] // *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura*. M., 2004. T. 1. S. 123–153.
17. Uspenskii, L.V. *Etimologicheskii slovar' shkol'nika «Pochemu ne inache?»* [The etymological dictionary of the schoolchildren "Why not otherwise?"] / L.V. Uspenskii. M.: AST, Zebra E., 2008. 464 s.
18. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t.: Per. s nem. = Russisches etymologisches Wörterbuch* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 volumes: translated from German] / Per. i dop. O. N. Trubacheva. 4-e izd., stereotip. M.: Astrel' – AST, 2004. T. 4. 860 s.
19. Khamaeva, E.A. Etimologicheskii vs etimograficheskii analiz znakov kitaiskoi ideograficheskoi pis'mennosti [Etymological vs etymographic analysis of signs of Chinese ideographic writing] / E.A. Khamaeva, T.E. Shishmareva // *Vestnik Piatigorskogo universiteta*. 2018. №3. Piatigorsk. S. 36–48.
20. Shanskii, N.M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] / N.M. Shanskii, 3-e izd., ispr. Moskva: Drofa, 2000. 399 s.
21. 古辞辨 // 王凤阳著. 北京: 中华书局, 2011. 1053 页. *Gǔ cí biàn* [Debate on Ancient Words] // *Wángfèngyángzhe*. Běijīng: Zhōnghuá shūjú, 2011. 1053 Yè.
22. 汉字源流字典 / 谷衍奎编. 北京: 语文出版社, 2008.1. 2079 页. *Hànzì yuánliú zìdiǎn* [Chinese Character Source Dictionary] / *gǔyǎnkuí biān*. Běijīng: Yǔwén chūbǎn shè, 2008.1. 2079 Yè.
23. 汉字形义分析字典 / 曹先擢, 苏培成著. 北京: 北京大学出版社, 1999.1. 736 页. *Hànzì xíng yì fēnxī zìdiǎn* [A Dictionary of Chinese Character Form and Meaning Analysis] / *Cáo Xiānzhuó*, edited by *Sū Péichéng*. Beijing: Peking University Press, 1999.1. 736 pages.
24. 汉字形体源流 (The Origins of Chinese Characters) / 王宏源著. 北京: Sinolingua, 1993. 348 页. *Hànzì xíngtǐ yuánliú* [The Origins of Chinese Characters] / *Wáng Hóngyuán*. Beijing: Sinolingua, 1993. 348 pages.
25. 汉字字源: 当代新说文解字 / 窦文字, 窦勇著. 长春: 吉林文史出版社, 2005.11. 536 页. *Hànzì ziyuán: Dāngdài xīn shuō wén jiě zì* [Chinese Character Source: Contemporary New Shuo wen jie zi] / *Dou Wenyu, Dou Yong*. Changchun: Jilin Literature and History Publishing House, 2005.11. 536 pages.
26. 邹效力. 基础汉字形义释源: 说文部首今读本义. 中华书局, 2007. 246 页. *Zōu Xiàolì. Jīchǔ hànzì xíng yì shì yuán: Shuō wén bù shǒu jīn dúběn yì* [The source of basic Chinese characters' form and meaning: The original meaning of the radicals of Shuo wen] Zhonghua Book Company, 2007. 246 pages
27. Online etymology dictionary: ambassador [Electronic resource]. <https://www.etymonline.com/word/ambassador> (Accessed 20 August 2021)
28. Handian dictionary (汉典): 史 [Electronic resource], <https://www.zdic.net/hans/%E5%8F%B2> (Accessed 6 July 2021)
29. Handian dictionary (汉典): 使 [Electronic resource], <https://www.zdic.net/hans/%E4%BD%BF> (Accessed 6 July 2021)
30. Guoxue dashi dictionary (国学大辞): 史 [Electronic resource], <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2109ft/> (Accessed 10 July 2021)
31. Vividict dictionary (象形字典): 使 [Electronic resource], <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=9719> (Accessed 10 July 2021)
32. Handian dictionary (汉典): 𠄎 [Electronic resource], <https://www.zdic.net/hans/%E5%8D%A9> (Accessed 12 July 2021)
33. Guoxue dashi dictionary (国学大辞): 𠄎 [Electronic resource], <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2015ik/> (Accessed 12 July 2021)
34. Vividict dictionary (象形字典): 𠄎 [Electronic resource], <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11312> (Accessed 7 August 2021)
35. Handian dictionary (汉典): 𠄎 [Electronic resource], <https://www.zdic.net/hans/%F0%A1%95%A5> (Accessed 7 August 2021)
36. Guoxue dashi dictionary (国学大辞): 𠄎 [Electronic resource], <http://www.guoxuedashi.net/zidian/z48537j.html> (Accessed 10 August 2021)
37. Handian dictionary (汉典): 司 [Electronic resource], <https://www.zdic.net/hans/%E5%8F%B8> (Accessed 15 August 2021)
38. Guoxue dashi dictionary (国学大辞): 司 [Electronic resource], <http://www.guoxuedashi.net/zixing/yanbian/2115fi/> (Accessed 15 August 2021)
39. Vividict dictionary (象形字典): 司 [Electronic resource], <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=12030> (Accessed 21 August 2021)

Сведения об авторе:

Хамаева Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: ономастика китайского языка, грамматология китайской письменности.

E-mail: e.khamaeva@my.mgimo.ru

About the author:

Elena A. Khamaeva – PhD, Assistant Professor of Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Chinese onomastics, Chinese grammatology. E-mail: e.khamaeva@my.mgimo.ru

* * *

LEXICO-STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF AVIATION TERMINOLOGY AND TECHNIQUES OF ITS TRANSMISSION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Svetlana B. Fomina

Lugansk Vladimir Dahl State University,
91034, Lugansk People's Republic, Lugansk, Zhovtnevyi district, Molodezhny quarter, 20A

Abstract. *The article discusses the lexical and structural characteristics of aviation terminology and the methods of its translation into Russian, the features of terminology functioning, and the specifics of translation. A scientific and technical text is presented as a communicative unit, a source of replenishment and knowledge exchange between professionals of a certain field of science and technology, a synthesis of the scientific and the technical; both linguistic and extralinguistic factors are considered. Linguists' points of view regarding the characteristics of scientific and technical texts are taken into account. The goal of this paper is to study the functioning of aviation terminology and the ways of its translation into Russian. A scientific and technical text is considered as the sphere with specific terminological units, and names of processes and phenomena, however, the consistent and logical nature of the presentation of the subject matter in a scientific and technical text does not exclude the presence of such lexical units as neologisms, phraseological units, vocabulary of foreign origin, abbreviations and acronyms. Aviation technologies abbreviations are full-fledged lexical units used as a means to economize linguistic means and as part and parcel of a technical text. The difficulties connected with the stylistic, lexical and syntactic features of the scientific and technical text are associated with the use of passive constructions, inversions typical of the analytical English language. Metaphorical means are identified as a source of terminology, which is proved by the adduced examples. Finding translation solutions when transferring the meanings of aviation terminology, and the selection of the required equivalent is the primary task of a full-fledged translation and an urgent problem of modern translation studies. The main task of the translator, who is not an expert in aviation technologies, when transferring the meanings of the term from English into Russian, is to achieve maximum semantic adequacy in translation. The difficulties encountered by the translator when translating aviation texts containing differently-structured terminological units are considered; the difficulties of translation are attributed to the absence of an equivalent in the translating language and may also be connected with determining the referent for designating the object in question, or may be associated with the syntactic difference between the English (analytical) and the Russian (synthetic) languages. The processing of language material makes it possible to determine the characteristic structural types of terminological units and to identify the most appropriate techniques of translation, such as formal, lexical and grammatical, in order to select the most appropriate equivalent to achieve a full-fledged translation option.*

Keywords: *scientific and technical text, semantics, vocabulary, stylistics, terminology, translation techniques, translation transformations*

For citation: Fomina S.B. (2022). Lexico-Structural Characteristics of Aviation Terminology and Techniques of its Transmission Into the Russian Language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 70–79. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-70-79>

ЛЕКСИКО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

С.Б. Фомина

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
91034, Луганская Народная Республика, город Луганск, Жовтневый район, квартал Молодежный, 20А

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-структурные характеристики авиационной терминологии и способы её передачи на русский язык, особенности её функционирования и специфика перевода. Научно-технический текст представлен как коммуникативная единица, источник пополнения и обмена знаниями между профессионалами определённой отрасли, как синтез научной и технической составляющих с учётом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов; рассмотрены точки зрения лингвистов на характеристику научного и технического текста. Цель исследования заключается в изучении функционирования авиационной терминологии в научно-техническом тексте и способов её передачи на русский язык. Научно-технический текст рассматривается как сфера функционирования специфических терминологических единиц, названий процессов и явлений, однако последовательный и логичный характер изложения проблематики в научно-техническом тексте не исключает присутствия таких лексических единиц, как неологизмы, фразеологизмы, лексика иноязычного происхождения, аббревиатуры и акронимы. Аббревиатуры в авиатехнологиях представляют собой полноценные лексические единицы, используемые как фактор экономии языковых средств и неотъемлемый компонент технического текста. Очерчены трудности, связанные со стилистическими, лексическими и синтаксическими особенностями научно-технического текста и отражающиеся в употреблении пассивных конструкций, инверсий, типичных для аналитического английского языка. Выявлены метафорические средства как источник терминологизации, приведены примеры. Определение переводческих решений при передаче значений авиационной терминологии, подбор требуемого эквивалента является первостепенной задачей полноценного перевода и представляет актуальную проблему современного переводоведения. Основная задача переводчика (как не эксперта в авиатехнологиях) при передаче значений термина с английского языка на русский состоит в достижении максимальной адекватности при переводе. Рассмотрены трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе текстов авиационной тематики, содержащих разноструктурные терминологические единицы. Они связаны с отсутствием эквивалента в переводящем языке и сложностью определения референта для обозначения номинируемого объекта, а также с разными синтаксическими особенностями английского (аналитического) и русского (синтетического) языков. Обработка языкового материала позволяет определить характерные структурные типы терминологических единиц и выявить наиболее подходящие – как формальные, так и лексико-грамматические – переводческие трансформации для достижения полноценного переводческого варианта.

Ключевые слова: научно-технический текст, семантика, лексика, стилистика, терминология, способы перевода, переводческие трансформации

Для цитирования: Фомина С.Б. (2022). Лексико-структурные характеристики авиационной терминологии и способы её передачи на русский язык. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 70–79. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-70-79>

Введение

Научно-технический текст играет важную роль в социальном познании, деятельности и коммуникации, так как научное знание является фундаментом научной речи, а научно-технический текст отражает научную картину мира определённым метаязыком, путём использования специальной терминологии с целью обмена научно-технической информацией между заинтересованными определённой проблематикой участниками коммуникации, использующими разные языки, что, в свою очередь, сопряжено с преодолением ряда переводческих трудностей.

Среди проблем, вынесенных для решения современной лингвистикой, перевод научно-технических текстов авиационной тематики занимает важное место в связи со стремительным развитием авиатехнологий в современном мире, интересом к науке и технике, соответственно, востребованность в такой переводческой деятельности с годами будет расти. Актуальность тематики сопряжена с комплексным подходом в описании англоязычной авиатерминологии и выявлением трудностей в достижении адекватности перевода, что проявляется как на лексико-семантическом, так и на синтаксическом уровнях.

Объектом изучения статьи является научно-технический текст авиационной тематики. Предметом исследования является функционирование авиатерминологии и определение переводческих решений при передаче значений авиационной терминологии в современном научно-техническом тексте с целью достижения максимальной адекватности при переводе.

Цель заключается в изучении функционирования авиационной терминологии в научно-техническом тексте и способов её передачи на русский язык. Материалом исследования послужили тексты электронных научных изданий авиационной тематики.

В исследовании применяются метод анализа и синтеза теоретического материала, метод контент-анализа с целью выявления характерных лексических единиц, описательный метод, метод компонентного анализа.

В статье рассматриваются как экстралингвистические, так и лингвистические факторы функционирования авиатерминологии, проведён структурный анализ терминов, представлена лексическая классификация авиатерминов, предложены и обоснованы способы перевода.

Терминоведение как научная парадигма связана с именем основателя российской терминологической школы Д. С. Лотте, однако исследования с целью систематизации и классификации терминологических единиц, описания их лексико-семантических особенностей и способов передачи значений продолжают, так как сама наука имеет прикладной характер.

Проблемы терминологии и терминоведения рассмотрены в работах Л.С. Бархударова [1], С.В. Гринева-Гриневица [5], В.М. Лейчика [9]; авиационная проблематика рассмотрена в исследованиях М.Б. Казачковой [7], Н.С. Шарафутдиновой [14] и других лингвистов.

Термины считаются основной частью специальной лексики, причём характеризуется способностью к эволюционированию под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов [14, с.11].

Так, С.В. Гринев-Гриневиц предложил интегративную классификацию образования терминов, включающую семантический способ, основанный на переносе значения; морфологический, в основе которого лежит деривация, а также синтаксический, рассматривающий термин-словосочетание, который считается наиболее частотным в терминологии. Кроме того, отмечен фактор цельности с точки зрения номинации у терминов-словосочетаний [5, с. 122-123, 136].

Говоря о стилистике научных текстов, отметим, что они нацелены на формирование определённой системы отражения действительности под влиянием как экстралингвистических, так и лингвистических факторов. Так, Н.М. Разинкина среди экстралингвистических факторов указывает на степень объективности познания и рост научной информации, к лингвистическим, наряду с привычными языковыми средствами письменной речи, она относит дихотомии «образное versus безобразное», «логическое versus эмоционально-оценочное» [10, с. 193]. Что касается точности донесения информации, то она связана с логикой изложения фактов [8, с. 923].

Технический текст, в свою очередь, отражает фактор технического знания в профессиональном коммуникативном мышлении, связанном с определённым уровнем технического знания, причём автор и реципиент зачастую являются экспертами, а переводчик, как правило, выступает в роли не эксперта, однако обязан владеть «ситуативно-рефлекторной моделью принятия переводческого решения» [12, с. 8]; [6, с. 69].

Технический текст воспринимается как коммуникативная единица, где терминология характеризуется однозначным толкованием среди профессионалов определённой отрасли знаний [3, с. 97].

Таким образом, научно-технический текст может восприниматься как специальный текст, отображающий определённо-направленную модель научной картины мира, насыщенный особой терминологией и служащий источником технической информации в определённой сфере научно-технических знаний. Научно-техническому тексту присущи такие характеристики, как логика и чёткость изложения материала, отметим наличие нейтральной лексики, терминов, аббревиатур, заимствований.

Результаты

Структурные и лексико-семантические характеристики авиатерминологии

Стилю современной англоязычной научно-технической авиационной литературы присуще наличие терминов – они отличают данный стиль от других регистров: *aileron* (элерон); *dual controls* (двойные средства управления); *fuselage* (фюзеляж), а также наличие клише и штампов: *also called* (также называемый), *in addition* (кроме того), *in this paper* (в статье), *therefore* (следовательно), *in comparison with* (по сравнению с), *results show* (результаты показывают, что) [16].

Принято считать, что клише является стереотипным выражением или шаблонной фразой, а штамп – шаблон или образец, однако использование таких слов неизбежно в любом тексте данного стиля.

Грамматике таких текстов присуще использование устоявшихся в письменной речи грамматических форм: пассивных, безличных и неопределённо-личных конструкций, инверсии: “When the hand is held parallel to the wind, there is far less drag and a moderate amount of lift is generated, the turbulence smooths out, and there is a better ratio of lift to drag” [16] (Когда руку держат параллельно ветру, сопротивление гораздо меньше и создаётся умеренная подъёмная сила, турбулентность сглаживается и увеличивается соотношение подъёмной силы к сопротивлению). Инверсия типична для передачи смысла сообщения при переводе с английского на русский язык: *there is far less drag* – сопротивление гораздо меньше, *a moderate amount of lift is generated* – создаётся умеренная подъёмная сила; страдательный залог – *is held*.

Что касается структурно-семантического принципа авиационных терминов, следует отметить наличие как простых, так и сложных терминов-слов и словосочетаний.

Простые термины (один корень): *crew* (экипаж), *drag* (сопротивление), *fuselage* (фюзеляж), *gravity* (гравитация), *landing* (посадка), *lift* (подъёмная сила), *plane* (самолёт), *thrust* (тяга), *turbulence* (турбулентность), *wings* (крылья).

Сложные термины (два корня): *aeroplane*, (самолёт), *aerodynamics* (аэродинамика), *aerofoil* (aerodynamic profile, аэродинамические поверхности), *airframe* (корпус самолёта), *takeoff* (взлёт), *cockpit* (кокпит, кабина, отсек; 1587 г. – арена для петушиных боёв. С 1706 года используется в «морском» значении – каюта корабельного гардемарина под палубой, позже слово упоминается при описании самолётов (1914 г.) и автомобилей (1930 г.)). Отметим расширенную семантику корней *-aero-* и *-air-*, обладающих значительным словообразовательным потенциалом.

Словосочетания (многословные термины): *airflow separation* (разделение воздушного потока), *dynamic reaction* (динамическая реакция), *induced drag* (индуцированное сопротивление), *fixed-wing aircraft* (самолёт с неподвижным крылом), *fly-by-wire* (электродистанционное управление), *force of the resistance* (сила сопротивления), *a high-velocity jet* (реактивная струя), *a screw propeller* (винтовой пропеллер), *wing system* (система крыла), *tail surfaces* (хвостовые поверхности),

supersonic aircraft (сверхзвуковой самолёт), *reciprocating aircraft* (самолёт с возвратно-поступательным двигателем), *turboprop-powered aircraft* (самолёт с турбовинтовым двигателем), *parasitic drag* (паразитное сопротивление), *trailing-edge flaps* (закрылки задней кромки), *slotted flaps* (щелевые клапаны).

Анализ лексических единиц показал, что словосочетания превалируют в авиатерминологии, что подтверждает мнение лингвистов о том, что составные термины преобладают в большинстве языков [5, с. 135]; [7, с. 40]. Считаем, что это можно пояснить смысловым единством элементов сочетания, связанных между собой (на основе уже существующих межотраслевых терминов, либо общеупотребительных слов), то есть способность являться терминологической единицей лишь при условии выражения цельного понятия, так, например, в сочетаниях ‘*airflow separation*’, ‘*wing system*’ первый элемент является зависимым: он связан и согласуется с основным, и лишь в данной комбинации словосочетание может считаться авиационным термином.

Рассмотрим лексическую репрезентацию авиатерминологии, представляющую наибольший интерес для лингвиста своей прецедентностью, образностью.

Авиационная терминология предполагает использование аббревиатур (образование новых слов путём сокращения слова/слов до начальных букв) и акронимов (тип аббревиатуры, производимый как самостоятельное целое слово), зачастую с целью обозначения как авиатехники, так и общих авиационных понятий, как правило, понятных специалисту: *Me 262* (Мессершмитт), *F-86 Sabre* «Сейбр» (*secure airborne radar equipment* – безопасная бортовая радиолокационная аппаратура). Отметим, что речь идёт о защите от обнаружения. *ATFM* – *air traffic flow management* (управление авиатранспортными потоками), *CANSO* – *The Civil Air Navigation Services Organisation* (Организация гражданской аэронавигационной службы).

Образование аббревиатур зачастую связано с «законом экономии речевых средств» [2, с. 28]. В результате сокращения как одного из способов словообразования, рождается новая словесная форма с присущей ей языковой ценностью [13, с. 132]. Обратим внимание на то, что насыщенность аббревиатурами такова, что лишь терминологическая соотнесённость аббревиатуры с профессиональной направленностью текста позволяет вывести её значение. В основе аббревиации лежит прагматический аспект, а научно-технический прогресс, влияющий на пополнение лексического состава языка, приведёт к ещё большему появлению терминов-аббревиатур, что для простого обывателя всегда будет представлять сложность при их декодировании. Насыщенность научно-технического текста аббревиатурами лишь подтверждает его отнесённость к специальному типу текста.

Отметим присутствие фразеологизмов, испытавших на себе процесс терминологизации, среди авиационной лексики: ‘*wasp-waist appearance*’ (фразеологизм «осиная талия») – “Early applications of this rule resulted in a “*wasp-waist appearance*, such as that of the Convair F-102” [16] (Раннее применение этого правила привело к появлению «осиной талии», как у Конвэр F-102). Таким образом данный фразеологизм стал частью авиатерминологии. Указывая на семантическое сходство представленного фразеологизма как в русском, так и английском языках, смеем предположить, что терминологизации подвержены именно семантически тождественные фразеологизмы.

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что мы мыслим по метафорическим схемам, которые не осознаём. Метафоры, по мнению авторов, заложены в понятийной системе человека, благодаря чему речь становится существенным источником информации об этой системе. Теория метафоры позволяет сделать вывод, что значительные фрагменты языка основываются на осмыслении ненаблюдаемых явлений в терминах явлений, которые можно наблюдать: “Метафора накрывает лакуны в словаре буквальных наименований” [17, с. 137].

Метафоризация также присуща авиатерминологии: так, привычные слова: ‘*nose*’ (*conical nose* – нос в форме конуса), ‘*wing*’, ‘*tail*’, ‘*body*’, которые обозначают части тела (туловища птиц, животных), одновременно являются частью самолета: “...backward pressure raises the elevator, raising *the nose* and lowering *the tail*” [15], [16] (обратное давление поднимает руль высоты, поднимая *нос* и опуская *хвост*); “Most planes feature an enclosed *body (fuselage)* to house the crew, passengers, and cargo...” [19] (Большинство самолётов имеют закрытый корпус (фюзеляж) для размещения эки-

пажа...). Словосочетание *'the air-breathing aircraft'* (воздушное судно) ассоциируется с живым организмом, способным к самостоятельному дыханию из-за слова *'breathing'*, что может вызвать затруднения при переводе.

Таким образом, семантический способ словообразования, а именно метафоризация, связан с терминологизацией общеупотребительной лексики. Присутствие метафор можно пояснить наличием концептуальной картины мира в сознании человека и способности к ассоциативному мышлению, соответственно, можно заключить, что словарный состав будет пополняться метафорическими средствами.

Так как авиастроение непосредственно связано с развитием науки и техники, то избежать появления неологизмов невозможно, зачастую вскоре мы начинаем их воспринимать как заимствования: *wave-ride* (вейврайдер, что является гиперзвуковым воздушным судном), *hardware* (аппаратное обеспечение), *upgrade* (модернизация). Скорость научно-технического прогресса в современном мире, с одной стороны, и простота и компактность авиационных неологизмов – с другой, позволяют подобной лексике войти в вокабуляр любого языка и пополнить его, что подтверждает открытость терминосистемы и её готовность к пополнению.

Обращает на себя внимание наличие синонимов к слову 'самолёт': *plane, aircraft, aeroplane*. Синонимия как языковое явление в сфере авиастроения, вероятно, связана с бурным развитием отрасли, так, *airplane, plane* и *aeroplane* считаются абсолютными синонимами, однако написание *'aeroplane'* типично для британцев, что касается слова *'aircraft'*, то оно относится к описанию любого летательного аппарата.

Анализ способов перевода авиационной терминологии

В свою очередь, перевод терминов полностью зависит от знания переводчиком предмета исходного текста, от стиля, в котором он используется. Необходимо помнить, что термин обычно переводится соответствующим термином целевого языка.

Отметим, что перевод специальной технической терминологии требует понимания ситуации, а значит, подбирать эквивалент следует основываясь на уже существующем понятии, закрепившемся в данной технической сфере, либо прибегать к переводческим трансформациям в поисках контекстуального эквивалента [11].

В научной литературе существуют такие способы перевода терминологии как: транскрипция и транслитерация (транскрипция + транслитерация = транскодирование), калькирование, описательный перевод, замена.

Транскрипция и транслитерация используются при семантизации заимствований, например: *algorithm* – алгоритм, *phenomenon* – феномен, *wave-ride* – вейврайдер. Так, компьютерный термин *'hardware'* имел заимствованный эквивалент *хардвер*, который больше не используется в сфере информатики, заменой данного термина будет: электромеханическое оборудование, техническое обеспечение, а в авиастроении – аппаратное обеспечение [1, с. 120].

Ряд авиатерминов переводятся путём транскодирования, что, в свою очередь, связано с метаязыковым подходом к различным отраслям знания: *flutter, vocoder, gravity, fuselage*. Обычно термины транслитерируются и/или транскрибируются, когда в целевом языке отсутствует определённое понятие и он заимствует краткую иностранную форму.

Многие слова-термины являются заимствованиями-интернационализмами: *aeroplane* (от франц. *aéroplane*), *aerodynamics* (от греческого *aero ai*) + *dynamics*), *gravity* (заимствовано из лат. гравитация), *fuselage* (заимствовано из французского *fuselé* «*spindle-shaped*»), *pilot* (от французского *'pillote'*), *'turbulence'* (из старолатинского *'turbulentia'*), *crew* (от старофранцузского *'creue'*), *terminal* (от латинского *'terminalis'*) [18].

"Most planes feature an enclosed body (*fuselage*) to house the *crew*, passengers, and cargo; the cockpit is the area from which the pilot operates the controls and instruments to fly the plane" [16] – Большинство самолётов имеют закрытый корпус (*фюзеляж*) для размещения экипажа, пассажиров и груза; кабина – это зона, из которой пилот управляет элементами управления и приборами для управления самолётом. Обращаем внимание на использование данной формальной

трансформации (транскрипции и транслитерации) при передаче смысла слов иностранного происхождения.

Однако при использовании этой техники переводчик должен помнить о межъязыковых омонимах (псевдоинтернационализмах), схожих фонетически, графически, но отличных по содержанию, то есть значению: *benzene* в химии равное слову бензол, не бензин; *airplane* – самолёт (не аэроплан); машинное масло – *engine oil* (а не *machine oil*), *accurate* – точный (а не аккуратный), *data* – данные, информация (а не дата) [11, с. 60].

Калькирование, полное, либо частичное, применяется для перевода сложных терминов, словосочетаний и аббревиатур, например: *air path* (воздушная трасса), *aerodynamic performance* (аэродинамические характеристики), *flying field* (лётное поле), *force of the resistance* (сила сопротивления), *a screw propeller* (винтовой пропеллер), *supersonic aircraft* (сверхзвуковой самолёт).

Особую трудность при переводе могут составлять аббревиатуры, так как в специальном техническом тексте они понятны лишь профессионалам: *ATC* – *Air Traffic Control* (контроль воздушного движения), *CAD* – *Civil Aviation Department* (департамент гражданской авиации). Для правильной трактовки термина-аббревиатуры переводчику необходимо семантизировать его. Непосредственно аббревиатуры переводятся транскодированием, а полное их значение, как правило, калькированием.

Обратим внимание на начальное усечение (*apherisis* тип аббревиатуры), которым подвержены авиатермины, что проявляется в слове *aerofoil* (*aerodynamic profile*) и переводится калькированием как ‘аэродинамические поверхности’.

Описательный перевод используется для семантизации новых объектов, не существующих в целевом языке: *Sabre* (*secure airborne radar equipment* (защищённая от отслеживания бортовая радиолокационная аппаратура). Таким образом, описательная техника оправдана отсутствием соответствующего технического термина в исходном языке [4, с. 178].

Отметим необходимость использования семантической замены с целью свершения логических преобразований для достижения эквивалентного перевода: *skin friction* (сопротивление обшивки), *trailing edge* (задняя кромка), *the lift-to-drag ratio* (подъёмная сила) [16], например: “The ailerons are movable surfaces hinged to the trailing edge of each wing, which move in the opposite direction to control movement around the aircraft’s longitudinal axis” [16]. – Элероны представляют собой подвижные поверхности, шарнирно прикреплённые к задней кромке каждого крыла, которые перемещаются в противоположном направлении для управления движением вокруг продольной оси самолета; “Results show that the increase of the design Mach number does negative impact on the lift-to-drag ratio” (Результаты показывают, что увеличение расчётного числа Маха отрицательно сказывается на подъёмной силе) [19].

Перестановка частей слова, либо слов в сочетании также является частым явлением при переводе терминологических единиц, что обусловлено отличием синтаксиса аналитического английского и синтетического русского языков: *airframe* (корпус самолёта), *fixed-wing aircraft* (самолёт с неподвижным крылом), *wing system* (система крыла).

Выводы

Проанализировав изложенное, можем заключить, что научно-технический текст представляет синтез (диффузность) научного и технического функциональных стилей. Общими признаками научно-технического стиля являются информативность, последовательность и обобщённо-абстрактный характер изложения, скрытая эмоциональность. Приём использования стандартных лексических единиц, которые включают в себя обычно клише, штампы и прочие стереотипные выражения, считается типичным для стиля научно-технического текста.

Среди структурных типов авиатерминов преобладают словосочетания, образованные, как правило, на основе уже существующих терминов либо общеупотребительной лексики, что можно пояснить транзитивной способностью лексики, её межотраслевым характером.

Что касается лексической репрезентации терминов, отметим прецедентность авиатерминологии, выраженную в функционировании аббревиатур, в основе которых лежит прагматический аспект; метафор, основанных на ассоциативных связях в языковой и концептуальной картинах мира; фразеологизмов, основанных на семантическом сходстве; заимствований и неологизмов, пополняющих лексический состав языка, зачастую, в связи как с интра-, так и с экстралингвистическими факторами. Синонимия как языковое явление присутствует в авиационной терминологии, но отметим возможность как абсолютной, так и частичной синонимии.

Специальная научная и техническая терминология не терпит многозначности при переводе, так как один и тот же термин может иметь разные значения в разных отраслях, а значит, подбор эквивалента представляет трудность и требует фоновых знаний. Научно-техническому тексту присущи такие характеристики, как логика и чёткость изложения материала, то есть перевод должен быть точным, что предполагает не буквальность и дословность, а смысловую полноценность.

Что касается переводческих трансформаций, то применение транскодирования, калькирования и, при необходимости, описательного перевода и замены оправдано и применимо для передачи значений авиационной терминологии.

Транскодированию зачастую подвержены заимствования, аббревиатуры; калькирование применяется при переводе словосочетаний и при декодировании аббревиатур; описательный перевод – при отсутствии понятия в переводящем языке; семантическая замена используется для логического преобразования. Следует отметить наличие инверсий (перестановок) при переводе научно-технического текста, что связано с синтаксическим отличием английского и русского языков (аналитического и синтетического, соответственно).

Данное исследование не охватывает всего спектра обозначенных проблем и их решений, однако может служить теоретической и практической основой дальнейших разработок в сфере авиатерминологии.

© Фомина С.Б., 2022

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. М.: ЛКИ, 2014. 240 с.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1972. 320 с.
3. Буран А. Л. К вопросу об основных лингвистических характеристиках технического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (119). С. 97–99.
4. Велединская С. В. Курс общей теории перевода: учебное пособие / С.Б. Велединская. Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
6. Жидков, А. В. Научно-технический язык и научно-технический перевод / А. В. Жидков. [Электронный ресурс] // Science Time. 2014. №5(5). С.67–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21620753> (дата обращения: 15.10.2021).
7. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: Монография / М. Б.Казачкова. М: «Оргсервис – 2000», Одинцово, 2010. 112с.
8. Котюрова М. П. Стилистика научной речи / М. П. Котюрова. М.: Наука, 2012. 164 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. Изд. 4-е. М.: Либроком. 2009. 256 с.
10. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика / Н. М. Разинкина. М.: Флинта, 2004. 216 с.
11. Скороходько Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов). / Э. Ф. Скороходько. Изд. 2-е. Киев: Изд-во Киевского университета, 1963. 91 с.
12. Ушакова А. О. Текстовая категория техничности и её функционирование в оригинале и переводе: Автореф. канд. дисс. ... филол. наук / А. О. Ушакова. Ижевск, 2017. 23 с.
13. Фомина С. Б. Лексико-семантические характеристики сокращений современного англоязычного газетного дискурса и стратегии перевода // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. ФГБОУ ВО «ВГТУ». 2021. № 2(41). С. 131–136.
14. Шарафутдинова Н. С. Современное состояние и тенденции развития немецкой авиационной терминологии: автореф. дис. ... докт. филол. н. 10.02.04 – германские языки / Н. С. Шарафутдинова. Москва. 2019. 42 с.
15. Air Traffic Technology: Industry Analysis [Электронный ресурс]. URL:<https://att.mydigitalpublication.co.uk/publication/?m=63553&i=717571&p=30&ver=html5> (дата обращения: 07.11.2021)

16. Boyne W. J. Air Traffic Technology International Airplane [Электронный ресурс] // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/technology/airplane> (дата обращения: 30.10.2021)
17. Lakoff G. *Metaphors we live by* / George Lakoff, Mark Johnson. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 277 p.
18. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 07.11.2021)
19. Tiantian Zhang, Xiaoting Yan, Wei Huang, Xueke Che, Zhenguo Wang, Enwei Lu. Design and analysis of the air-breathing aircraft with the full-body wave-ride performance // *Aerospace Science and Technology*. Volume 119. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ast.2021.107133>

References

1. Barhudarov, L. S. *Iazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation: Questions of general and special theory of translation] // L.S. Barhudarov. M.: LCI, 2014. 240 p.
2. Borisov, V. V. *Abbreviatsiia i akronimiia. Voennye i nauchnye tekhnicheskie sokrashcheniia v inostrannykh iazykakh* [Abbreviation and acronymy. Military and scientific technical abbreviations in foreign languages] // V. V. Borisov. M.: Voen. izd-vo MO SSSR, 1972. 320 p.
3. Buran, A. L. K voprosu ob osnovnykh lingvisticheskikh kharakteristikakh tekhnicheskogo teksta [To the question of the main linguistic characteristics of a technical text] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 4 (119). pp. 97-99.
4. Veledinskaya, S. V. *Kurs obshchei teorii perevoda: uchebnoe posobie* [The course of the general theory of translation: textbook] // S. V. Veledinskaya. Tomskii politekhnicheskii universitet. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2010. 230 p.
5. Grinev-Grinevich, S. V. *Terminovedenie : ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. Zavedenii* [Terminology: textbook] / S. V. Grinev-Grinevich M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2008. 304 p.
6. Zhidkov, A. V. Nauchno-tekhnicheskii iazyk i nauchno-tekhnicheskii perevod [Scientific and technical language and scientific and technical translation] / A. V. Zhidkov. [Electronic resource] // *Science Time*. 2014. №5(5). Pp.67–71, elibrary.ru/item.asp?id=21620753 (accessed 15.10.2021).
7. Kazachkova, M.B. *Professional'nyi iazyk kak otrazhenie professional'noi kul'tury: Monografiia* [Professional language as a reflection of professional culture: a monograph] / M. B. Kazachkova. M: «Orgservis – 2000», Odincovo, 2010. 112s.
8. Kotiurova, M. P. *Stilistika nauchnoi rechi* [Stylistics of scientific speech] // M. P. Kotiurova. M.: Nauka, 2012. 164 p.
9. Leichik, V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure] / V. M. Leichik. Izd. 4-e. M.: Librokom. 2009. 256 p.
10. Razinkina, N. M. *Funktional'naia stilistika* [Functional stylistics] // N. M. Razinkina. M.: Flinta, 2009. 216 p.
11. Skorohod'ko, E. F. *Voprosy perevoda angliiskoi tekhnicheskoi literatury (perevod terminov)* [Questions of translation of English technical literature (translation of terms)] // E. F. Skorohod'ko. Izd. 2-e. Kiev: Izd-vo Kievskogo universiteta, 1963. 91 p.
12. Ushakova, A. O. *Tekstovaia kategoriia tekhnichnosti i ee funktsionirovanie v originale i perevode: Avtoref. kand. diss. ... filol. nauk* [Text category of technicality and its functioning in the original and translation] / A. O. Ushakova. Izhevsk, 2017. 23 p.
13. Fomina, S. B. *Leksiko-semanticheskie kharakteristiki sokrashchenii sovremenno angloiazыchnogo gazetnogo diskursa i strategii perevoda* [Lexico-semantic characteristics of abbreviations in modern English newspaper discourse and translation strategies] // *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. FGBOU VO «Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet». 2021. № 2(41). pp. 131–136.
14. Sharafutdinova, N. S. *Sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia nemetskoj aviatsonnoi terminologii: avtoref. dis. ... dokt. filol. n. 10.02.04 – germanskije iazyki* [Current state and development trends of German aviation terminology] / N. S. SHarafutdinova. Moscow, 2019. 42 p.
15. Air Traffic Technology: Industry Analysis [Electronic resource], att.mydigitalpublication.co.uk/publication/?m=63553&i=717571&p=30&ver=html5 (accessed: 07.11.2021)
16. Boyne, W. J. Air Traffic Technology International Airplane [Electronic resource]. *Britannica*, <https://www.britannica.com/technology/airplane> (accessed: 30.10.2021)
17. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / George Lakoff, Mark Johnson. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 277 p.
18. Online Etymology Dictionary [Electronic resource], www.etymonline.com/ (accessed: 07.11.2021)
19. Tiantian Zhang, Xiaoting Yan, Wei Huang, Xueke Che, Zhenguo Wang, Enwei Lu. Design and analysis of the air-breathing aircraft with the full-body wave-ride performance. *Aerospace Science and Technology*. Volume 119. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ast.2021.107133>

Сведения об авторе:

Фомина Светлана Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ЛГУ им. В. Даля (ЛНР, Луганск). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология английского языка, когнитивная лингвистика, переводоведение, лингвокультурология, методика преподавания иностранного языка. E-mail: sbfomina@gmail.com

About the author:

Svetlana B. Fomina – PhD, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and General Linguistics, Lugansk Vladimir Dahl State University (LPR, Lugansk). Spheres of research and professional interest: English lexicology, cognitive linguistics, translation studies, cultural linguistics, methods of teaching a foreign language. E-mail: sbfomina@gmail.com

* * *

STORYTELLING IN THE INCLUSIVE L2 CLASSROOM

Aleksandr Bovshik, Svetlana Gaivoronskaya

Moscow State University of Psychology and Education,
29, ul. Sretenka, Moscow, 127051, Russia.

Abstract. *This paper examines storytelling as a technology of teaching foreign languages with the help of fascinating stories in the inclusive environment. The relevance of developing inclusive education, i.e. integrating students with different individual characteristics (in particular, disabilities) into the learning process, is highlighted. In this regard, the concept of cognitive learning styles and Gardner's theory of multiple intelligences are characterized as not quite suitable for the role of a general foundation of language teaching methodology in an inclusive classroom. Krashen's Monitor Model, in its turn, is adopted as the theoretical basis of the modern approach to second language acquisition, emphasizing the importance of comprehensible input (received speech material) and emotional filter (psychological barrier) as key factors in the development of speech competence. In light of this, the advantages of a multisensory approach to language learning, and, in particular, the inclusive potential of using multisensory stories and creating students' own stories with the support of a teacher (storybuilding), are clarified. Storytelling, thus, is considered by the authors of the article as a universal method for developing both receptive and productive speech skills in a foreign language for all kinds of students, including children with disabilities. The paper contains methodological recommendations regarding the implementation of storytelling technology in an inclusive classroom, including the conditions for effective assimilation of educational material by students with special educational needs. The principles of scaffolding (teacher support), mutual cooperation, clarity of instructions, sequence of material presentation, individualized information delivery forms, emotional involvement and integration are also explained. Based on the research literature on psychology, inclusive pedagogy and language education (Vygotsky, Rubinstein, Asher, Krashen), as well as some case studies featuring diverse students with varying disabilities, the authors argue for the need to gradually shift from skill-building to implicit teaching (and learning).*

Keywords: *inclusive SLT, special needs, SLA, storytelling, multi-sensory stories, storybuilding, comprehensible input, affective filter*

For citation: Bovshik, A.S., Gaivoronskaya, S.O. (2022). Storytelling in the Inclusive L2 Classroom. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 80–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-80-93>

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТОРИТЕЛЛИНГА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. С. Бовшик, С. О. Гайворонская

Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, 29

Аннотация. Представленная статья посвящена вопросу применения сторителлинга – технологии обучения иностранному языку при помощи увлекательных историй – в рамках инклюзивной лингводидактики. Поясняется актуальность разработки вопросов инклюзивного образования, т.е. интеграции в процесс обучения учеников с разными индивидуальными особенностями, в частности ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В этой связи рассматриваются концепция когнитивных стилей обучения и теория множественного интеллекта Г. Гарднера, которые характеризуются как не вполне подходящие на роль общего фундамента методики обучения языку в инклюзивном классе. В качестве теоретического основания современного подхода к изучению иностранных языков принимается модель С. Крашена, подчёркивающая значение понятного инпута (входного материала) и эмоционального фильтра (психологического барьера) как ключевых факторов развития речевой компетенции. В свете этого последовательно раскрываются преимущества мультисенсорного (обращающегося к различным органам чувств) подхода к обучению языку, и в частности инклюзивный потенциал использования мультисенсорных рассказов и техники создания учениками собственных историй при поддержке учителя (сторибилдинга). Таким образом, сторителлинг рассматривается авторами статьи как универсальная технология формирования рецептивных и продуктивных навыков речевой деятельности на иностранном языке у всех людей, включая детей с ОВЗ. В работе содержатся методические рекомендации, касающиеся реализации технологии сторителлинга в инклюзивном классе, включая условия эффективного усвоения учебного материала учениками с особыми образовательными потребностями. Поясняется значение принципов скаффолдинга (поддержки учителя), взаимного сотрудничества, понятности инструкций, последовательности изложения материала, индивидуализации форм представления информации, эмоциональной вовлечённости и интеграции. На основе имеющихся теоретических трудов таких заслуженных деятелей в области психологии, специальной педагогики и лингводидактики, как Л.С. Выготский, С.Я. Рубинштейн, Дж. Эшер и С. Крашен, а также примеров из практики делается вывод о целесообразности градуального перехода от эксплицитного обучения к имплицитному в инклюзивном классе иностранного языка.

Ключевые слова: инклюзивная лингводидактика, ОВЗ, овладение иностранным языком, сторителлинг, мультисенсорные истории, сторибилдинг, понятный входной материал, эмоциональный фильтр

Для цитирования: Бовшик А.С., Гайворонская С.О. (2022). Инклюзивный потенциал сторителлинга при обучении иностранному языку. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 80–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-80-93>

Инклюзия, понимаемая как процесс повышения степени участия всех граждан в социуме независимо от их индивидуальных потребностей/особенностей, является глобальным трендом современности, определяющим развитие всех сфер жизни общества, включая образование [11].

В отечественном контексте инклюзивное образование – обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей – предполагает совместное обучение в массовой школе детей с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) со всеми остальными детьми [там же].

Требование равного доступа к качественному образованию всех детей без исключения не может быть реализовано в полной мере без удовлетворительного решения глобальных и частных проблем инклюзивной лингводидактики.

Наряду с построением теоретической модели преподавания иностранного языка (ИЯ) в инклюзивном классе следует тщательным образом изучить данный вопрос и в практическом измерении: отдельные педагогические технологии и приёмы нужно испытать и при необходимости доработать на основе конкретных кейсов.

На Западе кульминацией поиска теоретического основания для реализации принципа инклюзивности в образовании вообще и в обучении ИЯ в частности является концепция когнитивных стилей обучения, которая приобрела значительную популярность в 1970-е годы [18].

Суть концепции сводится к тому, что каждый человек индивидуален в том, каким способом он наиболее эффективно осваивает новую информацию. На практике в зависимости от подразумеваемых различий учеников, о которых педагог узнаёт посредством эксплицитного тестирования, класс подразделяется, например, на тех, кто лучше обучается 1) визуально; 2) через услышанную информацию; 3) посредством чтения; 4) через кинестетический опыт (разделение детей на категории *таким образом* соответствует модели стилей обучения Н. Флеминга) [38].

Проблематичность применения теории стилей обучения в рамках класса ИЯ очевидна вне зависимости от её доказательной базы: индивидуальные предпочтения учеников не тождественны их потребностям. Так, в настоящее время основной целью изучения иностранного языка считается устное общение [5]. В связи с этим едва ли можно назвать разумным решение оградить от аудирования тех детей, которые не являются аудиалами. Более того, трудности, связанные с тем или иным видом речевой деятельности, могли бы означать преимущество выбора строго противоположной педагогической стратегии: уделять больше внимания и времени неразвитым (или в недостаточной степени развитым) навыкам.

Необходимость учёта стилей обучения осложняется ещё и тем, что учителю приходится работать с большой аудиторией (до 30 человек). Логично предположить, что в такой ситуации возможна мультисенсорная репрезентация информации в классе – апелляция к разным каналам восприятия детей. Однако в данном случае совершенно не требуется принимать во внимание различные стили обучения.

В сфере инклюзивного образования самой известной моделью стилей обучения, пожалуй, является теория множественного интеллекта Г. Гарднера. Согласно этому исследователю, существует широкий спектр когнитивных способностей, которые не сводимы к понятию общего интеллекта [29] (многие когнитивные психологи и нейропсихологи с данным утверждением не согласны) [27], [42].

Идея когнитивных стилей обучения продолжает оказывать влияние на образование [19]. Однако, несмотря на наличие у людей индивидуальных предпочтений, касающихся способов восприятия информации, эффективность использования стилей обучения в образовательном процессе научно не подтверждается [там же]. Таким образом, есть основание полагать, что общий фундамент для обучения ИЯ в инклюзивном классе следует искать в другом месте.

Представляется обоснованной точка зрения, согласно которой методика преподавания ИЯ должна базироваться на универсальных (общих для всех людей) принципах овладения ИЯ [34], выход на которые станет отправной точкой для выработки методических рекомендаций для инклюзивного класса ИЯ.

Ясное и лаконичное изложение принципов современного подхода к изучению (и, следовательно, преподаванию) ИЯ находим у американского лингвиста С. Крашена.

Согласно теории усвоения ИЯ С. Крашена, понятный инпут (входной материал) в виде устной речи, письменных текстов или видеоматериалов является ключевым фактором развития коммуникативной компетенции [31], [32]. Кроме того, рецепция аутентичного или псевдоаутентичного (грамотно адаптированного) материала способствует повышению не только беглости (fluency), но и грамотности речи (accuracy) [28].

Всё, что представляет серьёзные (иногда непреодолимые) трудности для детей с ОВЗ – сознательные усилия, направленные на изучение языковой структуры, применение аналитических навыков, механическое запоминание правил и слов – не является обязательным компонентом овладения ИЯ.

Ученик овладевает необходимыми структурами ИЯ по аналогии с родным языком – имплицитно (подсознательно) [31], [40]. В связи с этим кажется рациональным следующее утверждение: с повышением разнообразия индивидуальных потребностей учеников в инклюзивном классе следует по мере возможности и необходимости отказываться от эксплицитных элементов обучения в пользу имплицитных. Кроме того, обратим внимание на то, что возможен континуальный подход к данной проблеме: умеренное внедрение эксплицитных элементов обучения в образовательный процесс допускается, однако требует соблюдения целого ряда важных методологических принципов, таких как простота, функциональность, наглядность, последовательность изложения материала, задействование различных каналов восприятия.

Так, например, при работе с детьми с разной степенью умственной отсталости или задержкой психического развития необходимы ясные инструкции и их пошаговое выполнение под чутким руководством учителя [14].

Другой важный фактор успешного овладения ИЯ по С. Крашену – низкий эмоциональный фильтр (психологический барьер). Согласно учёному, устранение отрицательных эмоций (страха, скуки, тревоги, злости) повышает эффективность языкового обучения [31].

Обучение ИЯ *таким образом* в большей степени опирается на психологию, нежели на лингвистику. Основная задача учителя в контексте концепции С. Крашена – стать источником увлекательных (понятных и интересных) историй (или обеспечить доступ к таким историям) в ситуации, где стресс отсутствует или, по крайней мере, минимизирован, а мотивация пробуждается и подкрепляется.

Вышеобозначенные принципы получают полноценное отражение в активно развиваемой и практикуемой за рубежом технологии сторителлинга (от англ. *storytelling* – рассказывание историй) – обучении ИЯ при помощи увлекательных историй [26].

Данная технология может быть реализована в двух ключевых аспектах: на уровне рецепции (восприятия историй) и на уровне продукции (рассказывания историй).

В контексте преподавания ИЯ роль сторителлинга как эффективного инструмента формирования языковых способностей признаётся ведущими учёными в области лингводидактики [21], [25], [41].

Повсеместное внедрение сторителлинга является свидетельством парадигмального сдвига в методике преподавания ИЯ в сторону более природосообразной модели, во многом основанной на теории усвоения родного языка Н. Хомского [35].

Данный подход к изучению (и преподаванию) ИЯ является холистическим по сути и предполагает отказ от хорошо известной «фрагментарной» бихевиористской модели изучения (и преподавания) ИЯ. Последняя базируется на следующем алгоритме работы с языковым материалом: эксплицитное изучение грамматических паттернов ИЯ, механическое запоминание слов вне контекста; продукция/дриллинг (составление собственных высказываний на основе предложенных моделей); эксплицитная коррекция учителем; доведение до автоматизма [4], [33].

Овладение языком – как родным, так и иностранным – принципиально отличается, например, от изучения точных наук, которые можно успешно изучать в контексте бихевиоризма. Эксплицитное изучение иностранного языка в чистом виде (при таком подходе может целенаправленно

ограничиваться объём новой лексики в пользу грамматических структур) приводит к тому, что коммуникативная компетенция (основная цель изучения языка для абсолютного большинства людей) оказывается недоразвитой.

Существуют разные подходы к пониманию сторителлинга. Все они, однако, соответствуют ключевым принципам овладения ИЯ по С. Крашену: 1) ведущее значение понятного инпута; 2) низкий эмоциональный фильтр (снятие тревожности и повышение мотивации).

В этой связи кажется закономерным рассмотрение сторителлинга в контексте методов изучения ИЯ, в которых из двух видов речевой деятельности – рецепции и продукции – первой достаётся главенствующая роль. Кроме того, обратим внимание на тот факт, что рецепция в сторителлинге всегда *предшествует* продукции. В этом аспекте моделируется последовательность овладения родным языком ребёнком.

Другой важной особенностью сторителлинга является приоритет устной речи над письменной, что также соответствует естественной иерархии языковых навыков родного языка (существуют языки, где письменность вообще отсутствует) [9]. Следует, однако, заметить, что обучение дополнительным навыкам (чтению и письму) важно, а в случае нарушения слуха (глухоты) – необходимо.

Сторителлинг обладает любопытным «трансцендентным» свойством: в переносном смысле выводит обучающегося за пределы класса ИЯ, позволяет забыть о существующих физических (внешних и внутренних) ограничениях, перенося участников сеанса в другие – реальные и фантазийные – миры, знакомя их с культурным богатством всего человечества, помогая преодолеть собственные психологические ограничения.

Таким образом, в полной мере реализуются целевые установки коммуникативно-деятельностного подхода (в соответствии с европейской системой уровней владения языком), нацеленного на развитие коммуникативной компетенции во всех её составляющих: лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенциях [20].

Основными требованиями к материалу для сторителлинга являются его достаточное количество (в соответствии с потребностями конкретного ученика), понятность, наличие увлекательного сюжета, жизнеутверждающий пафос, терапевтический эффект, познавательный (культурологический) потенциал, учёт возрастных и психологических особенностей, а также особых потребностей учеников [1]. Данный перечень критериев отбора инпута не претендует на всеохватность, но намечает основные ориентиры работы в инклюзивном классе и при необходимости может быть расширен.

Далее рассмотрим возможности применения технологии сторителлинга в инклюзивном классе с точки зрения задействования рецептивных навыков (через мультисенсорные рассказы) и продуктивных навыков (через сторителлинг).

Мультисенсорные рассказы

Принципы мультисенсорного (от лат. *multum* – много и *sensus* – восприятие, чувство, ощущение) подхода хорошо известны в лингводидактике и находят активное применение при составлении рабочих программ и планов занятий по иностранному языку [13], [17].

Реализация мультисенсорного подхода в классе ИЯ предполагает обращение – иногда одновременно – к нескольким каналам восприятия обучающегося, а также параллельное обучение разным видам речевой деятельности. Так, в пределах одного упражнения могут быть одновременно задействованы такие навыки, как аудирование, чтение и говорение. Инпут при этом может быть поликодовым, то есть состоять из элементов разных семиотических систем. Простыми примерами аудиовизуального инпута являются: чтение «про себя» текста, который читается учителем/диктором вслух; просмотр (образовательного) сериала; просмотр видеоматериала с субтитрами; аудирование с опорой на ментальные карты и т.п. Таким образом, при мультисенсорном подходе становится возможным и желательным подкрепление аудиотекста различными видами зрительной информации: изобразительной, графической, визуально-текстовой [2], [3].

Примечательно, что в дополнительном издании (*The Companion Volume*) известной страсбургской монографии «Европейская система уровней владения иностранным языком» наряду с четырьмя традиционными навыками английского языка (предложенными в качестве базовых в 1961 г.) вводятся и активно обсуждаются такие интегративные виды речевой деятельности, как рецепция (восприятие), продукция (речепорождение), интеракция (речевое взаимодействие) и медиация (языковое посредничество) [20].

Необходимость реконцептуализации языковых умений, а затем апробации четырёхчастной модели речевой деятельности в процессе обучения ИЯ продиктована подлинными потребностями обучающихся и соответствует реальным условиям коммуникации, которая понимается как смысловой обмен между двумя (и более) людьми при помощи вербальных и невербальных символов, устно и письменно, посредством как рецептивных, так и продуктивных навыков [там же].

Следует отметить, что мультисенсорная стратегия обучения воспроизводит процесс овладения родным языком, при котором одновременно задействуются разные каналы восприятия, дополняя и подкрепляя друг друга [17]. Согласно психолингвистическим исследованиям, объём памяти возрастает, если овладение языковым материалом происходит в «живом» контексте: запоминаются не отдельные элементы, а целостные единства элементов [43]. Так, в соответствии с теорией двойного кодирования А. Пайвио, при введении новых слов эффективность запоминания – как краткосрочного, так и долгосрочного – можно повысить при помощи использования соответствующих изображений [37].

Заметим, что возможность задействования ассоциативной памяти не ограничивается использованием картинок: услышанное, увиденное, подкреплённое изображением и жестом слово с большей вероятностью сохранится в долгосрочной памяти, нежели слово и соответствующее изображение, находящиеся в одном визуальном поле [там же].

Мультисенсорные рассказы – эффективная технология инклюзивного сторителлинга, которая была изначально разработана для обучения людей с тяжёлой формой умственной отсталости и множественной инвалидностью. Сегодня мультисенсорные рассказы активно применяются в том числе в инклюзивном классе ИЯ [26].

Обучающимся предлагаются специальные книги в виде ламинированных карточек формата А3, на которых закреплены разного рода материалы, которые ученик может увидеть, услышать, потрогать и понюхать. Апелляция к органам чувств происходит параллельно с тем, как учитель выразительно (с интонационным разнообразием) читает или рассказывает выбранную историю [там же].

Просодические характеристики речи учителя особенно важны в инклюзивном классе, где способности учеников воспринимать и понимать новую когнитивную информацию существенно различаются. Согласно исследованиям в области овладения родным языком, у детей с задержкой речевого развития замедляется процесс обработки слуховых сигналов [там же]. Выразительные интонационные паттерны, наряду с многократным повторением истории, позволяют ребёнку лучше сосредоточить внимание на звуковой стороне вербального сообщения.

При составлении дидактических материалов по возможности выбираются оптимальные параметры и удобное расположение сенсорных объектов на странице для того, чтобы все ученики (независимо от формы инвалидности) извлекли из них максимальную пользу.

Для удобства восприятия на каждой странице ученик получает доступ только к одному сенсорному опыту, который соответствует очень небольшому фрагменту текста (как правило, одному предложению).

Обратим внимание на то, что красочные визуальные страницы приспособлены для слепых учеников, а также учеников с одновременным нарушением слуха и зрения. Дело в том, что иллюстрации, которые прикреплены к страницам, объёмны: это даёт возможность тактильного восприятия.

Педагоги, использующие в своей практике мультисенсорные рассказы, отмечают, что новизна ощущений, которая достигается благодаря использованию необычных материалов, запахов и звуков, повышает уровень заинтересованности и вовлечённости учеников в процесс обучения [44].

Учитель, выступающий в роли рассказчика, при необходимости может направлять внимание учеников на нужные сенсорные объекты, ассистировать их действия с книгой, тем более что несколько предметов могут быть предложены для игры отдельно от карточек (например, забавный парик или пляжный мяч).

Урок с использованием мультисенсорных рассказов, очевидно, заимствует ключевые принципы метода полного реагирования Дж. Эшера [15], [16]. За инпутом, являющимся основой овладения ИЯ, следует физическое действие учеников как адекватный ответ на то или иное высказывание. После «многоканального» восприятия интересной (понятной и вызывающей эмоциональный отклик) истории обучающимся предлагается «пересказать» сюжет рассказа посредством определённых действий (движений, жестов и мимики).

В контексте мультисенсорного сторителлинга используется зона ближайшего развития – педагогическая стратегия, предложенная Л.С. Выготским [6], [7]. Ребёнку с ОВЗ наряду с учителем оказывают посильную помощь в развитии способные сверстники.

Урок проходит в крайне доброжелательной и спокойной обстановке; усилия учителя направлены на устранение или, по крайней мере, минимизацию стресса у обучающихся (принцип эмоционального фильтра). Проверка полученных знаний всегда проводится имплицитно – в игровой форме. Успешные действия учеников получают положительное подкрепление. Так, конец работы над рассказом маркируется похвалой (положительным комментарием) от учителя в адрес учеников (“Give yourself a clap, you’re brilliant!”).

Англоязычные сборники мультисенсорных рассказов (*The Captain’s Hat, Queen of the Stables, Learning to Fly, Museum Mystery, Lost in London*) издаются за счёт благотворительных организаций (Bag Books, RAMIS) и доступны в продаже на официальных сайтах этих организаций [23].

Апологет мультисенсорного сторителлинга К. Фуллер говорит о возможности и способах разработки учителем подобных учебных материалов, а также описывает подробный порядок действий учителя, работающего с мультисенсорными рассказами [24].

Инклюзивный потенциал мультисенсорных рассказов не вызывает сомнения. По мнению ряда экспертов, данные рассказы являются инклюзивным образовательным ресурсом, позволяющим учесть потребности учеников с различными трудностями: 1) расстройства развития школьных навыков; 2) расстройства аутистического спектра; 3) синдром дефицита внимания и гиперактивности; 4) нарушение зрения (и слепота); 5) нарушение слуха (и глухота) [44].

Степень вовлечённости и уровень понимания историй варьируется в зависимости от особенностей того или иного ученика, однако сам факт понимания историй является достаточным условием прироста языковой компетенции (гипотеза понятного инпута С. Крашена) [31].

Кроме того, согласно психолингвистическим исследованиям о роли моторной коры головного мозга, произвольные физические действия обучающихся, сопровождающие аудирование, создают сенсомоторный контекст, который в свою очередь повышает качество овладения иностранным языком: языковой материал таким образом запоминается в большем объёме и на более долгий срок [39].

К. Фуллер отмечает, что для обучающихся, у которых наблюдаются проблемы, связанные с регуляцией и контролем деятельности, прогресс заключается, в том числе, в постепенном расслаблении мышц и готовности ребёнка совершить движение с целью исследования знакомой страницы книги при помощи учителя или специалиста по сопровождению [26]. Кроме того, моторная кора головного мозга, обеспечивающая сенсомоторный контекст обучения, активизируется и во время наблюдения за действиями других учеников или учителя [39].

Сторибилдинг

Как было упомянуто ранее, сторителлинг может быть реализован не только на уровне рецепции, но и продукции речи. Данный факт имеет важное значение для полноценного обучения ИЯ в инклюзивном классе. Апелляция к дополнительному сенсорному опыту возможна и при работе с продуктивными навыками ребёнка.

Сторибилдинг (от англ. *storybuilding* – выстраивание истории / сюжетной линии рассказа) – способ применения технологии сторителлинга, направленный на производство речи. Метод интерактивен: направлен на активное взаимодействие всех учеников друг с другом и с учителем [30].

При реализации сторибилдинга дети, получая инпут, безотлагательно реагируют на устное сообщение, подкреплённое средствами дополнительных семиотических кодов. Заметим, что вне зависимости от диагноза ребёнка с ОВЗ **мультисенсорность (апелляция к различным органам чувств)** является основополагающим принципом инклюзивного обучения, поскольку дополнительный сенсорный опыт облегчает восприятие, понимание и закрепление вербальной информации [10], [12], [26].

Каждая история, рассказываемая учителем или создаваемая учениками, имеет чёткую структуру и соответствует установленной модели повествования, которая отражается в формуле “5 W’s + H” (Where? Who? What? Why? When? + How?): *Где происходят события? Кто действующие лица повествования? Что происходит по ходу развития сюжета? Почему происходят описанные события? Когда они происходят? Как формируются следствия, и как их можно изменить?* [17, с. 19]. Истории, соответствующие данной модели, рассказываемые ученикам на регулярной основе, позволяют им имплицитно освоить логику сюжетной линии и впоследствии развить способность к созданию собственной истории [там же].

Учитель имплицитно задаёт фабулу повествования, контролируя развитие формируемой детьми истории и реакцию учеников. Ощущая свободу действий, ученики реализуют свой творческий потенциал. При этом **поддержка учителя**, в соответствии с **принципом скаффолдинга** (от англ. *scaffolding* – строительные леса, подмости), служит эмоциональной опорой и фактором снижения тревожности, которая связана с новизной задач, стоящих перед обучающимися.

Важно отметить, что особое внимание в изучении вопроса обучения детей с ОВЗ в общеобразовательной школе уделяется детям с диагностированной степенью умственной отсталости и/или задержки психического развития. Так, С.Я. Рубинштейн определяет детей с ОВЗ как «учеников вспомогательной школы» [12, с. 10]. Тем не менее, понятие инклюзии в рамках класса охватывает широкий спектр диагнозов и отклонений в развитии. Например, слабослышащие и слабовидящие дети не имеют умственных патологий, однако часто могут отставать в развитии от своих сверстников. Обучающиеся, имеющие поражения одного (или нескольких) органов чувств, могут нуждаться в психолого-педагогическом сопровождении, а также в правильно подобранной системе коррекционного обучения [там же]. Во всех случаях умение ребёнка использовать помощь взрослого является непосредственным показателем его обучаемости.

Заслуживает внимания тот факт, что сторибилдинг основан на **взаимном сотрудничестве всех участников процесса обучения**. Как было указано ранее, педагог представляется не только медиатором, но направляющим – он всегда готов дать конкретное указание ребёнку в зависимости от его потребности в определённый момент времени. Также в инклюзивном классе практикуется взаимопомощь среди обучающихся: дети, обладающие более высокой степенью сформированности знаний или навыков, способны оказать помощь нуждающемуся в помощи однокласснику [26].

Создание истории учениками – это коллективная работа. Каждый ребёнок имеет возможность внести свой вклад в развитие сюжета доступными ему способами, которые соответствуют его возможностям: рисование, пение, театральная игра, рассказ, танец.

Технология сторибилдинга требует предельной **понятности и последовательности инструкции учителя**. Согласно теории Л.В. Выготского о зоне ближайшего развития, уровень поставленной задачи должен соответствовать уровню психического развития. Учёный отмечает, что обучение новым действиям и формирование новых навыков происходит 1) пошагово и 2) через поддержку коллектива и педагога [6], [7]. Высшие психические функции формируются в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой. Важнейшим условием развития – вне зависимости от патологии – является общение и коллективная деятельность, подкреплённые речью [10].

Принцип последовательности изложения материала имеет особое значение. Речь идёт не только о форме презентации информации педагогом, но и о последующей реакции детей на инструкцию. Сложные предложения, содержащие в себе несколько инструкций (действий, которые

необходимо произвести ребёнку или вопросов, на которые нужно дать ответ) могут не быть восприняты (или могут быть неправильно восприняты) учениками.

Например, эксперименты, проводимые по диагностической методике Р. Пинтера и Д. Патерсона, позволяют определить, что умственно отсталые дети часто не способны самостоятельно предложить эффективный способ решения поставленной задачи. В том случае, если педагог подскажет ученику адекватный способ разрешения проблемы, воспользоваться им ребёнок сможет лишь сиюминутно – в данной конкретной ситуации [12]. Кроме того, недостаточный объём внимания у ребенка с умственной отсталостью может воспрепятствовать одновременному осознанию нескольких возможных вариантов и выбору одного из них [8].

Сторибилдинг реализует **принцип индивидуализации форм репрезентации информации** посредством предоставления обучающимся возможности использовать любые виды, формы и средства продукции речи. Создавая собственную или воспроизводя услышанную от учителя историю, дети могут разыграть спектакль, создать общий плакат с изображениями сюжета, организовать кукольный спектакль или танцевальную постановку. Ещё раз отметим, что работа в сотрудничестве – основополагающий принцип в успешности осознания и усвоения материала детьми с ОВЗ.

Другим важным принципом сторителлинга вообще и сторибилдинга в частности является **эмоциональная включённость учеников**. В том случае, если эмоциональная сфера личности ребёнка с различной степенью отклонения от нормы развития сохранна, апелляция к эмоциям является действенным средством стимуляции мозговой активности [12].

Однако необходимо учитывать, что именно положительный эмоциональный опыт способствует развитию обучаемости, в то время как негативные эмоции снижают мотивацию и познавательную способность (гипотеза эмоционального фильтра) [31].

Так, сюжетная линия, которую в дальнейшем развивают ученики, может быть полностью или частично заимствована из какой-либо яркой (традиционной или современной) истории народов мира: сказки, былины, песни и т.п. При этом, в контексте сторибилдинга исходную версию истории дети дополняют своими вариантами развития событий, основываясь на собственном жизненном опыте [30].

Принцип интеграции в сторибилдинге основан на соответствии учебных ситуаций реальным условиям жизни. Так, выбирая историю, педагогу стоит опираться на явления, с которыми дети могут быть непосредственно знакомы (природные явления, реальные профессии, животные, предметы). При сопровождении устной истории визуальными материалами важно выбирать жизнеподобные репрезентации: например, отдавать предпочтение фильмам, нежели мультфильмам; использовать фотографии вместо картинок [12], [26].

В рамках сторибилдинга используются приёмы быстрого реагирования для повышения способности к восприятию информации. Так, техника «история-массаж» (*a massage story*) предполагает, что дети могут разыгрывать озвучиваемую историю через собственные тактильные действия: ученики задействуют плечевой пояс для обозначения громкости описываемого рассказчиком звука или явлений природы, используют жестикуляцию [30].

Примером такой истории может послужить ситуация, когда ребёнок обозначает звуки дождя или грома, их громкость, осуществляя похлопывания по руке, непосредственно в момент произнесения преподавателем фразы, содержащей эту информацию:

“It is raining very gently (использование кончиков пальцев), then more rain and more rain... Then you can hear thunder (использование ладоней для создания более громкого звука), and then there is more rain, more thunder; then there is lightening (использование ребра обеих ладоней для имитации вида молнии); slowly the thunder gets less (более слабые глухие хлопки), a little more rain and then it stops... The sun comes out (прочерчивание руками в воздухе формы круга), and then there is a rainbow (имитация формы радуги посредством изображения в воздухе полукруга/арки)” [там же, с. 21].

Во время сеанса сторибилдинга ученики могут имитировать звуки ветра, шуршания листьев, дождя, стука в дверь, невербально выражать эмоции (вздохи, возгласы, замирание дыхания и т.п.).

Эксперты в области инклюзивной лингводидактики отмечают, что сторибилдинг обладает терапевтическим потенциалом. Указанные ранее способы активного обучения через истории сопоставимы с видами арт-терапии, описанными А. Хиллом: библиотерапия, танцевальная терапия, куклотерапия, драматерапия, игровая терапия [22].

Терапевтический сторибилдинг является распространённой практикой среди коррекционных педагогов-психологов. Отмечается, что характерной чертой рассказов, используемых в рамках сторибилдинга, является метафоричность образов. Трудности, которые испытывают дети в обучении (и не только), переносятся в образы вымышленных персонажей, и ученики совместно находят решения этих проблем. Таким образом, ребёнок ощущает поддержку извне, обретает уверенность в себе и своих способностях, возрастает мотивация [там же].

Однако использование терапевтических рассказов в массовой школе учителем без соответствующей квалификации в области психологии может вызывать следующие проблемы: 1) ребёнок не способен осознать метафору; 2) метафорический образ или ситуация вызывает у ребёнка тревогу [10], [12], [22]. Исходя из этого, мы полагаем, что применение терапевтических рассказов должно быть согласовано со специалистом в области инклюзивного образования.

Такие исследователи в области арт-терапии и образования, как Н. Меллон и С. Дженнингс, создают материалы для практической реализации технологии сторителлинга в инклюзивном классе, которые доступны на интернет-ресурсах (<https://www.suejennings.com>, <http://www.healingstory.com>) или в формате печатных изданий [26], [30].

Процесс создания историй детьми с ОВЗ в едином образовательном контексте, безусловно, способствует положительной динамике их развития (повышения у них мотивации, эмпатии, креативности и уровня социализации) и совершенствования коммуникативной компетенции.

Обучение ИЯ при помощи технологии сторителлинга обладает мощным инклюзивным потенциалом. Это объясняется природосообразностью технологии: содержание обучения, способы актуализации знаний и формирования у детей с ОВЗ новых навыков соответствуют принципам естественного овладения языком и отвечают потребностям учащихся.

Особенности контингента инклюзивного класса определяют требования, предъявляемые к структуре и содержанию урока ИЯ.

Сторителлинг является универсальной технологией, способы реализации которой направлены на развитие всех видов речевой деятельности с учётом особенностей психического и умственного развития каждого ученика в классе.

Основополагающими принципами реализации технологии сторителлинга являются принцип мультисенсорности, принцип понятности и последовательности, принцип скаффолдинга (взаимной поддержки и сотрудничества), принцип индивидуализации форм самовыражения, принцип эмоциональной включённости и принцип интеграции.

Эффективность применения технологии сторителлинга зависит от выполнения следующих условий:

- 1) организация процесса обучения на основе использования понятного инпута;
- 2) снижение эмоционального фильтра;
- 3) учитель подкрепляет вербальный текст элементами иных семиотических кодов;
- 4) в соответствии с потребностями класса в образовательный процесс включаются элементы эксплицитного обучения, например, в форме наполнения инпута лексическими и грамматическими единицами, подлежащими изучению (input flooding, input reinforcement) [36];
- 5) учитель даёт простые краткие пошаговые инструкции, которые соответствуют привычному для учеников алгоритму.

Среди очевидных преимуществ применения технологии сторителлинга можно назвать следующие:

- 1) истории оказывают положительный эффект на учеников, обладают терапевтическим эффектом: снижают тревожность, мотивируют, побуждают к творческой деятельности [22];
- 2) истории обладают гуманистическим пафосом, развивая эмпатию учеников к другим людям;

3) в историях, которые могут быть основаны на традиционных сюжетах различных стран и народов, содержится ценная культурологическая информация, знания о реальных явлениях действительности.

Таким образом, мы видим, что всплеск интереса среди экспертов и педагогов в области обучения ИЯ к лингводидактическим возможностям устного рассказа (в особенности в контексте инклюзивного образования), совершенно закономерен. Многочисленные исследования подтверждают, что технология сторителлинга способствует развитию коммуникативной компетенции, грамотности, эмпатии, творческого начала и даже повышает эмоциональное благополучие [26].

Увлекательные рассказы, а также поддержка окружения в лице учителя и других учеников способствуют снижению эмоционального фильтра, повышению внутренней мотивации, а потому – развитию у ребёнка способности к обучению, естественному формированию способности к общению сразу в нескольких видах речевой деятельности.

© Бовшик А.С., Гайворонская С.О., 2022

Список литературы

1. Бовшик А.С. Достоевский в Твиттере: Лингводидактический взгляд на феномен твиттературы // Язык и текст, 2020, т. 7, № 1. С. 90–100.
2. Бовшик А.С. Особенности изобразительного материала и его интеграции в текст произведения (на примере романа Д. Коупленда “Generation X”) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2011, № 1. С. 80–83.
3. Бовшик А.С. Особенности поликодового постмодернистского дискурса (на материале романов Д. Коупленда “Generation X” и “Generation A”): диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. 2012. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 195 с.
4. Бовшик А.С. Проблема исправления ошибок в устной речи обучающихся в условиях реализации принципов теории свободного воспитания // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. XIV Международная научная конференция. 14–16 декабря 2017 г. В двух частях. Доклады и материалы. Часть I. Москва: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2017. С. 519–522.
5. Бовшик А.С. Факторы успешного освоения практической фонетики английского языка // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г. Доклады и материалы. Круглый стол «Оптимизация преподавания филологических дисциплин в вузе». Москва: Моск. гуманитарного ун-та, 2016. С. 3–7.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в шести томах. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
7. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Астрель, 2008. 670 с.
8. Иванова А.Я. Теоретико-методологические аспекты патопсихологии детского возраста. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2020. 181 с.
9. Казаков Г.А. Методики скорого освоения языков: идеи, опыт и программа курса // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016, № 1. С. 169–176.
10. Пермякова М.Е. Психологические аспекты трудностей учения в школе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
11. Пономарева Г.Т. Инклюзивное образование в России // Педагогика высшей школы, 2017, № 2 (8). С. 59–62.
12. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1986. 192 с.
13. Хорошун А.Ю. Реализация мультисенсорного подхода в современном педагогическом процессе обучения иностранным языкам // Интеграция и развитие научно-технического и образовательного сотрудничества – взгляд в будущее. Сборник статей II Междунар. научно-техн. конф. «Минские научные чтения – 2019» (г. Минск, 11–12 декабря 2019 г.). Т. 1. Минск: БГТУ, 2020. С. 136–139.
14. Amayo J. et al. Twelve tips for inclusive teaching // MedEdPublish, 2021, vol. 10, no. 81. P. 1–15. DOI: 10.15694/med.2021.000081.1
15. Asher J. Learning Another Language Through Actions. Los Gatos: Sky Oaks Productions, 1996. 331 p.
16. Asher J., Silvers M. How to TPR abstractions: the critical role of imagination // The Journal of the Imagination in Language Learning and Teaching. New Jersey City University, ERIC, 2003. P. 56–61.
17. Baines L. A Teacher’s Guide to Multisensory Learning: Improving Literacy by Engaging the Senses. Alexandria: Association for Supervision and Curriculum development, 2008. 144 p.
18. Coffield F. Learning styles: unreliable, invalid and impractical and yet still widely used // Bad Education: Debunking Myths in Education. New York: Open University Press, 2012. P. 215–230.
19. Coffield F. et al. Learning Styles and Pedagogy in Post-16 Learning: a Systematic and Critical Review. London: Learning and Skills Research Centre, 2004. 173 p.
20. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge University Press. 260 p. URL: <https://rm.coe.int/1680459f97> (дата обращения: 25.11.2021).

21. Decker B. Body Language: The Effectiveness of Total Physical Response Storytelling in Secondary Foreign Language Instruction. Macalester College, 2008. 12 p.
22. Dowling J. Therapeutic storytelling with children in need // Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs. London, New York: Routledge, 2017. P. 11–17.
23. Fuller C. Multi-sensory stories in story-packs // Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs. London, New York: Routledge, 2017. P. 72–77.
24. Fuller C. Tactile stories: a do-it-yourself manual // Resources for Learning Difficulties. London: Bag Books, 1990. 157 p.
25. Garczynski M. Teaching Proficiency through Reading and Storytelling: Are TPRS Students More Fluent in Second Language Acquisition than Audio Lingual Students? Chapman University, 2003. 105 p.
26. Grove N. Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs: Transforming Lives through Telling Tales. London, New York: Routledge, 2017. 136 p.
27. Haier R. The Neuroscience of Intelligence. New York: Cambridge University Press, 2017. 346 p.
28. Housen A., Kuiken F. Complexity, accuracy, and fluency in second language acquisition // Applied Linguistics, 2009, vol. 3, no. 4. P. 461–473. DOI: 10.1093/applin/amp048
29. James W., Gardner D. Learning styles: implications for distance learning // New Directions for Adult and Continuing Education, 1995, 67. P. 19–31.
30. Jennings S. Healing stories with children at risk: the story building approach // Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs. London, New York: Routledge, 2017. P. 18–24.
31. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.
32. Krashen S. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Oxford: Pergamon Press, 1981. 150 p.
33. Krashen S. The input hypothesis and its rivals // Implicit and Explicit Learning of Languages (N. Ellis ed.). London: Academic Press, 1994. P. 45–77.
34. Krashen S., Terrel T. The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom. Toronto: Prentice Hall Europe, 1998. 191 p.
35. Krashen S. The Power of Reading: Insights from the Research. Devon: Libraries Unlimited, 2004. 214 p.
36. Larsen-Freeman D., Anderson M. Techniques and Principles in Language Teaching. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 318 p.
37. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1971. 596 p.
38. Pritchard A. Learning styles // Ways of Learning: Learning Theories and Learning Styles in the Classroom. New York: Routledge, 2014. P. 46–65.
39. Pulvermüller F., Fadiga L. Active perception: sensorimotor circuits as a cortical basis for language // Nature Reviews Neuroscience, 2010, 11. P. 351–360. DOI: 10.1038/nrn2811
40. Rebuschat P. (ed.) Implicit and Explicit Learning of Languages. Lancaster: John Benjamins Publishing Company, 2015. 489 p. DOI: 10.1075/sibil.48
41. Reese E. et al. Children's oral narrative and reading skills in the first 3 years of reading instruction // Reading and Writing, 2010, vol. 23, no. 6. P. 627–644. DOI: 10.1007/s11145-009-9175-9
42. Riener C., Willingham D. The myth of learning styles // Change: The Magazine of Higher Learning, 2010, vol. 42, no. 5. P. 32–35. DOI: 10.1080/00091383.2010.503139
43. Webb S. Learning word pairs and glossed sentences: the effects of a single context on vocabulary knowledge // Language Teaching Research, 2007, vol. 11, no. 1. P. 63–81. DOI: 10.1177/1362168806072463
44. Young H. et al. Multi-sensory storytelling as an aid to assisting people with profound intellectual disabilities to cope with sensitive issues: a multiple research methods analysis of engagement and outcomes // European Journal of Special Needs Education, 2011, 26. P. 127–142.

References

1. Bovshik, A. Dostoevskiy v Twittere: lingvodidakticheskiy vzglad na fenomen twitteratury [Dostoevsky on Twitter: Twitterfication as a learning tool in SLA]. *Iazyk i Tekst = Language and Text*, 2020, vol. 7, no. 1. P. 90–100.
2. Bovshik, A. Osobennosti izobrazitel'nogo materiala i ego integratsii v tekste proizvedeniia (na primere romana D. Kouplenda "Generation X") [Features of graphic material and its integration into the literary text (a case study of the novel by D. Coupland *Generation X*)]. *Izvestiia Vysshikh Uchebnykh Zavedenii, Ural'skii Region = Journals of Higher Educational Institutions, Ural Region*, 2011, 1. P. 80–83.
3. Bovshik, A. *Osobennosti Polikodovogo Postmodernistskogo Diskursa (na Materiale Romanov D. Kouplenda "Generation X" i "Generation A")* [Features of Multi-Code Postmodernist Discourse (a Case Study of the Novels by D. Coupland *Generation X* and *Generation A*)]. Chelyabinsk State University, 2012. 195 p.
4. Bovshik, A. Problema ispravleniia oshibok v ustnoi rechi obuchaiushchikhsia v usloviakh realizatsii printsipov teorii svobodnogo vospitaniia [Correcting student's mistakes in oral speech while implementing free education principles]. *Vyshee Obrazovanie dlia XXI Veka: Problemy Vospitaniia. XIV Mezhdunarodnaia Nauchnaia Konferentsiia. 14–16 Dekabria 2017 g. V Dvukh Chastiakh. Doklady i Materialy. Chast' I.* [Higher Education for the 21st Century. 14th International Conference. December 14–16, 2017. In Two Parts. Papers and Proceedings. Part 1]. Moscow: Moscow University for the Humanities Press, 2017. P. 519–522.
5. Bovshik, A. Faktory uspehnogo osvoeniia prakticheskoi fonetiki angliiskogo iazyka [Factors of success in practical acquisition of English phonetics]. *Vyshee Obrazovanie dlia XXI Veka: XIII Mezhdunarodnaia Nauchnaia Konferentsiia. Moskva, 8–10 Dekabria 2016 g. Doklady i Materialy. Krugly Stol "Optimizatsiia prepodavaniia filologicheskikh distsiplin v vuze"* [Higher

- Education for the 21st Century: 13th International Conference. Moscow, December 8–10, 2016. Papers and Proceedings. The Round Table Discussion “Optimizing the Teaching of Philological Disciplines at University”. Moscow: Moscow University for the Humanities Press, 2016. P. 3–7.
6. Vygotksy, L. Myshlenie i Rech [Thinking and Speech]. In: Vygotksy, L. *Sobr. Soch. v Shesti Tomakh. T. 2. Problemy Obshey Psikhologii* [Collected Works in Six Volumes. Vol. 2. Issues in General Psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 5–361.
 7. Vygotksy, L. *Pedagogicheskaya Psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow: Astrel, 2008. 670 p.
 8. Ivanova, A. *Teoretiko-metodologicheskie Aspekty Patopsikhologii Detskogo Vozrasta* [Theoretical and Methodological Aspects of Child Pathopsychology]. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 2020. 181 p.
 9. Kazakov, G. Metodiki skorogo osvoeniia iazykov: idei, opyt i programma kursa [Methods of accelerated language learning: ideas, experience and a syllabus]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, 1. P. 169–176.
 10. Permiakova, M. *Psikhologicheskie Aspekty Trudnestei Ucheniia v Shkole* [Psychological Aspects of Difficulties in School Education]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2015. 124 p.
 11. Ponomariova, G. Inkluzivnoe obrazovanie v Rossii [Inclusive education in Russia]. *Pedagogika Vysshei Shkoly = Higher Education Pedagogy*, 2017, 2 (8). P. 59–62.
 12. Rubinshtein, S. *Psikhologiya Umstvenno Otstalogo Shkol'nika* [Psychology of a Mentally Retarded School Student]. Moscow: Prosveshchenie, 1986. 192 p.
 13. Khoroshun, A. Realizatsiia mul'tisensornogo podkhoda v sovremennom pedagogicheskom protsesse obucheniia inostrannym iazykam [Implementing a multi-sensory approach in modern foreign language learning]. *Integratsiia i Razvitie Nauchno-tehnicheskogo i Obrazovatel'nogo Sotrudnichestva – Vzgliad v Budushchee. Sbornik Statey II Mezhdunarodnoi Nauchno-tehnicheskoi Konferentsii “Minskie Nauchnye Chteniia – 2019” (g. Minsk, 11–12 Dekabria 2019 g.)* [Integrating and Developing Scientific, Technical and Educational Cooperation – Looking Ahead. Proceedings of the 2nd International Scientific and Technical Conference “Minsk Research Readings – 2019” (Minsk, December 11–12, 2019)]. Vol. 1. Minsk: BGTU, 2020. P. 136–139.
 14. Amayo, J., et al. Twelve tips for inclusive teaching. *MedEdPublish*, 2021, vol. 10, no. 81. P. 1–15. DOI: 10.15694/mep.2021.000081.1
 15. Asher, J. *Learning Another Language Through Actions*. Los Gatos: Sky Oaks Productions, 1996. 331 p.
 16. Asher, J., & Silvers, M. How to TPR abstractions: the critical role of imagination. *The Journal of the Imagination in Language Learning and Teaching*. New Jersey City University, ERIC, 2003. P. 56–61.
 17. Baines, L. *A Teacher's Guide to Multisensory Learning: Improving Literacy by Engaging the Senses*. Alexandria: Association for Supervision and Curriculum development, 2008. 144 p.
 18. Coffield, F. Learning styles: unreliable, invalid and impractical and yet still widely used. *Bad Education: Debunking Myths in Education*. New York: Open University Press, 2012. P. 215–230.
 19. Coffield, F., et al. *Learning Styles and Pedagogy in Post-16 Learning: a Systematic and Critical Review*. London: Learning and Skills Research Centre, 2004. 173 p.
 20. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Cambridge University Press. 260 p. rm.coe.int/1680459f97 (accessed 25 November 2021).
 21. Decker, B. *Body Language: The Effectiveness of Total Physical Response Storytelling in Secondary Foreign Language Instruction*. Macalester College, 2008. 12 p.
 22. Dowling, J. Therapeutic storytelling with children in need. *Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs*. London, New York: Routledge, 2017. P. 11–17.
 23. Fuller, C. Multi-sensory stories in story-packs. *Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs*. London, New York: Routledge, 2017. P. 72–77.
 24. Fuller, C. Tactile stories: a do-it-yourself manual. *Resources for Learning Difficulties*. London: Bag Books, 1990. 157 p.
 25. Garczynski, M. *Teaching Proficiency through Reading and Storytelling: Are TPRS Students More Fluent in Second Language Acquisition than Audio Lingual Students?* Chapman University, 2003. 105 p.
 26. Grove, N. *Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs: Transforming Lives through Telling Tales*. London, New York: Routledge, 2017. 136 p.
 27. Haier, R. *The Neuroscience of Intelligence*. New York: Cambridge University Press, 2017. 346 p.
 28. Housen, A., & Kuiken, F. Complexity, accuracy, and fluency in second language acquisition. *Applied Linguistics*, 2009, vol. 3, no. 4. P. 461–473. DOI: 10.1093/applin/amp048
 29. James, W., & Gardner, D. Learning styles: implications for distance learning. *New Directions for Adult and Continuing Education*, 1995, 67. P. 19–31.
 30. Jennings, S. Healing stories with children at risk: the story building approach. *Using Storytelling to Support Children and Adults with Special Needs*. London, New York: Routledge, 2017. P. 18–24.
 31. Krashen, S. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.
 32. Krashen, S. *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Oxford: Pergamon Press, 1981. 150 p.
 33. Krashen, S. The input hypothesis and its rivals. *Implicit and Explicit Learning of Languages* (N. Ellis ed.). London: Academic Press, 1994. P. 45–77.
 34. Krashen, S., & Terrel, T. *The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom*. Toronto: Prentice Hall Europe, 1998. 191 p.
 35. Krashen, S. *The Power of Reading: Insights from the Research*. Devon: Libraries Unlimited, 2004. 214 p.
 36. Larsen-Freeman, D., & Anderson, M. *Techniques and Principles in Language Teaching*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 318 p.
 37. Paivio, A. *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1971. 596 p.
 38. Pritchard, A. Learning styles. *Ways of Learning: Learning Theories and Learning Styles in the Classroom*. New York: Routledge, 2014. P. 46–65.

39. Pulvermüller, F., & Fadiga, L. Active perception: sensorimotor circuits as a cortical basis for language. *Nature Reviews Neuroscience*, 2010, 11. P. 351–360. DOI: 10.1038/nrn2811
40. Rebuschat, P. (ed.) *Implicit and Explicit Learning of Languages*. Lancaster: John Benjamins Publishing Company, 2015. 489 p. DOI: 10.1075/sibil.48
41. Reese, E., et al. Children's oral narrative and reading skills in the first 3 years of reading instruction. *Reading and Writing*, 2010, vol. 23, no. 6. P. 627–644. DOI: 10.1007/s11145-009-9175-9
42. Riener, C., & Willingham, D. The myth of learning styles. *Change: The Magazine of Higher Learning*, 2010, vol. 42, no. 5. P. 32–35. DOI: 10.1080/00091383.2010.503139
43. Webb, S. Learning word pairs and glossed sentences: the effects of a single context on vocabulary knowledge. *Language Teaching Research*, 2007, vol. 11, no. 1. P. 63–81. DOI: 10.1177/1362168806072463
44. Young, H., et al. Multi-sensory storytelling as an aid to assisting people with profound intellectual disabilities to cope with sensitive issues: a multiple research methods analysis of engagement and outcomes. *European Journal of Special Needs Education*, 2011, 26. P. 127–142.

Сведения об авторах:

Александр Сергеевич Бовшик – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета. Сфера научных и профессиональных интересов: прикладная лингвистика, лингводидактика, межкультурная коммуникация, семиотика, переводоведение. E-mail: alex.bovshik.msupe@gmail.com

Гайворонская Светлана Олеговна – бакалавр лингвистики, магистрант программы «Лингвистика» кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета. Сфера научных и профессиональных интересов: прикладная лингвистика, лингводидактика, психология, межкультурная коммуникация. E-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

About the authors:

Aleksandr Bovshik – PhD, Associate Professor at Department of Language Education and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education. Research interests: applied linguistics, language education, intercultural communication, semiotics, translation studies. E-mail: alex.bovshik.msupe@gmail.com

Svetlana Gaivoronskaya – BA in Linguistics, a graduate student of Department of Language Education and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education. Research interests: applied linguistics, language education, psychology, intercultural communication. E-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests

* * *

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON HIGHER EDUCATION: NEW CHALLENGES AND PERSPECTIVES

Elena A. Savchuk, Ekaterina S. Syschikova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The aim of this article is to analyze the experience of the transition to distance learning during the Covid-19 pandemic in domestic universities. The article considers some of the features of distance learning, as well as the advantages and disadvantages that have become obvious during this experience. The authors pay attention to the actions of public authorities in response to new circumstances in the period of pandemic. The proponents note that universities have passed major efficiency tests of their work and have successfully sorted out the problem of providing high quality education outside the walls of the universities. As a result of this complicated experience, new soft-skills have been formed for both teachers and students; moreover, the concept of an innovator teacher has been expanded. The article addresses the issues of teaching foreign languages in higher education in the context of distance learning while maintaining the high level inherent in classes in a university classroom. The authors draw attention to the psychological system of distance learning, talk about the importance of the emotional ties and face to face communication during the educational process and emphasize that the development of a digital learning environment will expand students' access to high-quality curricula, in foreign languages in particular, regardless of the form of study. In conclusion, the authors believe that it is too early to draw final conclusion about the results of distance learning, but they consider it will become an integral part of the entire educational process in the nearest future. This educational process will be a continuation of that close inter-university cooperation aimed at interaction with the aim of sharing experiences and expanding the prospects for the use of hybrid forms of education in the future.*

Keywords: *higher education, distance classes, online learning, hybrid learning, face-to-face classes, information technology, MGIMO University*

For citation: Savchuk, E.A., Syschikova, E.S. (2022). The Impact of the Pandemic on Higher Education: New Challenges and Perspectives. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 94–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-94-102>

EL IMPACTO DE LA PANDEMIA EN LA ENSEÑANZA SUPERIOR: NUEVOS DESAFÍOS Y PERSPECTIVAS

E. Savchuk, E. Syschikova

La Universidad de relaciones internacionales de Moscú (la Universidad de MGIMO),
119454, Rusia, Moscú, av. Vernadskogo, 76

Resumen. El objetivo del presente artículo es analizar la experiencia de la transición a los estudios a distancia durante la pandemia del Covid-19 en las instituciones de formación universitaria de Rusia. El trabajo aborda un tema muy actual puesto que el régimen de confinamiento afectó seriamente a la educación superior, pues las universidades interrumpieron las clases presenciales y se vieron obligadas a diseñar estrategias especiales para enfrentar el nuevo escenario y asegurar una enseñanza eficaz y de alta calidad. Como consecuencia tanto los docentes como los estudiantes adquirieron nuevas competencias, se amplió el concepto del profesor innovador. El análisis concierne a la enseñanza de idiomas dentro del contexto de los estudios a distancia en cuyo caso se garantiza el alto nivel propio de los estudios en el aula. Se examinan algunas ventajas y desventajas de los estudios en línea derivadas de la experiencia obtenida. Se presta atención a las acciones de los órganos del poder público a la hora de responder a los desafíos de la pandemia en la esfera de enseñanza; se estudia también el componente psicológico de las clases a distancia haciendo hincapié en la importancia de los lazos emocionales y la comunicación viva durante los estudios. Los resultados de la investigación permiten afirmar que todavía es temprano sacar conclusiones definitivas refiriéndose tanto a las clases a distancia a tiempo completo como a la educación híbrida, hace falta sopesar con cuidado las ventajas frente a los riesgos. Sin embargo, no cabe duda que esta modalidad se hará una parte integrante del proceso de enseñanza superior en el futuro. Dicha enseñanza será una continuación de la estrecha colaboración interuniversitaria dirigida a asegurar un intercambio de experiencia y ampliar las perspectivas de aplicación de la enseñanza híbrida.

Palabras clave: enseñanza superior, clases a distancia, estudios en línea, educación híbrida, clases presenciales, las TIC, Universidad MGIMO

Para citacion: Savchuk, E., Syschikova, E. (2022). El impacto de la pandemia en la enseñanza superior: nuevos desafíos y perspectivas. *Ciencias filológicas en MGIMO*. 8(1), C. 94–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-94-102>

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Савчук, Е.С. Сыщикова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Целью настоящей статьи является проведение анализа опыта перехода на дистанционное обучение в период пандемии Covid-19 в отечественных высших учебных заведениях. Тема работы представляется актуальной, поскольку режим всеобщего локдауна серьезно

повлиял на высшее образование в стране, вузы, равно как и школы, прекратили очные занятия и были вынуждены разработать специальные стратегии, чтобы в условиях новой реальности обеспечить качественное образование вне стен университетов. В результате непростого опыта сформировались новые компетенции как у преподавателей высшей школы, так и у студентов, расширилось понятие преподавателя-новатора. В статье рассмотрены некоторые особенности дистанционного обучения, а также плюсы и минусы, ставшие очевидными в результате полученного опыта, особенно это относится к вопросам обучения иностранным языкам в высшей школе в контексте онлайн обучения при сохранении высокого уровня, свойственного занятиям в университетской аудитории. В работе анализируются действия органов государственной власти в сфере образования в ответ на новые вызовы, полученные в период пандемии. Особое внимание уделяется психологической составляющей дистанционного обучения, отмечается важность эмоциональных связей и живого общения в процессе обучения. Авторы подчёркивают, что развитие цифровой учебной среды расширит доступ студентов к качественным учебным программам, в том числе по иностранным языкам, независимо от формы обучения. Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что ещё рано делать окончательные выводы относительно эффективности дистанционного и гибридного обучения, необходимо тщательно проанализировать как преимущества, так и недостатки такой формы образования. Однако, можно с уверенностью говорить о том, что данная модель станет неотъемлемой составляющей всего учебного процесса в будущем, который станет продолжением того тесного межуниверситетского сотрудничества, направленного на взаимодействие с целью обмена опытом, и расширения перспектив применения гибридных форм обучения в перспективе.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционные занятия, онлайн обучение, гибридное обучение, очные занятия, информационные технологии, МГИМО Университет

Для цитирования: Савчук Е.А., Сыщикова Е.С. (2022). Влияние пандемии на высшее образование: новые вызовы и перспективы. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 94–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-94-102>

En el año 2020 todo el mundo quedó atrapado por la pandemia del COVID-19. El virus afectó todas las esferas de la vida social: se paró la industria, se cerraron las fronteras de muchos países, se introdujeron restricciones de cuarentena. Se notaron cambios radicales en el sector de enseñanza, los escolares y los estudiantes universitarios se vieron obligados a adaptarse a las nuevas formas de estudios, o sea, a los estudios a distancia. La transformación que sufrió la enseñanza superior alcanzó una escala sin precedentes y en los años 2020/2021 afectó en Rusia a más de 4 millones de estudiantes y a 235 mil profesores. Todos los estudiantes de la noche a la mañana dejaron de asistir a las clases presenciales debido al confinamiento. Para que el proceso de estudios no se interrumpiera, el sector de la educación adoptó una nueva forma, es decir, los estudios en línea.

La transición rápida de la enseñanza al entorno virtual se hizo posible gracias a que a partir de mediados de los años 90 del siglo XX las universidades de Rusia venían acumulando la experiencia de crear y usar tecnologías de estudios remotos. En aquel período fue aprobada la Concepción de los estudios a distancia y fueron lanzados los primeros experimentos en esa esfera. Antes de que comenzara la pandemia y se introdujeran las medidas de restricción, los estudios a distancia solían ser solicitados por los estudiantes que vivían bastante lejos del lugar de estudios y por los ciudadanos con discapacidad física que querían acceder a la educación superior, profundizar sus conocimientos en cierta área, mejorar sus competencias.

En 2020 los estudios a distancia se hicieron un fenómeno generalizado debido al confinamiento forzado. En la situación de la pandemia del Covid-19 las tecnologías digitales fueron lo único que pudo salvar la situación. Sin embargo, los centros educativos afrontaron varias dificultades, entre las cuales merece la pena mencionar la ausencia de experiencia y de la práctica de aplicar las tecnologías de acceso remoto en la enseñanza.

La transición al nuevo sistema de estudios incidió en todos los participantes del proceso, tanto en los estudiantes como en los profesores y la dirección de las universidades. A nivel del Ministerio de Instrucción Pública se llevó a cabo un trabajo de gran escala para introducir cambios en la legislación vigente y perfeccionar los métodos de regulación y control del proceso de estudios y de la calidad de la enseñanza.

El Ministerio de Instrucción Pública de Rusia celebró reuniones del Grupo de Trabajo con el fin de elaborar propuestas de organización de los estudios en las universidades sin poner en riesgo la vida y la salud de los estudiantes y los profesores. Participaron en las conversaciones respecto al tema los rectores de las universidades. Así mismo fue fundado un Centro especial adjunto a dicho organismo público cuyo objetivo consistía en seguir el desarrollo del espacio virtual destinado a los estudios.

Persiguiendo el objetivo de regular los estudios a distancia ante la posible situación de emergencia la Duma de Estado de la Federación Rusa estudió y aprobó una serie de enmiendas al artículo 108 de la Ley Federal "Sobre la enseñanza en la Federación Rusa". Además, se elaboró y se sometió a la Duma el proyecto de ley para introducir cambios en el artículo 16 de dicha Ley Federal en lo que se refiere a otorgar a los centros docentes facultades para determinar el procedimiento de aplicación de los estudios en línea, de las TIC (las Tecnologías de la Información y Comunicación) a la hora de poner en práctica los programas de estudios. Una de las innovaciones más importantes consiste en que el proceso docente virtual llegó a ser equivalente a los estudios convencionales. Los órganos públicos aprobaron urgentemente el estatuto jurídico de los estudios a distancia.

Vale la pena subrayar que las relaciones entre las universidades evolucionaron mucho: si antes de la pandemia competían unas con otras, en la situación de la amenaza común la comunidad universitaria optó por unirse. Las universidades líderes de Rusia organizaron urgentemente talleres de orientación y formación con el objeto de capacitar a los docentes para las clases en línea, concedieron acceso a sus plataformas de enseñanza electrónicas y materiales didácticos digitales para que todos pudieran aprovecharlos.

Debido a esas medidas en el año 2020 la socialización de la población rusa en el espacio virtual se desarrolló a ritmo acelerado. El entorno social del hombre quedó dividido en la vida real y virtual, y era urgente adaptarse a la situación nueva a la mayor brevedad posible. La evaluación social y profesional de la transformación del sistema educacional es versátil: hay quienes la aprecian positivamente igual que los que la evalúan negativamente, la critican [2].

Nos gustaría hacer hincapié en la enseñanza de idiomas en las circunstancias creadas debido a la pandemia. A pesar de que existen varios trabajos dedicados a la importancia del uso del soporte audio-visual y de las TIC en las clases de idiomas en general y del español en particular, en que se subraya que "el principio del soporte visual o audiovisual consiste en que en su actividad profesional el profesor recurre al uso de materiales audiovisuales que por una parte deben facilitar el aprendizaje y la comprensión de la materia, y por otra son fuente del conocimiento lingüístico y extralingüístico" [3, p.105], la educación a distancia a gran escala representa una innovadora forma de aprender y enseñar que lleva la dinámica de una clase tradicional y presencial al mundo digital. Desde cualquier lugar del mundo, los estudiantes y profesores pueden conectarse en un entorno virtual en sus ordenadores a través de Internet, aprovechando las posibilidades que proporcionan las nuevas tecnologías digitales [7].

En las condiciones actuales, la aplicación de las TIC representa la mejor posibilidad de asegurar, de una forma más o menos acostumbrada, la continuidad del proceso de estudios, ya que de no hacerlo la pandemia tendría consecuencias graves para millones de escolares y estudiantes universitarios del planeta. En todo el mundo se promueve una gran cantidad de iniciativas públicas y privadas que en mayor o menor medida aprovechan las tecnologías para conceder educación a distancia [6].

La comunidad docente entiende que el uso de las TIC es inevitable, pero al mismo tiempo es imprescindible el contacto personal entre los estudiantes y el profesor, el estudiante y sus compañeros. Siendo partícipes activos de dicho proceso destacamos rasgos típicos de los estudios remotos. A saber:

- la flexibilidad: los estudiantes en el sistema de estudios a distancia no asisten a las clases presenciales, sino trabajan desde el lugar más cómodo para ellos; no obstante, en cuanto a la mayoría de los centros docentes de Rusia hay que notar que las clases se impartían según el horario presencial;

- el sistema modular de estudios: busca la integración de contenidos de acuerdo con la esfera de conocimiento o el sistema a estudiar;
- el nuevo papel del profesor: el docente asume tales funciones como coordinar el proceso de adquisición de conocimientos, corregir el curso que se imparte, asesorar a la hora de redactar el plan de estudios individual, dirigir proyectos;
- el control especial de la calidad de los estudios: para controlar se recurre a exámenes en línea, a sistemas de control digitales o entrevistas;
- la separación profesor – estudiante, o sea, la comunicación es indirecta: en el proceso de educación desde casa se crean grupos de estudios que a veces se llaman la comunidad académica y se componen de estudiantes, profesor y recursos necesarios (manuales, audios y vídeos, materiales didácticos virtuales). Varias redes sociales promueven la posibilidad de crear tal comunidad académica para facilitar el contacto entre los participantes reduciendo la sensación de aislamiento; [4]
- la telecomunicación interactiva vincula tanto a los individuos dentro del grupo académico como al grupo con el profesor; las plataformas digitales más recurridas son Zoom, Discord, LMS, Google meet y Google Classroom que cuentan con un amplio abanico de herramientas para dirigir el aula virtual. Cualquiera que sea el espacio, la interacción es imprescindible tanto para la enseñanza remota como para la presencial. Los vínculos entre los profesores, los estudiantes y los instrumentos cada vez dependen menos de la asistencia offline a las clases; entre otras cosas eso se debe a que los sistemas de comunicación se hacen más sofisticados y más accesibles; como consecuencia Internet, los móviles y el correo electrónico contribuyen a la expansión y al desarrollo de los estudios en línea.

Muchos participantes del proceso educativo descubrieron para sí el gran potencial del uso de la red global, las posibilidades ilimitadas para mejorar su nivel profesional y dominio de las TIC. La nueva forma de estudios les permitió a los estudiantes orientarse con facilidad en los inagotables recursos informáticos lo que intensificó su actividad cognitiva. Los profesores notaron que entre numerosos estudiantes aumentó la motivación hacia los estudios, dejaron de faltar a las clases. Dicho fenómeno se debe a que los jóvenes de hoy están acostumbrados a interactuar en el espacio virtual, comunicarse en las redes sociales, hacer uso de dispositivos modernos, y aprovechar las tecnologías innovadoras en varias esferas de la vida. La generación de los jóvenes del siglo XXI, la llamada generación Z, con mayor facilidad usa libros electrónicos y no los de papel, encuentra la información necesaria en la red global y no en una biblioteca física. Los jóvenes de hoy suelen percibir la información vía imágenes fáciles de recordar y sufren dificultades a la hora de concentrar la atención y reflexionar, por eso la forma digital es más idónea para ellos. A los estudiantes les fue interesante experimentar con las nuevas formas de estudiar: e-seminarios, o sea, webinaris, conferencias y cursos en línea.

No obstante, pese a que el sentido común sugiere que estos nativos digitales se adaptan con mayor facilidad a la educación a distancia, parece que éste no es el caso. Y merece la pena tener en cuenta que, igual que ocurrió en las empresas con el teletrabajo, la transición de la enseñanza al espacio virtual fue una experiencia a la cual los centros docentes se lanzaron urgente e improvisadamente, sin plan ni infraestructura para ello. Los jóvenes encuestados de todo el mundo indican que la educación digital durante el confinamiento resultó una experiencia difícil. Los principales obstáculos que se subrayan son ciertos problemas de conectarse a la red (ausencia de Internet o su baja calidad), la falta del equipamiento tecnológico, la ausencia de acompañamiento docente, la soledad para realizar las actividades, las dificultades para organizar el horario de estudios [5]. Además los estudiantes reconocen que se vieron obligados a hacer más tareas de casa y aplicar más esfuerzos para estudiar una u otra asignatura. A las desventajas y consecuencias negativas hay que añadir:

- las restricciones psicológicas, pedagógicas y humanitarias;
- el trabajo intenso con los recursos electrónicos lo que afecta la vista y la salud en general;
- dificultades de transmitir y conservar ciertos valores sociales;
- los horarios flexibles de vez en cuando se limitan a determinados cursos que exigen participación en directo a las horas o en espacios concretos;
- debido a que falta una comunicación constante entre el profesor y el estudiante se crea desconfianza en tales aspectos como el aprendizaje y la evaluación académica;

– una formación académica distinta a la convencional exige cierto nivel de adaptación que puede resultar complicada para algunas personas.

A la vez, al analizar la organización del proceso pedagógico a distancia en los centros de estudios con aplicación de las tecnologías y los recursos digitales, basándonos en nuestra experiencia, podemos destacar una serie de ventajas de los estudios a distancia:

- la transmisión rápida de los materiales didácticos;
- los horarios relativamente flexibles en algunos casos;
- el espacio digital familiar a los estudiantes;
- la posibilidad de organizar talleres, poner películas y hacer tests de control en línea;
- atención personalizada pues el profesor acompaña, supervisa y corrige las faltas de manera individual;
- un amplio margen de variación de la enseñanza en lo que toca al contenido, la forma de exponer el material y el orden de estudiarlo;
- es un método que le enseña al alumno a aprender: le instruye en las técnicas del autoaprendizaje y la autoformación las cuales, reforzadas con la tecnología de la información, permiten aprovechar al máximo los contenidos.

En lo que toca a los profesores se puede decir que los que se adaptaron con facilidad al nuevo formato digital ya tenían experiencia de manejar las tecnologías modernas, impartían clases tradicionales usando las aplicaciones en línea. Los demás docentes afrontaron problemas y dificultades. Pero para tener un contacto más profundo con los alumnos el profesor no debe quedarse atrás respecto a los métodos modernos y debe aplicar las TIC en sus clases mostrando así que es capaz de hablar el mismo idioma con sus estudiantes. Las circunstancias actuales requieren que el profesor supere las prácticas educativas tradicionales planteando y aplicando nuevas sugerencias y propuestas respecto a los medios más eficaces de resolver los problemas pedagógicos y de dotar al alumnado de herramientas que le sirvan para *aprender a aprender* [8]. Muchos docentes no se desalentaron en la situación de estrés y cambiaron su enfoque tradicional pasando a usar los cursos en línea, tests de control, conferencias, consiguieron despertar el interés y la motivación entre los estudiantes. La discusión principal se desarrolló alrededor de las tareas de casa. No cabía duda que éstas debían entregarse sólo en forma digital vía plataformas como Google Classroom etc. Dicha plataforma resulta muy cómoda tanto para los estudiantes como para los profesores, pues en ella se corrigen los errores, se dejan comentarios, los estudiantes ven las correcciones del profesor y pueden analizar lo que no han aprendido. Las pruebas escritas debían ser compuestas especialmente para el formato digital.

Citando ejemplos concretos de nuestra universidad MGIMO nos gustaría subrayar que la enseñanza pasó a las aulas virtuales casi al día siguiente después de anunciarse la suspensión de las clases presenciales. Claro que a los profesores y a los estudiantes les dieron unos días para pensar la mejor manera de organizarlo todo, exponer sus sugerencias. Los departamentos especializados de la MGIMO explicaron cómo organizar las conferencias y los seminarios virtuales, controlar la asistencia a las clases, luchar contra el así llamado *engaño académico*. Se actualizaron los planes de estudios, se discutieron otras medidas para mitigar el impacto de la pandemia en la educación y garantizar que los estudiantes no vieran afectado el proceso de aprendizaje.

Destaquemos que todas las clases se daban según el horario universitario. En la mayoría de los casos los estudios remotos se organizaban en la plataforma Zoom que dispone de una herramienta muy funcional que es *compartir pantalla*: poníamos todo tipo de materiales didácticos, recursos electrónicos, por ejemplo, vídeos especiales de YouTube, ejercicios complementarios para entrenar uno u otro fenómeno léxico-gramatical, presentábamos material nuevo.

Claro que los estudiantes y los profesores hacían uso de los manuales, cuadernos de ejercicios con los que siempre trabajan en las aulas universitarias pero los materiales complementarios que antes se fotocopiaban y se entregaban a repartían entre los estudiantes fueron actualizados y sustituidos por los digitales.

Partiendo de la experiencia obtenida se puede decir que surgieron dificultades con la audición de los noticiarios, pues, por ejemplo, el sitio web Euronews acompaña el vídeo con el texto de la noticia al igual que CNN. Accediendo a esos sitios había dudas en cuanto a la honestidad académica de los estudiantes.

Es evidente que a la administración de la universidad igual que a los profesores les interesó el grado de satisfacción de los estudiantes con los estudios. Se llevó a cabo una encuesta a 1083 estudiantes (más del 90% del total de estudiantes universitarios) al respecto. El 85% de los encuestados valoraron la calidad de los estudios en línea como *alta y muy alta*. En cuanto a la calidad de la enseñanza remota de los idiomas el 92% de los encuestados le dieron una evaluación positiva y el 65% de ellos evaluaron la calidad como *muy alta*: de 8 a 10 puntos de los 10 posibles. El 90% de los estudiantes consideran que la plataforma Zoom es la más adecuada para los estudios desde hogar. El 10% de los encuestados subrayaron los beneficios de Webinar y Skype. Los estudiantes hacen hincapié en tales ventajas de la enseñanza en línea como el ahorro del tiempo y la comodidad de la comunicación con el profesor y en que los preparativos y la participación en las discusiones online resultan menos estresantes [1].

Surge la pregunta: ¿qué beneficios nos dio a los docentes de las universidades este nuevo modo de trabajo?

1. Por muy raro que parezca nos dio *tiempo adicional*. Ese tiempo que antes tardábamos en llegar a la universidad resultó libre. Durante las primeras semanas nos vimos obligados a trabajar aún más, pero al encarrilarse el proceso tuvimos tiempo para el trabajo científico, lo que favoreció tanto al desarrollo científico de los profesores como a la Universidad.

2. Los estudios en remoto conllevaron la *alfabetización digital*. Los que antes tenían recurrir a instrumentos digitales se vieron obligados a familiarizarse con dichas herramientas. Los profesores se mostraron creativos para garantizar a los estudiantes el plan de estudios completo. A menudo recurrían al método híbrido usando los libros de texto en papel, así como las innovaciones tecnológicas.

3. *El acercamiento con los estudiantes*. Por una parte, los estudios desde hogar nos dejaron sin la comunicación viva con los estudiantes y colegas. Pero por extraño que parezca la comunicación en línea nos dio la posibilidad de establecer relaciones más personales que no se perjudicaron al volver a la Universidad. Los estudiantes también nos enseñaron muchas cosas técnicas de las que ellos entienden más y mejor.

4. *El perfeccionamiento de la práctica docente*. Las clases online alentaron hasta a los profesores más expertos a afinar su maestría pues se les presentó la posibilidad de observar a sí mismos y detectar sus defectos volviendo a mirar la clase grabada.

Es evidente que en el futuro próximo a los estudios a distancia les pertenecerá una cuota importante de los servicios educativos. Las universidades ganan impartiendo clases a distancia: no se ven obligadas a construir nuevos edificios, equipar más aulas, construir residencias, y los estudiantes pueden cursar estudios en cualquier universidad del mundo sin salir de su ciudad natal. Es imprescindible ir preparándose para eso a partir de hoy elaborando cursos digitales, formando profesores capaces de combinar el trabajo tanto en el aula real como en la virtual.

Nuestra experiencia personal nos permite afirmar que el desarrollo de las tecnologías modernas de enseñanza se compagina perfectamente con los estudios a distancia, que vale la pena digitalizar el material didáctico tradicional, aprender a procesar el material obtenido modificando o actualizando los datos vía Internet.

La enseñanza y sus elementos sin falta evolucionarán llegando a ser una especie que incluya lo mejor de los formatos presencial y en línea. Tal vez la educación superior acabe saliendo de los edificios tradicionales; los estudiantes que ahora dependen en gran medida del docente para aprender tendrán que hacerlo más bien en el espacio virtual, en las aulas digitales. En opinión de expertos dicha combinación de estudios presenciales con los a distancia, también denominada enseñanza híbrida, suministra resultados positivos.

En cuanto a nuestra actitud a las nuevas tendencias, cabe destacar que compartimos la opinión experta en lo que toca a la enseñanza híbrida. A los representantes de la generación joven es muy difícil interesarlos con las conferencias y los seminarios clásicos. A menos que les interese el contenido, se surgen en los dispositivos electrónicos y ya es imposible atraer su atención y hacerles volver a la clase. La eficacia de las clases se pierde al cien por cien. Los estudiantes pueden obtener toda la información de las fuentes abiertas, por consiguiente, el objetivo del profesor no es sólo transmitirles los conocimientos sino practicar las habilidades y compartir la experiencia. O sea, se puede trasladar la parte teórica al

espacio virtual sin disminuir la calidad. Después de la reapertura de los centros docentes, terminado el régimen de confinamiento, muchas universidades adoptaron ese sistema de educación. En el horario de los estudiantes hay días online en que ellos asisten a las clases y las conferencias (en la mayoría de los casos teóricas) a distancia, y días presenciales en que estudian de forma tradicional (se les imparten clases de idiomas extranjeros o seminarios). Las clases offline es una de las condiciones de cualquier enseñanza eficaz. Estas clases no pasarán a la historia, pero el sistema docente sufrirá cambios. Al mismo tiempo si hablamos de la práctica donde los estudiantes pueden y deben aplicar y desarrollar sus conocimientos y sus competencias, los estudios presenciales representan más posibilidades debido al contacto permanente entre el profesor y los estudiantes.

Resumiendo las cuentas vale la pena subrayar que la pandemia no sólo agravó los problemas que existían aún antes de la crisis del Covid-19 sino que creó unas condiciones sin precedentes para muchos sistemas de enseñanza. Al mismo tiempo surgieron tendencias positivas. En la situación de la pandemia algunos estados tratan de dar un salto virtual observándose, sin embargo, la carencia de los recursos tanto técnicos como humanos. Las universidades intercambian experiencia en cuanto a las innovaciones pedagógicas. Ahora se crean modelos de dar clases que sin duda serán demandados en la época post-covid tomando en consideración los pronósticos de los expertos y analistas internacionales. Todo el dramatismo de la situación consiste en que la repercusión de la crisis fue un choque hasta para los estados cuyo sistema de enseñanza se evaluaba como altamente desarrollado. La mayoría de los países son conscientes de que urge dar prioridad a la enseñanza luchando contra las consecuencias de la pandemia del Covid-19 pues puede convertirse en el eje de los programas de recuperación económico-social.

Tras analizar la experiencia adquirida durante dicho período nos parece importante que el gobierno de nuestro país tome una serie de medidas destinadas a la socialización de todas las generaciones en el espacio virtual, cree centros de perfeccionamiento de la cualificación de los profesores en cuanto a las TIC y a la comunicación pedagógica profesional durante los estudios a distancia. Tal reforzamiento de la enseñanza parece especialmente actual debido a que en la economía digital y la sociedad digital es necesario transformar la enseñanza teniendo en cuenta no sólo las dificultades sino también las mejores tradiciones del sistema de enseñanza con el fin de mantener la individualidad y la identidad.

Para el año 2024 se prevé llevar a cabo el proyecto nacional titulado “Enseñanza” que incluye el proyecto federal “Entorno educativo digital”. La meta del proyecto consiste en hacer competitiva la enseñanza rusa y los estudios en Rusia accesibles para todos. Entre las direcciones del proyecto cabe mencionar el acceso a los cursos en línea de alta calidad, la creación de centros regionales de competencias en la esfera de los estudios remotos. El proyecto supone el desarrollo de la enseñanza virtual, sin embargo, no persigue el objetivo de sustituir los estudios presenciales. La creación del entorno educativo digital ampliará el acceso de los estudiantes a los programas de estudios de calidad independientemente de la forma de estudiar.

Todavía es muy temprano hacer una evaluación definitiva y total tanto de las consecuencias y la eficiencia de la enseñanza digital como de la intercomunicación durante la pandemia. Hace falta sopesar con cuidado las ventajas de las clases a distancia y de la educación híbrida frente a las desventajas y los riesgos posibles. Es evidente que la actividad de las autoridades públicas, los ministerios especializados y la comunidad universitaria ha mostrado que es de suma importancia organizar una coordinación estrecha, entablar vínculos claros y asegurar la gestión correcta.

© Савчук Е.А., Сыщикова Е.С., 2022

Referencias bibliográficas

1. Дистант глазами студентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/distant-students-poll/> (Дата обращения: 7.11.21).
2. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии/ Авт. коллектив: А.В. Клягин, Е.С. Абалмасова, К.В. Гарев, И.А. Груздев и др./ под общей ред. А.В. Клягина // Современная аналитика образования. 2020. № 6 (36). М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с

3. Яковлева В.В. К вопросу об использовании аудиовизуальных средств при обучении иностранному языку (на примере испанского языка) / В.В. Яковлева, Е.А. Савчук // Ибероамериканские тетради. 2015. №2 (8). с. 104-107.
4. Educación online de emergencia: Hablando a pantallas en negro – CIPER Chile. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ciperchile.cl/2020/06/08/educacion-online-de-emergencia-hablando-a-pantallas-en-negro/> (Дата обращения: 27.07.21).
5. Krizanovic P. Educación a distancia de los “nativos digitales”: ¿qué opinan los jóvenes sobre estudiar desde casa? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iprofesional.com/management/316360-cuarentena-que-opinan-los-jovenes-sobre-estudiar-desde-casa> (Дата обращения: 27.07.21).
6. Lesbia M. ¿Cómo usar la tecnología para fortalecer la educación a distancia? | CAF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caf.com/es/conocimiento/visiones/2020/06/como-usar-la-tecnologia-para-fortalecer-la-educacion-a-distancia/> (Дата обращения 27.07.21).
7. ¿Qué es la educación a distancia? Beneficios y Ventajas | UP (palermo.edu) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.palermo.edu/online/educacion-a-distancia.html> (Дата обращения: 27.07.21).
8. Redondo J. G.-R. De profesor tradicional a profesor innovador [Электронный ресурс]. URL: <https://www.feandalucia.ccoo.es/docu/p5sd7620.pdf> (Дата обращения: 27.07.21).

References

1. Distant glazami studentov [Distance learning through the eyes of students]. [Electronic source], mgimo.ru/about/news/main/distant-students-poll/ (Accessed: 7.11.21).
2. Shtorm pervikh nedel: kak vysshee obrazovanie shagnulo v realnost pandemii [First weeks storm: how higher education entered into reality of pandemic] / Avt. kolektiv: A.V. Klyagin, E.S. Abalmasova, et al. / pod obshchei red. A.V. Kliagina // *Sovremennaiia analitika obrazovaniia*. 2020 №6 (36).
3. Yakovleva, V. V. K voprosu ob ispol'zovanii audiovizual'nykh sredstv pri obuchenii inostrannomu iazyku (na primere ispan-skogo iazyka) [Audio-visual support in class of Spanish as foreign language: the use of the movies] / V.V. Yakovleva, E.A. Savchuk // *Iberoamerikanskie tetradi*. 2015. №2(8). p. 104-107.
4. Educación online de emergencia: Hablando a pantallas en negro – CIPER Chile. [Electronic source], www.ciperchile.cl/2020/06/08/educacion-online-de-emergencia-hablando-a-pantallas-en-negro/ (Accessed: 27.07.21).
5. Krizanovic, P. Educación a distancia de los “nativos digitales”: ¿qué opinan los jóvenes sobre estudiar desde casa? [Electronic source], www.iprofesional.com/management/316360-cuarentena-que-opinan-los-jovenes-sobre-estudiar-desde-casa (Accessed: 27.07.21).
6. Lesbia, M. ¿Cómo usar la tecnología para fortalecer la educación a distancia? | CAF [Electronic source], www.caf.com/es/conocimiento/visiones/2020/06/como-usar-la-tecnologia-para-fortalecer-la-educacion-a-distancia/ (Accessed: 27.07.21).
7. ¿Qué es la educación a distancia? Beneficios y Ventajas | UP (palermo.edu) [Electronic source], www.palermo.edu/online/educacion-a-distancia.html (Accessed: 27.07.21).
8. Redondo, J. G.-R. De profesor tradicional a profesor innovador. [Electronic source], www.feandalucia.ccoo.es/docu/p5sd7620.pdf (Accessed: 27.07.21).

Сведения об авторах:

Савчук Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент ВАК, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сферы научных интересов: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: e.savchuk@my.mgimo.ru

Сыщикова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сферы научных интересов: лингвистика, межкультурная коммуникация, методика обучения иностранным языкам. E-mail: e.sycshikova@my.mgimo.ru

About the authors:

Elena A. Savchuk – Associate professor of Spanish Department, PhD in Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Research interests: pedagogy, linguistics, intercultural communication. E-mail: e.savchuk@my.mgimo.ru

Ekaterina S. Sycshikova – Associate professor of Spanish Department, PhD in Philology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Research interests: linguistics, intercultural communication, methodology of teaching foreign languages. E-mail: e.sycshikova@my.mgimo.ru

* * *

PLANT AND ANIMAL NAMES IN THE FLAMENCO POETRY

T.M. Balmatova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The song is capable of telling a lot about the spiritual life, traditions, feelings, aspirations of the people; it presents to the listener (or to the reader if it is a written text) the facts and events that left their mark on the social conscience of a certain country at a given stage of its historical evolution. Flamenco songs, belonging to the culture of dance and song cultivated in southern Spain with their variable content, often contain description of landscapes, names of plants and animals. Flamenco culture is precious and original, but despite its popularity beyond Spain, the texts of its verses published in numerous collections in Spanish have not yet attracted due attention of Russian researchers. Except for some verses translated into Russian at the beginning of the 20th century by Konstantín Balmont, our compatriots don't know these poems. So it is essential and timely to focus on poetic texts in order to understand the role and functions of zoonyms and phytonyms in the creation of the linguistic picture of the world that is reflected in the verses. To achieve this objective, we applied the methods of cultural analysis, descriptive, comparative and solid sampling methods and also synchronic and diachronic approaches to the study. As an analytical basis for our investigation, we use Manuel Balmaseda's verses from the book *Primer cancionero de coplas flamencas populares según el estilo de Andalucía* and popular songs compiled by Antonio Machado y Álvarez *Cantes flamencos recogidos y anotados por Antonio Machado y Álvarez (Demófilo)*. The research allows us to draw the following conclusions: the metaphorical value of phytonyms endows the verses with an allegorical meaning, which allows us to discover several narrative layers in the same text. Certain species of plants are loaded with centuries-old symbolism, especially in the field of love. Zoonyms are not numerous and are often part of proverbs and set phrases. In some cases, the relationship with events described in the hagiographic compositions has been detected.*

Keywords: *cante flamenco, cante hondo, fauna, flora, animals, plants, song, couplet*

For citation: Balmatova, T.M. (2022). Plant and Animal Names in the Flamenco Poetry. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 103–113. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-103-113>

ФИТОНИМЫ И ЗООНИМЫ В ПОЭЗИИ ФЛАМЕНКО

Т.М. Балматова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Песня способна рассказать многое о духовной жизни, быте, традициях, чувствах и чаяниях народа, познакомить слушателя (или читателя записанных текстов) с событиями и происшествиями, которые оставили след в общественном сознании определённой страны на конкретном этапе исторического развития. Куплеты фламенко – песенно-танцевальной культуры юга Испании – отличаются разнообразием содержания, и в них нередко описывается ландшафт местности, упоминаются растения и животные. Культура фламенко самобытна и прекрасна, но, несмотря на то, что она популярна далеко за пределами Испании, тексты песен, опубликованные в многочисленных сборниках на испанском языке, не получили должного освещения в трудах российских учёных и, за исключением единичных куплетов, переведённых в начале XX в. К. Д. Бальмонтом, а в конце того же столетия А. Гелескулом, не известны нашим соотечественникам. В этой связи представляется актуальным проведение исследования, цель которого состоит в осмыслении роли фитонимов и зоонимов в формировании языковой картины мира, нашедшей отражение в коплах фламенко. Для достижения поставленной цели был использован метод культурологического анализа, описательный, сравнительный и метод сплошной выборки. Также применялись синхронный и диахронный подходы. Аналитической базой служат произведения Мануэля Бальмаседы из сборника *Primer Cancionero de coplas flamencas populares según el estilo de Andalucía* (Первый песенник куплетов фламенко в андалусском стиле) и народные песни, собранные Антонио Мачадо-и-Альваресом: *Cantes flamencos recogidos y anotados por Antonio Machado y Álvarez (Demófilo)* (Песни фламенко, собранные и записанные Антонио Мачадо-и-Альваресом (Демофило)). По итогам проведённого исследования можно заключить, что метафорическое использование фитонимов обеспечивает двойное прочтение поэтическим текстам фламенко, определённые породы деревьев наделяются символическим значением, зоонимы немногочисленны и могут использоваться в составе пословиц. Также удалось установить связь описываемых событий с литературными эпизодами из агиографических сочинений.

Ключевые слова: фламенко, канте хондо, флора, фауна, животные, растения, песня, копла, куплет

Для цитирования: Балматова Т.М. (2022). Фитонимы и зоонимы в поэзии фламенко. Филологические науки в МГИМО. 8(1), С. 103–113. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-103-113>

Флора и фауна как неотъемлемые компоненты окружающей действительности отражаются в народном творчестве с древнейших времён. От петроглифов, вышивок, ткачества, росписи посуды до пословиц, сказок и песен – животные и растения играют не последнюю роль в проявлениях творческого гения любого народа. Являясь важным элементом языковой картины мира, фитонимы и зоонимы – лексические единицы, служащие для обозначения растений и животных и образующие широкие семантические общности, непрестанно привлекают внимание учёных. Среди множества трудов, освещающих с различных позиций функционирование фитонимической и зоонимической лексики, чрезвычайно интересны исследования, выполненные на фольклорном материале: английского [2], русского [4]; [8], башкирского [11] языков. Обращают на себя внимание статьи о символизме фитонимов в фольклоре [9] и их месте в русской обрядовой поэзии [1]. Проводились исследования фитонимов и зоонимов на материале испанского языка – пиренейского [5]; [10]; [6] и мексиканского национальных вариантов [3], изучалась культурно значимая лексика фламенко [7].

На испанском языке также есть исследования фито- и зоолексем, выполненные с позиций лингвокультурологии [17], лексикографии [14] и с учётом диалектного разнообразия современного испанского языка [15]. Вместе с тем отсутствие трудов, посвящённых изучению роли и места фитонимов и зоонимов в поэзии фламенко, делает актуальным проведение настоящего исследования. Его цель состоит в конкретизации отдельных элементов национально-языковой картины мира представителей маргинальной прослойки городского населения Андалусии – среды, к которой принадлежали авторы куплетов фламенко XIX века. Обращение к текстам народных песен и исследование упоминаемых в них животных и растений позволяет ближе познакомиться

с ландшафтом той местности, в которой родилась песня, увидеть пейзаж, на фоне которого разворачиваются описываемые в ней события. И если о флоре и фауне своего региона современный человек имеет представление, то реалии чужих стран и иных эпох требуют пристального изучения и объяснения.

Из поистине огромного корпуса текстов были выбраны два сборника, опубликованные в 1881 году. Один из них, составленный Антонио Мачадо-и-Альваресом, содержит 773 анонимные коплы и до наших дней является настольной книгой любого фламенколога, а другой был записан со слов его автора Мануэля Бальмаседы – железнодорожного рабочего, сочинившего в последний год своей недолгой жизни 539 удивительно глубоких и проникновенных песен. Куплеты с упоминанием растений составляют 5% (41) от текстов первого сборника и 3% (16) во втором, животные представлены в меньшем количестве стихотворений – по 3% в обоих сборниках (22 и 18 куплетов, соответственно).

Все фитонимы можно разделить на 3 группы: 1) деревья, 2) кустарники и 3) цветы и травы. Дерево в коплах обоих сборников персонифицируется, ему приписывается способность сожалеть о потере листьев, сочувствовать несчастьям человека вплоть до собственной гибели:

Jasta los árboles sienten
Que se le caigan las hojas,
Mira si sentiré yo
Que jables a tu persona [16, с. 115]¹.
Al pié de un *albita* un día,
Lloraba yo mi dolor,
El *albita* estaba verde,
Y al oírme se secó [12, с. 66]².

С росой на молодых деревьях сравниваются слёзы влюблённого, а густая тень старых служит укрытием для человека в жаркий день. Таким образом, в коплах дерево используется не только как метафора, но и в прямом значении, при этом подчёркивается его практическая польза.

Отдельные породы деревьев наделяются символическим значением. Довольно часто упоминается сосна – растение, присутствующее не только во многих фольклорных текстах, но и в качестве топонимов, на гербах и флагах населённых пунктов Андалусии (Монилья, Альфакар, Пинос Пуэнте и др.). Традиционно сосна считается символом вечной жизни, возрождения и силы, а Мачадо-и-Альварес ещё указывает, что она символизирует радость. Все эти значения довольно рельефно представлены в четверостишии, повествующем о спасении от преследования с помощью этого дерева:

En lo alto de un pino,
Subirme quería,
Juyendo de su mismo guarda,
Que me perseguía [12, с. 120]³.

Воспоминания об этом эпизоде стали темой ещё одной коплы, в которой автор зарекается посещать места локального произрастания сосен:

Máre por los pinos,
No pasará más,
Porque me acuerdo de aquel mal ratito,
Que me hizo *pasá* [12, с. 120]⁴.

Вместе с тем некоторые куплеты позволяют угадать в этом дереве образ подруги, спутницы жизни:

¹ И деревьям даже грустно, // Что листва с них облетает. // Как же будет мне досадно // О тебе молва плохая. *Здесь и далее перевод мой (Т.Б.)*

² Я сидел при корне древа, // Плача о своём несчастье. // Было дерево зелёным, // И засохло в одночасье.

³ На верхушку я сосны // Очень уж хотел забраться, // Ведь от стражника в тот раз // Бегством мне пришлось спастись.

⁴ Мама, больше к сосняку // Я вовек не подойду, // Так как помню, не забыл, // Что тогда я пережил.

Yo m'arrimé a un pino berde,
 Por ber si me consolaba,
 Y el pino como era berde
 ¡Soleá ay! ay! ay! ay!
 Y el pino como era berde
 De berme yorar, yoraba [16, с. 202]⁵.

Чрезвычайно красочна и неизменно актуальна метафора, которой описываются противоположные характеры через противопоставление сосны и кактуса – опунции индийской, повсеместно распространённой на юге Испании:

Toitos se arriman
 Ar pinito berde,
 Y yo m'arrimo a los atunales
 Que espinitas tiene [16, с. 161]⁶.

Ещё одним типичным элементом андалузского пейзажа является олива – дерево, связанное в испанской литературной традиции с любовной темой: в поэме XIII века «Razón de amor» влюблённые встречаются в тени этого растения: *lunniemos atos en par e posamos so el oliuar* [13, с. 131]. В коплах фламенко олива сохраняет символическое значение, выступая фоном для развития любовного сюжета:

Como la tortolita
 Te anduve buscando,
 Compañerita e olibo en olibo
 E ramito en ramo [16, с. 133]⁷.

Под оливой плачет влюблённый, и страдания его так жестоки, что даже птицы не могут продолжить свою песню:

Al pié de un olivo,
 Me puse á llorá;
 Pá los pajaritos que cantando estaban,
 Se acabó el cantá [12, с. 103]⁸.

Вместе с тем в ряде куплетов оливковая роща является декорацией для событий, далёких от любви: в ней останавливается табор цыган или ловят мелкого вора:

En este olivarito,
 Máre lo prendieron,
 Por *naíta* más, que unas baretillas,
 Que estaba cogiendo [12, с. 122]⁹.

Символом любви без взаимности и страданий является зелёный лимон – под этим деревом готовит прохладительный напиток и предлагает всем желающим его отведать несчастный влюблённый, а листья лимона отказывается есть даже его конь:

A mi caballo le eché
 Ojitas e limón berde
 Y no las quiso comé [16, с. 35]¹⁰.

Надоевшая вторая половина и её воздействие сравнивается с тенью, которую отбрасывает инжир – она очень густая благодаря крупным листьям и довольно пышной кроне этого растения:

⁵ Утешения ища, // Прислонился я к сосне. // Зелена она была // Соледад, а-я-я-яй! // Зелена она была // И рыдала, как и я.

⁶ Все готовы опереться // О зелёную сосну, // Я ж к опунции приник – // Кактусу колючему.

⁷ Будто серый голубок, // Я тебя искал, подруга: // От одной к другой оливе, // С ветки на сучок – повсюду.

⁸ Под оливою однажды // Горько плакать я принялся, // И у птиц, что песни пели, // Голос сразу оборвался.

⁹ В этой роще, средь олив, // Его повязали. // Из-за жалких безделушек, // Что насобирал он.

¹⁰ Листьев своему коню дал // Я зелёного лимона, // Только он их есть не стал.

Anda bete e mi bera,
Que tienes tú para mí
Sombra e jigüera negra [16, с. 31]¹¹.

В коплах можно найти информацию о практическом применении отдельных пород дерева, используемых для народных промыслов. В частности, плетение из ивового прута было источником средств для содержания семьи:

Haciendo canastas,
Y estos canastillos,
Le gano yó el pan, *toítos* los dias,
A mis *chorrellillos* [12, с. 127]¹².

Миндаль, являясь символом вечной любви и молодости, связан с суеверным представлением о способности отгонять злых духов. Эти два аспекта находят отражение в следующих куплетах:

A nadie le tengas mieo
Mientras yo tenga en la mano
La barita del armendro [16, с. 35]¹³.
Ebajo e un armendro
Me paré cantando;
Las armendritas que arribita que arribita había
Binieron a bajo [16, с. 142]¹⁴.

Также в песнях фламенко фигурирует тополь. Белый тополь упоминается в связи с явлением Богородицы, а в тени чёрного тополя человеку легче работать в жаркий день. Из экзотических растений встречается пальма в контексте весьма интересного повествования:

En la Habana nasí yo
Debajo de una parmera,
Ayí me echaron el agua
¡Niña de mi corasón!
Ayí me echaron el agua
Cantando la petenera [16, с. 199]¹⁵.

Упоминания кустарников единичны. Розмарин свидетельствует о неверности любимой, а ежевика представляет собой многозначную метафору, поскольку позволяет описать различные любовные похождения. Сладкая зрелая ягода, которую собирает лирический герой – это девушка, беспрепятственно отдающая свою любовь:

Ar morá me boy
Ar morá me bengo,
Y las moritas que ban maúrando
Me las boy comiendo [16, с. 129]¹⁶.

Зелёная ежевика или болезненный укол шипа при попытке сорвать ягоду свидетельствуют об отрицательном опыте – недоступности любимой и безответном чувстве:

Por cojé la sarsa mora
Me ha clabaíto una espina
Que hasta er corasón me yora [16, с. 72]¹⁷.

¹¹ Всё, ступай, оставь меня. // Как инжира тенью чёрной // Жизнь тобой омрачена.

¹² Короба плету из ивы, // Также делаю корзины, // Тем и добываю хлеб // Ребятишкам я своим.

¹³ Ты не бойся супостата // Пока ветка миндаля // У меня в руке зажата.

¹⁴ Под миндальным деревом // Встал я, распевая. // И плоды из пышной кроны // Наземь осыпались.

¹⁵ Я увидел свет в Гаване // Под высокою пальмерой, // Там водой меня крестили, // Сердца моего отрада! // Там водой меня крестили // Под напевы петенеры.

¹⁶ Я по ягоды пойду, // В ежевичник загляну, // Ежевику, что созрела, // Себе в рот я соберу.

¹⁷ Ежевики спелый плод // Взять хотел, но шип вонзился // Так, что сердце аж зашлось.

Также в любовном контексте интересно упоминание виноградной лозы. Она ассоциируется с девушкой, отдавшей предпочтение другому:

Yo me boy a gorbé loco
Porque una biña que tengo
La está vendimiando otro [16, с. 94]¹⁸.

Упомянуты и иные культивируемые человеком растения: сахарный тростник, бахчевые культуры (арбузы и дыни), побеги молодых пальм, из которых добывают сочную сердцевину, а также лук, предназначенный для угощения любимой тещи:

Yo tengo e queré
Por darle a la tuya mare
Seboyiyas a mordé [16, с. 102]¹⁹.

В любовной лирике нередко фигурируют цветы, и коплы фламенко не стали исключением. Самым популярным является, конечно же, роза. Она служит для воспевания красоты, чистоты и непорочности, символизируя одновременно хрупкость и изящество женщины:

Un rosal cría una rosa
Y una maseta un crabé
Y un padre cría una hija
¡Soleá, triste de mí!
Y un padre cría una hija
Sin sabé para quién es [16, с. 202]²⁰.

В одном куплете рассказывается о несчастном случае, произошедшем в Севилье. По мосту через Гвадалквивир ехала повозка, в которой находился господин по фамилии Монтес и три его дочери. Лошади понесли, кучер не справился с управлением, экипаж упал в реку и все, кроме кучера, утонули. Три розы – это погибшие сёстры Монтес:

¡Qué lástima y qué doló,
Se ajogaron tres mosquetas
Como los rayos er só! [16, с. 78]²¹.

Нередко любимая сравнивается с гвоздикой. Примечательно, что одновременно с восхищением красотой проводится мысль о смерти:

Hermosa clavellinita,
Criada al pie de la Sierra;
¡Qué lástima de carita
Que se la coma la tierra! [16, с. 48]²².

Есть примеры наблюдения за природой: автор коплы удивляется, увидев росток мяты:

Apena había nasío
La yerbita-güena,
Cómo se iban alimentandito
Las raíces de eya [16, с. 132]²³;

описывает аромат жасмина:

A clabo y canela
Güele mi jazmín,
Er que no güela a canela y clabo
No sabe estinguí [16, с. 131]²⁴;

¹⁸ Я готов сойти с ума, // Ведь с единственной лозы // Виноград другой собрал.

¹⁹ А ещё тебя люблю // Потому, что твою мать // Острым луком угощу.

²⁰ Расцвела в горшке гвоздика, // Куст взрастил розан прекрасный, // Доченьку отец лелеет // Соледад полна тоски! // Доченьку отец лелеет, // А вот для кого – не ясно.

²¹ Как печально, и как больно! // Утонули три розана // Как лучи в пучине тёмной!

²² Ах, прекрасная гвоздика // У подножья гор растёт. // Жаль, что этот светлый лик // Жадная земля сожрёт.

²³ Только-только появился // Мята маленький росток. // Как же соками питался, // Ведь так тонок корешок.

²⁴ Ведь корицей и гвоздикой // Пахнет мой жасмин. // Для того, кто их не нюхал, // Аромат не различим.

и даже делится опытом посевных работ:

Yo sembré en una maseta
La semiya del encanto
Y la fló e la violeta [16, с. 101]²⁵.

Есть куплеты-заклички, с помощью которых уличные торговцы цветами рекламируют свой товар:

Traigo lirios, traigo dalias,
Traigo las marimoñitas,
Las más bonitas de España [16, с. 83]²⁶.

Наряду с реальными растениями в народной песне присутствуют и вымышленные экземпляры: чёрные и жёлтые цветы у Бальмаседы и цветок глупости в сборнике Мачадо:

Las flores de mi jardín,
Salen negras y amarillas;
¡Están pintando mi llanto,
Mi tristeza y mi penilla! [12, с. 67]²⁷.
Tienes mucha fantesía;
Paese que tú has pisao
La fló e la tontería [12, с. 86]²⁸.

Таким образом фитонимы в песнях фламенко служат преимущественно для создания метафоры, аллегорического описания чувств и действий, однако одновременно знакомят читателя с обычаями, бытом и даже конкретными случаями из жизни жителей андалузских городов XIX века.

Среди зоонимов есть наименования домашних и диких животных, птиц и даже однажды упоминается рыба. Наиболее популярной является собака – в коплы включаются поговорки с этим словом:

Si te vás, á tu persona
Se le cumplirá el refrán:
Aquí los perritos ladran,
Mas *adelante* morderán [12, с. 52]²⁹.
Nó es tuyo, nó le éches pan,
Que perderás pan y perro,
Como lo dice el refrán [12, с. 95]³⁰.
Pierde er perro y pierde er pan
Quien da pan a perro ageno.
Yo no te he dao a ti er pan
Pa no perdé más que er perro [16, с. 119]³¹.

С собакой сравниваются женщины по таким признакам как преданность и длина шеи, при этом вывод делается совсем не в пользу дам:

Mas bale queré a un gargo
Que queré a una mujé
Que tenga er pescueso largo [16, с. 64]³².

²⁵ Я в один горшок посеял // Семена очарованья // И фиалки многоцветной.

²⁶ Приношу всегда я лилии, // Лютики и георгины – // Нет в Испании красивее.

²⁷ Распускаются в саду // Чёрно-жёлтые цветы. // То цвета моей тоски, // Плача и лихой судьбы.

²⁸ Выдумщица ты большая. // Будто впрямь ты наступила // На цветочек чепухая.

²⁹ Если ты уйдёшь, увидишь – // Правду люди утверждают: // Тут свои собаки лают, // Там – чужие покусают.

³⁰ Чужим псам хлеб не давай ты, // Чтоб в убытке не остаться – // Поговорка есть такая.

³¹ Пса чужого не приманишь, // Хлеб напрасно лишь потратишь. // Вот тебе не дал я хлеба, // И не велика потеря.

³² И, чем женщину любую, // Лучше уж любить борзую – // У неё длиннее шея.

Si er queré que puse en ti
Lo hubiera puesto en un perro,
Se viniera etrás e mí [16, с. 81]³³.

Есть копла, в которой проводится аналогия между поиском любимой и тем, как голодный пёс ищет кость; в другом же куплете говорится, что человека постигла собачья смерть.

Не менее популярны лошади и ослы, служившие основным транспортным средством в период сочинения этих произведений. В одном куплете человек мечтает обзавестись одной лошадиной силой, чтобы видеться с возлюбленной:

Quién tubiera inero
Para mantené
Un cabayito e esos e la posta
Para irte a bé [16, с. 157]³⁴.

В сборнике Бальмаседы целый ряд копл повествует о хищении домашнего скота и махинациях при продаже гужевых животных:

A mí me prendieron,
Por *vendé* un borrico,
Dije que tenía, *ná* más que tres años,
Y pasaba *é* cinco [12, с. 122]³⁵.
En menos que quiero,
Trasquilo un borrico,
Lo pongo buen mozo si es viejo,
Y le tiño el *jocico* [12, с. 125]³⁶.

У стихотворений про кражу животных схожий сюжет: отрицается факт кражи и утверждает-ся, что ослик, коник, козлик или барашек сам пошёл за человеком:

Me *jallé* un *bracó*,
Perdíó en un camino,
Y al *llamaslo* por vé si topaba,
En *segúia* se vino [12, с. 121]³⁷.

Чрезвычайно интересно аллегорическое стихотворение про козочку, которая символизирует девушку, не послушную родителям:

Bien me lo esía mi mare:
Cabrita que tira ar monte
No hay cabrero que la guarde [16, с. 37]³⁸.

Невозможно обойти вниманием одну цыганскую сегирилью – стиль, которому зачастую приписывают исконно цыганское происхождение и трагичный характер:

Obejitas eran blancas,
Y er *praíto* verde;
Er *pastorcito*, mare, que las guarda
E ducas se muere [16, с. 154]³⁹.

Дикие животные упоминаются в контексте описания отрицательных качеств второй половины – вскормлен(а) злой волчицей, с сердцем злого зверя, и даже может быть страшнее самых страшных животных:

³³ Если бы любовь к тебе // Обратил я на собаку, // То была бы верной мне.

³⁴ Эх, коль были б деньги, // Чтобы содержать // Скакуна ямского, // Тебя чтоб навещать.

³⁵ Вот ведь как попал в тюрьму: // Ослика я продал, // Говоря, что он трёхлеток, // А ему шестой шёл.

³⁶ Подготовлю я в момент // Ослика к продаже: // Молод станет, если стар, // Мордочку подкрашу.

³⁷ По дороге встретил я // Козла, что потерялся. // Вдруг бодливый? Я позвал, // Тотчас он примчался.

³⁸ Мама славно объясняла: // И пастух не упасёт // Козочку, что убежала.

³⁹ Белые овечки, // Зелёнький лужок. // От горя умирает // Их бедный пастушок.

A nadie yo le hé *temío*,
 Por nó *temé* ni á las fieras,
 Y á tu persona le temo,
 ¿Cómo quieres que te quiera? [12, с. 60]⁴⁰.

В одном четверостишии содержится история из жизнеописания христианского святого – Иеронима Стридонского (Софроний Евсевий Иероним 342-419), оказавшего услугу льву:

Espinita grande era,
 La que le saqué al león;
 Siendo fiera, me lamía,
 ¡Mira si lo *agraeció!* [12, с. 55]⁴¹.

Также лев противопоставляется хамелеону в куплете, описывающем различия между людьми, предположительно, мужчиной и женщиной:

Soy como el camaleón,
 Que se mantiene del aire;
 ¡Y tú eres león sangriento,
 Que se mantiene con carne! [12, с. 60]⁴².

Из птиц встречаются домашние куры-несушки и петух, голубка, просто птицы без уточнения породы и ворона – с ней в коплу включена народная поговорка:

Ya no puede ser er cuervo
 Más negro que son las alas;
 Ya no pueden ser mis penas
 ¡Niña de mi corasón!
 Ya no pueden ser mis penas
 Más grandes que las pasadas [16, с. 203]⁴³.

И, наконец, единственная рыба в коплах тоже упоминается в любовном контексте, но с отрицательной коннотацией – любовь прошла, и мужчина теперь нуждается в подружке не более, чем треска в шляпе:

Anda bete e mi lao,
 Que tú tienes para mí
 Sombriya e bacalao [16, с. 36]⁴⁴.

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать вывод, что фитонимы в большинстве случаев являются метафорой, что обеспечивает двойное прочтение коплам – как аллегорическое, так и буквальное. Наиболее часто упоминаются определённые породы деревьев и цветы, тогда как кустарники и культурные растения практически не представлены. Зоонимы чаще используются в прямом значении, а также в составе пословиц. Наиболее часто упоминаются домашние животные – собака, лошадь, осёл. Как правило, растения и животные служат для иносказательного выражения чувств, описания отношений и личных качеств людей. Вместе с тем, этот слой лексики в коплах не слишком разнообразен, что представляется естественным, если принять во внимание, что фламенко формировалось и бытовало на окраинах городов. Вместе с тем включение фитонимов и зоонимов создаёт особый колорит, служит для изображения ландшафта, описания занятий и менталитета людей, сочинивших эти сокровища испанского фольклора.

© Балматова Т.М., 2022

⁴⁰ Никого я не боялся, // Даже самых страшный бестий, // А тебя я испугался. // Как же можем быть мы вместе?

⁴¹ Шип огромный вынул я, // Облегчив страданья льва. // Зверь, а руки мне лизал – // Благодарность выражал!

⁴² Мне, как ящерке крылатой, // Воздух нужен, чтоб питаться. // Будто лев ты кровожадный // Мясом должен насыщаться!

⁴³ Даже самый чёрный ворон // Своих крыльев не чернее. // Мои нынешние беды // Сердца моего отрада! // Мои нынешние беды // Пережитых не сильнее.

⁴⁴ Всё, походи ты от меня. // Как для щуки новый зонтик – // Ты не больше мне нужна.

Список литературы

1. Гаврилова Т.И. Терминологическая микросистема «фитонимы» в обрядовой поэзии // Семнадцатые Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края: материалы Всероссийской (национальной) науч.-практ. конф., 18 марта 2020 г. Курск: Курская гос. сельхоз. академия им. проф. И.И. Иванова, 2020. С. 266-271.
2. Галицына Е. Г. Фитонимы в английских фольклорных и литературных памятниках // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Екатеринбург: УФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. С. 18-22.
3. Гишкаева Л.Н. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: диссертация ... кандидата филологических наук / Л.Н. Гишкаева. Москва, 2012. 243 с.
4. Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: диссертация ... кандидата филологических наук / А.М. Летова. Москва, 2012. 198 с.
5. Морогова П. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном испанском языке // Collegium linguisticum – 2019. М.: МГЛУ, 2019. С. 21–22.
6. Рахман А.И. Инвективные зоонимы в испанском языке // Труды молодых учёных: Сб. статей студентов и аспирантов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2017. С. 154–163.
7. Смирнова Е.В. Культурные доминанты в языковой картине мира испанцев: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.В. Смирнова. Москва, 2015. 206 с.
8. Супряга С.И. Фитонимы и зоонимы иноязычного происхождения в текстах русских народных песен // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»). Материалы Межд. науч. конф. – Курск: Изд-во КГУ, 2020. С. 178–183.
9. Ткаченко Т.С. Символизм фитонимов в фольклоре / Т.С. Ткаченко, Ю.К. Картавая // Личность и общество в современной культуре: Сб. статей II Межд. науч.-практ. конф., 01 февр. 2018 г. Челябинск: ООО НИЦ «Антровита», 2018. С. 76-80.
10. Хорошавина А.Г. Устойчивые выражения, содержащие зоонимы, в испанском языке как переводческая трудность / А.Г. Хорошавина, Р.Д. Валева // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 4(9). С. 26–28.
11. Шаймарданова Г.М. Фитонимы в русской и башкирской фольклорной картине мира // Вестник Башкирского гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы. 2019. № 2(50). С. 138–141.
12. Balmaseda y González M. Primer cancionero de coplas flamencas populares según el estilo de Andalucía (1881) / M. Balmaseda y González. Sevilla: Signatura ed., s.a. 142 p.
13. Barra Jover M. “Razón de amor”: texto crítico y composición // Revista de literatura medieval. № 1, 1989. P. 123–156.
14. Borrás Dalmau L. Los artículos lexicográficos de zoónimos en diccionarios españoles de lengua general. Tesis de Doctorado / L. Borrás Dalmau. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. 2004. 469 p.
15. Cáceres-Lorenzo M. Fitónimos en el español panhispánico: pervivencia e innovación / M. Cáceres-Lorenzo, M. Salas-Pascual. Madrid/Frankfurt: Iberoamericana/Vervuert. 2020. 147 p.
16. Cantes flamencos recogidos y anotados por Antonio Machado y Álvarez (Demófilo). Barcelona: DVD ed. 1998. 237 p.
17. Szyndler A. Zoomorfismos fraseológicos del español y del polaco. Un estudio contrastivo desde el punto de vista de la lingüística cultural / A. Szyndler. Katowice. 2014. 316 p.

References

1. Gavrilova, T.I. Terminologicheskaya mikrosistema «fitonimy» v obriadovoi poezii [Terminological microsystem “fitonyms” in ritual poetry] // *Semnadsatye Damianovskie chteniya: Russkaya pravoslavnaia tserkov' i obshchestvo v istorii Rossii i Kurskogo kraia: materialy Vserossiiskoi (natsional'noi) nauch.-prakt. konf., 18 marta 2020 g.* Kursk: Kurskaia gos. sel'khoz. akademiia im. prof. I. I. Ivanova, 2020. P. 266-271.
2. Galitsyna, E.G. Fitonimy v angliiskikh fol'klornykh i literaturnykh pamiatnikakh [Phytonyms in English folklore and literary monuments] // *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka.* Ekaterinburg: UFU im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2014. P. 18-22.
3. Gishkaeva, L.N. *Frazeologizmy s komponentami-zoonimami i fitonimami v sovremennom pireneiskom i meksikanskom natsional'nykh variantakh ispanskogo iazyka* [Phraseologisms with components-zoonyms and phytonyms in the modern Pyrenean and Mexican national variants of the Spanish language]: dis... kand. filol. nauk. Moscow, 2012. 243 p.
4. Letova, A.M. *Semanticheskie osobennosti fitonimov v russkom fol'klоре* [Semantic features of phytonyms in Russian folklore]: dis... kand. filol. nauk. Moscow, 2012. 198 p.
5. Morogova, P. *Frazeologizmy s komponentami-zoonimami i fitonimami v sovremennom ispanskom iazyke* [Phraseologisms with zoonyms and phytonym components in modern Spanish] // *Collegium linguisticum – 2019.* Moscow: MGLU, 2019. P. 21-22.
6. Rakhman, A.I. *Invektivnye zoonimy v ispanskom iazyke* [Inveictive zoonyms in Spanish] // *Trudy molodykh uchenykh: sbornik statei studentov i aspirantov filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosov.* Moscow: ООО «МАКС Пресс», 2017. P. 154-163.
7. Smirnova, E.V. *Kul'turnye dominanty v iazykovoi kartine mira ispantsev* [Cultural dominants in the linguistic picture of the world of the Spaniards]: dis... kand. filol. nauk. Moscow, 2015. 206 p.

8. Supriaga, S.I. Fitonimy i zoonimy inoiazыchnogo proiskhozhdeniia v tekstakh russkikh narodnykh pesen [Phytonyms and zoonyms of foreign language origin in the texts of Russian folk songs] // *Sintez traditsii i novatorstva v literature, iazyke i kul'ture* («Fetovskie chteniia»). *Materialy Mezhd. nauch. konf. Kursk: Izd-vo KGU*, 2020. P. 178-183.
9. Tkachenko, T.S. Simvolizm fitonimov v fol'klоре [The symbolism of phytoonyms in folklore] / T. S. Tkachenko, Iu. K. Kartavaia // *Lichnost' i obshchestvo v sovremennoi kul'ture: Sb. statei II Mezhd. nauch.-prakt. konf., 01 fevr. 2018 g.* Cheliabinsk: OOO NITs «Antrovita», 2018. P. 76-80.
10. Khoroshavina, A. G. Ustoichivye vyrazheniia, sodержashchie zoonimy, v ispanskom iazyke kak perevodcheskaia trudnost' [Fixed expressions containing zoonyms in Spanish as a translation difficulty] / A. G. Khoroshavina, R. D. Valeeva // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2014. № 4(9). P. 26-28.
11. Shaimardanova, G.M. Fitonimy v russkoi i bashkirskoi fol'klорnoi kartine mira [Phytonyms in the Russian and Bashkir folklore picture of the world] // *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*. 2019. № 2(50). P. 138-141.
12. Balmaseda y González M. *Primer cancionero de coplas flamencas populares según el estilo de Andalucía (1881)* / M. Balmaseda y González. Sevilla: Signatura Ediciones de Andalucía, S.L., s.a. 142 p.
13. Barra Jover M. “Razón de amor”: texto crítico y composición // *Revista de literatura medieval*. 1989. № 1. P. 123-156.
14. Borrás Dalmau L. *Los artículos lexicográficos de zoónimos en diccionarios españoles de lengua general*. Tesis de Doctorado. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. 2004. 469 p.
15. Cáceres-Lorenzo M. *Fitónimos en el español panhispánico: pervivencia e innovación* / M. Cáceres-Lorenzo, M. Salas-Pascual. Madrid/Frankfurt: Iberoamericana/Vervuert. 2020. 147 p.
16. *Cantes flamencos recogidos y anotados por Antonio Machado y Álvarez (Demófilo)*. Barcelona: DVD ed. 1998. 237 p.
17. Szyndler A. *Zoomorfismos fraseológicos del español y del polaco. Un estudio contrastivo desde el punto de vista de la lingüística cultural* / A. Szyndler. Katowice. 2014. 316 p.

Сведения об авторе:

Балматова Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, Москва. В область научных интересов входит испанский литературный процесс XX-XXI вв., литература и традиционная культура фламенко в их взаимовлиянии, грамматика, синтаксис и стилистика произведений современной испанской литературы. E-mail: blmt@ya.ru

About the author:

Balmatova Tatiana Mikhailovna – Assistant Professor of the Spanish Language Department, MGIMO. Spheres of interest: Spanish Literature of the first half of the 20-21th centuries, the interaction of traditional flamenco culture and literature of that period; the grammatical, stylistic and syntactic aspects of contemporary Spanish literature. E-mail: blmt@ya.ru

* * *

PECULIARITIES OF VERBAL COMMUNICATION OF SOME YOUTH SUBCULTURAL REPRESENTATIVES IN SPAIN

Victoria V. Yakovleva, Rushana R. Alimova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This article is dedicated to the investigation of the most characteristic peculiarities of the identification mode of certain subcultural representatives compared to the main or dominant culture expression. To this end, the article analyses, firstly, the evolution of the term “culture” and the emergence of the “subculture” phenomenon, the history of the so-called urban tribes formation into a new social phenomenon, as well as the correlations between such concepts as “dominant culture” and “subculture”, “dominant culture” and “counterculture”. Secondly, in the article are described some vestimentary code features and the verbal realization of the identity of bakala, choni and cani subcultures, belonging to the so-called “poligono” groups, numerically superior to other groups composed by marginal young people. From the point of view of the language of these subcultures, they belong to the category of vernacular, based on a mixture of the Andalusian vernacular and a criminal slang. In this regard, the article considers the formation of the slang of similar social groups, the trends in their use of word-formation models and the grammatical design of sentences, as well as the graphical manifestation of their speech features using the examples from video and audio recordings of informants, interviews and blogs of the world youth fashion and show-business representatives. The study of a graphic speech representation can be used to investigate tendencies in word reduction or replacement with icons, as well as other features in the language of Internet forums, commentaries on publications and other forms of communication in the Internet.*

The relevance of this article is in the speech analysis of modern Spanish subcultural representatives that have emerged over two decades and existed in all major cities of Spain, have a certain influence on the speech behavior of politicians and have given new lexical units included in the Royal Spanish Academy dictionary. The article contains not only linguistic, but also extralinguistic material, which can be used in lexicology, linguistic studies, linguoculturology and in the teaching of related disciplines and may be of interest to a wide audience studying Spanish.

Keywords: *Spanish, society, culture, cultural characteristics, cultural code, subculture, jargon, vestimentary code, cultural identity, non-verbal communication*

For citation: Yakovleva, V.V., Alimova, R.R. (2022). Peculiarities of Verbal Communication of Some Youth Subcultural Representatives in Spain. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 114–121. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-114-121>

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕКОТОРЫХ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР ИСПАНИИ

В.В. Яковлева, Р.Р. Алимова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме выявления особенностей способов самовыражения представителей субкультур определённого типа и их соотношения с поведением носителей доминантной культуры. С этой целью в статье анализируется, во-первых, эволюция термина «культура» и появление феномена субкультуры, история формирования так называемых городских племён в новое социальное явление, а также соотношение таких понятий как доминантная, или доминирующая, культура, субкультура и контркультура; во-вторых, описываются особенности вербального воплощения идентичности носителей субкультур *bakala*, *choni* и *saní*, относящихся к субкультурам так называемых дворовых групп, численно превосходящих остальные группы. С точки зрения языка данных субкультур они относятся к категории просторечных, речевое поведение которых основано на использовании смешения андалузского просторечия и криминального жаргона. В связи с этим в статье рассматривается вопрос формирования жаргона подобных социальных групп, тенденции в использовании ими словообразовательных моделей и грамматического оформления высказываний, а также графического проявления их речевых особенностей на примерах, взятых из материалов видео и аудиозаписей информантов, интервью и блогов представителей мира молодёжной моды и шоу-бизнеса. Актуальность настоящей статьи состоит в том, что в ней анализируется речь представителей современных испанских субкультур, сформировавшихся за последние десятилетия и проживающих во всех крупных городах Испании, оказавших известное влияние на речевое поведение политиков и давших новые лексические единицы, включённые в словарь Королевской академии испанского языка. Анализ графики представителей описываемых субкультур может послужить материалом для исследования тенденций к сокращению слов или замене их значками, а также иных особенностей, проявляющихся в языке интернет-форумов, комментариев к публикациям и иных формах коммуникации в интернет-пространстве. Статья содержит не только лингвистический, но и экстралингвистический материал, который может быть использован в курсе лексикологии, лингвострановедения, лингвокультурологии и в преподавании смежных дисциплин, а также может быть полезен для дальнейших исследований в области испанистики.

Ключевые слова: испанский язык, социум, культура, культурные особенности, культурный код, субкультура, жаргон, вестиментарный код, культурная идентичность, невербальная коммуникация

Для цитирования: Яковлева В.В., Алимова Р.Р. (2022). Особенности речевого поведения представителей некоторых молодёжных субкультур испании. *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 114–121. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-114-121>

Настоящая статья выполнена в русле актуальных исследований на стыке когнитивной лингвистики и социолингвистики, что обусловило научную новизну нашей работы.

Социолингвистические исследования, впервые начатые в XVII веке в университете Саламанки Гонсало де Корреасом, показали тесную взаимосвязь формы существования языка и особенностей говорящих на нём представителей языковой общности с точки зрения их возраста, социального и экономического положения, их интересов и увлечений, профессий и ремесла. Изучение обусловленности языковых процессов и явлений социальной сферой жизни общества приобрело особенно активный характер в XX веке в работах, например, И.А. Бодуэна де Куртенэ, придававшего большое значение социальной стороне языка, поскольку его существование возможно только в «человеческом обществе»; Ш. Балли, отмечавшего социальную обусловленность дифференциации средств языка по сферам общения; Е.Д. Поливанова, утверждавшего, что язык в своём развитии зависит от темпов развития общества, с некоторым, однако, отставанием от социальных изменений; Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачёва, указывавших на необходимость изучения некодифицированных сфер языка, жаргонов, аргос для понимания внутренней структуры национальных языков. На современном этапе социолингвистические исследования характеризуются системным подходом, количественно-статистическим анализом языковых явлений, тесной взаимосвязью лингвистического и социологического аспектов (Дж. Фишман, У. Лабов).

Описание и анализ феномена субкультуры невозможны без соотнесения этого понятия с понятием *культура*, изучением которого занимаются философы, социологи, культурологи, филологи, психологи. Философский энциклопедический словарь [6] рассматривает определение *культуры* в первую очередь как обработку и возделывание земли, пригодной для нужд человека. В дальнейшем было введено понятие *cultura animi* как совершенствование телесных и духовных склонностей и способностей человека, свойственных в своей совокупности народу или группе народов.

Словарь русского языка С.И. Ожегова [7] дополняет трактовку понятия *культура*, обращаясь к сельскохозяйственной и технической областям, а также подчёркивает высокий уровень какого-либо достижения.

«Новая философская энциклопедия», давая определение *культуры*, делает акцент на историческом развитии поведенческих моделей, принятых в обществе [3].

Как видим, эволюция термина прошла от возделывания почвы через возделывание души к общему объёму накопленных духовных и поведенческих ценностей, отражающих и обеспечивающих весь спектр проявлений социальной жизни человечества в целом, отдельного народа, лингвокультурного сообщества и человека в частности.

Таким образом, наряду с культурой всего человечества, отдельно взятого народа или этноса, становятся значимыми и культурные особенности, свойственные более частным общностям, характеризующимся конкретными социальными чертами и функциями и являющимся компонентами общей доминантной культуры. Различные субкультуры призваны выполнять эту важную роль. Одним из способов анализа феномена культурного расслоения современного общества является теория субкультур, рассматривающая субкультуру не как самостоятельную целостность, но как часть социума, представляющего собой общую систему, в пределах которой и складывается культурный код каждой субкультуры [8].

Любое развитое общество содержит такие социальные образования, которые отличаются от преобладающей, доминантной культуры, носящей нормативный для социума характер, по ряду признаков: таковыми могут быть стиль поведения, манера одеваться, морально-культурные ценностные ориентации, обычаи и ритуалы, речевое поведение. В какой момент возникают подобные социальные образования? А именно в тот момент, когда в индустриальном обществе уже сформирована система социальных классов. Индустриальное общество складывается в крупных городах, нуждающихся в рабочей силе для фабрик и заводов в первую очередь, и таким образом формируется новый класс, представители которого уже не являются ни крестьянами, ни торговцами, ни кем-то иным. Они становятся городским классом и нуждаются в поиске собствен-

ного образа, самовыражения, идентичности. Так городские племена становятся субкультурами, которые существуют внутри доминантной культуры, но имеют общие для их представителей ценности и эстетику, атрибутику и символику [2, с. 93]. Помимо принятых правил поведения участники субкультур вырабатывают особые, присущие только им формы вербальной и невербальной коммуникации. Немаловажным становится для каждой субкультуры специфический вестиментарный код, поскольку он несёт информацию о социальном классе будущего собеседника, его принадлежности к молодёжной группе, помогает узнать «своего» и отличить его от чужака [4, с. 76]. Набор подобных кодов основан на социальном статусе носителей субкультуры, их образе жизни, районе проживания или этнической принадлежности. С помощью этих кодов субкультуры приобретают особенности, идентифицирующие их, отличающие их от других субкультур. Насыщенность социума субкультурами, по мнению К. Фишера, определяется степенью урбанизации места его проживания. Таким образом, наибольшую концентрацию субкультурных образований содержит именно город [12].

Т. Роззак в 1968 году ввёл термин «контркультура» для обозначения целостного мировосприятия, противостоящего доминирующей культуре и отрицающего её базовые ценности [14]. В отличие от субкультуры, которая содержит протест на уровне сознания и поведения личности, контркультура стремится изменить общество, его ценности.

Активности в социальных процессах молодёжные субкультуры достигли к 60-70 годам XX века, мировоззрение и ценностные ориентации последующих поколений формировались под воздействием созданных ими кумиров и идиологов. Интерес к субкультурам появляется у молодёжи в период кризиса поколений: создавая культ из имиджа, субкультуры предлагают новую эстетику, новые формы самоидентификации, самоутверждения в социуме, новый образ жизни. Однако не только в удовлетворении подобных потребностей молодёжи заключается основная роль субкультур [9, с. 203]. Стремление к поиску идентичности приводит к выработке у представителей субкультур не только вестиментарного кода воплощения своего мировоззрения, атрибутики и способов невербальной коммуникации, но и к формированию особого речевого поведения, в основе которого лежит жаргон.

Жаргон (франц. *argot*, исп. *jerga*) – это социально-групповой диалект, служащий, во-первых, средством общения между членами определённой группы и выполняющий тем самым коммуникативную функцию; во-вторых, он маркирует принадлежность говорящего к определённой группе или общности, отражая тем самым его желание остаться непонятым для не принадлежащих к этой группе остальных носителей языка, – в этом проявляется криптолалическая функция жаргона» [1, с. 4].

Изначально жаргоном называлась речь представителей криминальных и маргинальных социальных групп, пользующихся особой закодированной лексикой, делавшей их язык непонятым для непосвящённых. Однако эта изначальная «секретная» роль жаргона постепенно расширилась, приобрела новые формы. Сегодня, когда речь идёт о профессиональном, молодёжном, студенческом и школьном жаргоне, жаргоне интернет-пользователей и многих других, то имеется в виду такой язык социальных групп, общение на котором происходит в комфортной для говорящих на нём лиц ситуации. Таким образом, в ситуации общения единомышленников, объединённых общими интересами, основной функцией жаргона становится коммуникативная.

Жаргон – это естественное явление в языке любой лингвокультурной общности, поскольку отвечает потребностям определённых социальных групп этой общности. К подобным социальным группам относятся *tribus urbanas*, «городские племена», или субкультуры.

Наиболее яркими и индивидуализированными в своём речевом поведении являются представители субкультур *bakala* и *choni/cani*. Рассматриваемые молодёжные субкультуры *choni/cani* и *bakala* принадлежат к группе образа жизни, которую предлагает выделить А.В. Толстых [5, с. 340]. Это так называемые дворовые компании окраин больших городов, *poligoneros*.

Bakala появились в Валенсии в начале девяностых как субкультура завсегдаев недавно открывшихся и быстро ставших популярными ночных дискотек. Они перемещались из одного заведения в другое и за ночь обходили как можно большее количество клубов, где звучала элек-

тронная музыка, называемая в Испании *música bakalao* и давшая название этой субкультуре. Такой ночной маршрут назывался *Ruta de Bakalao*. *Bakala* носили спортивную одежду и бейсболки, массивные золотые цепочки и браслеты, они и положили начало популярному сегодня стилю спорт шик.

Речь *bakala* отличается некоторыми фонетическими особенностями: звук [s] они произносят как [h] – *eh que, atahco (es que, atasco)*. Такое произношение характерно для жителей окраин Мадрида и многих крупных городов. Кроме того, говорят они очень громко, следуя привычке первых *bakala*, которым приходилось перекрикивать шум дискотек. Позже эта связь с громкой музыкой исчезла, но громкая речь превратилась в отличительный знак этой субкультуры.

Ещё одной особенностью речи представителей данной группы является использование компонентов *CO* и *NENG*, которые они присоединяют к окончанию слов или целых фраз:

- *¿Que pasa/paha/ co? Co, pero co, Le dije a un colegui co el otro día, co tío. Y me dijo: ey, co, no me vaciles co.*

Компонент *CO* чаще встречается в речи арагонских *bakala*, в остальных автономных сообществах Испании более частотным является компонент *NENG*, давший имя персонажу популярных комиксов и юмористической передачи на канале Antena 3.

- *Somos colegas de la calle, pero de verdad, neng, ¿sabes?, neng, que luego la peña te toma el pelo y no te respeta, neng, y yo nunca voy a faltar a mis colegas, neng, siempre voy a estar con vosotros.*

В своё время этот персонаж стал настоящим медийным феноменом: его фирменная приписка *¿qué passa neng?* звучала вместо телефонных звонков, его изображение появлялось на обложках журналов и в рекламных роликах. И хотя этот персонаж задумывался как пародия на такие субкультуры как *bakala*, они стали считать его проводником своего образа жизни в обществе.

Типичными чертами речевого воплощения субкультуры *bakala* стали короткие формы императива (*pirate, pillate un taxi, a callarse, a pararse*), повторы при употреблении компонентов *у* и *que* в различных значениях, ограниченное число используемых прилагательных с оценочным значением (*bueno, guapo, guay*).

- *¿Tú tienes churri o qué, neng? ¿Está buena o qué, neng? -Lo he pillado, lo del retrato robot. La nariz requieña, que yo la tengo muy grande, que le vas a dar un muerdo, neng, y dices...*

В начале 2000-х гг., однако, эта субкультура потеряла свою актуальность вместе с угасанием моды на электронную музыку *bakalao* и уступила место субкультуре *choni* и *cani*.

Так же, как и *bakala*, *choni/cani* относятся к так называемым дворовым группам, компаниям *poligoneros*.

Исследователи испанских субкультур предполагают, что название *choni/cani* образовано от англоязычного жаргонного наименования рабочей молодёжи *chav, charver, chava*. Такое происхождение термина свидетельствует о классовом или социальном положении данной группы в большей степени, чем о принадлежности *choni* к субкультурам образа жизни [13]. Подобный социальный статус *choni* у *cani* не может не находить отражения в их основных характеристиках: отсутствие интереса к образованию, и как следствие отсутствие постоянного места работы, требующего профессиональной подготовки, склонность к проявлению агрессии и провоцированию ссоры. Эти черты тонко подметил Антонио Бургос, журналист, занимающийся аналитикой политической ситуации в Испании, который провёл параллели между поведением *cani* и некоторых представителей политических кругов новой формации.

Вестиментарный код *choni/cani* идентичен коду *bakala*: спортивные костюмы как неотъемлемая форма одежды, крупные блестящие украшения. При этом представительницы данной субкультуры *choni* предпочитают яркие вызывающие цвета во всём: от одежды до маникюра и макияжа, что заставляет воспринимать такую девушку как олицетворение дурного вкуса. Именно поэтому слово *choni* в последние годы стало употребляться в значении «вульгарная, пошлая, не имеющая вкуса». Однако это не относится к мужской половине субкультуры *cani*, несмотря на их не меньшую любовь к массивным цепям и браслетам, пирсингу и татуировкам. И если девушки, представляющие эти дворовые группировки, называются только *choni*, то наименований для

мужчин гораздо больше и зависеть они могут от района проживания или автономной области: *jinchos, co, los burracos, anganos, los quillos/killos, majolillos*.

Т.Б. Щепанская относит субкультуры, подобные *bakala, choni/cani*, к категории просторечных [8], поскольку отсутствие интереса и мотивации к получению образования, и, напротив, криминальные наклонности, характеризующие эти субкультуры, не могли не отразиться на их языке. В основе речевого воплощения *cani/choni* лежит смешение цыганского криминального жаргона и андалусийского просторечья. Для такого «коктейля» характерны особые модели в словообразовании, не слишком широкий арсенал лексических единиц и, конечно, особенности произношения. Однако особый интерес представляет их графика, к которой мы обратимся ниже.

Среди фонетических особенностей заметно удлинение согласной [s] в позиции между гласными в словах недлительного звучания, как правило, состоящих из двух слогов: *¡me gusta esso! ¿qué asseh? = ¿qué haces? ¿qué isse? = ¿qué dices?* Однако в конце слова или перед согласной наблюдается обратный процесс: она не произносится вовсе, а на письме трансформируется в *h* – *loh peloh, lah rubiah, ereh, buhcah*. С точки зрения словообразования, речь *cani/choni* характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, усечение начальных частей основ слов: *quillo/-a* или *killo* или *quiyo = chiquillo, ira = mira, amo = vamos, chacho = muchacho*. С другой стороны, создание гибридных форм, получаемых путём слияния двух или более слов, одно из которых уже является усечённым: *tukereh/ tuckerun* от *tú qué eres (un), surmano/surman*, от *su hermano, damun lero = dame un euro*.

В определённых ситуациях *choni* и *cani* используют составные фразы, типичные для коммуникации в кругу «своих»:

¡Kha teh paha en la boca?! = ¿Qué te pasa en la boca? – реакция на не понятное по смыслу высказывание.

¡Амоооооо! ¡Отааааа q warооооо! = «Vamos, qué guarо» – используется для выражения восхищения.

¿A que te bufo? – с интонацией угрозы предупреждает о грядущей драке.

¡Ke jarte tiene mi arma! = «!Que arte tienes, mi alma!» – выражает похвалу другому *cani*.

¿Saeh qué te quieoh desí o no? = «¿Sabes qué te quiero decir o no?» – используется, чтобы удостовериться в том, что собеседник *cani* внимательно его слушает.

¿Ave o no? или *¿e o no?* = *¿Sabes o no?* – обычно этой фразой *choni* подводит итог предшествовавшему высказыванию.

Enga amonos ke etsa gente no tiene ná. = «Venga, vámonos, que esta gente no tiene nada» или *¡Ke yo «tsoi» mu loko!* = «Que yo soy muy loco» – финальная фраза при окончании спровоцированной ссоры.

Acho loko = Muchacho loco – положительная характеристика, даваемая *cani* другому *cani*. Среди *cani* принято обращение *Sosio = colega* к мужчине, *piba, pava* – к девушке, при этом, если *choni* и *cani* называют одного из своих «соплеменников» по имени, то используют несколько видоизменённый определённый артикль, маркирующий принадлежность к одной группировке: *é Rafa, é Mígue, é Gabi, la Rosi, la Mári* [9, с. 205] – отсутствие артикля отличает чужака. Женскому имени собственному в этом случае может предшествовать элемент, заменяющий артикль, *Sha*. При обращении к мужчине этот элемент имеет форму *Se* или *Er*. После имени собственного при обращении к девушке *choni* зачастую используют эпитеты *chula, guara, morena* и т.д.: *Sha Marujah chulah*.

Представляет интерес также и графическое воплощение речи носителей этой субкультуры. В первую очередь оно обусловлено отсутствием у них образованности и спецификой произношения, что становится очевидным во фразах, подобных следующей: *¿Te gutan lah kiya? = ¿Te gustan las chiquillas?* Здесь можно наблюдать сразу три типа ошибок, маркирующих графику *choni/cani*: выпадение *S* перед согласной, замена одних согласных другими, включая упрощение орфографии, связанное с правописанием *C/QU*, а также несоответствие форм множественного числа глагола и артикля форме единственного числа существительного. «Письменность» *choni* и *cani* отмечена ещё одной характерной чертой: повышенной частотностью использования буквы «h», причём не только как заместителя согласной «s», как можно было бы ожидать, учитывая особенности произ-

ношения этих групп. Но «h» появляется даже в самых неожиданных позициях (*Monchoh, ke ehtah asiendoh?* = Moncho, ¿qué estás haciendo?). Кроме того, Choni и cani ввели в употребление букву «k», традиционно используемую в словах иностранного происхождения и заимствованиях, тем самым облегчая себе орфографию при отображении звука [к] на письме (ke, loko, bakala).

Не менее интересное графическое явление можно наблюдать в оформлении текстов посланий представителей этой субкультуры: являясь последователями культуры bakala и стремясь передать громко звучащую на шумных дискотеках речь, они в хаотичном порядке используют чередование строчных и заглавных букв, причём применяют этот приём не только в оформлении фразы в целом: подобный калейдоскоп можно наблюдать в написании одного, даже короткого, слова. Таким незатейливым способом создаётся не только эффект повышения или понижения тона, но и передаётся эмотивная составляющая высказывания:

sHa mAriiAh sHulAA !!! mAioR de lAh rUbiah!!! Ke Passaaa niNia!!! KeREmoh Yo y eR RoBer VeRTe PRoNTo xa esCuxAr la mUsica eiiNN ??? Ke Lo ZePa Tuu !!!! 1 bEsSoo !! y CuiaTe !!!!» что означает: «!La María chula! ¡La mayor de las rubias! ¿Qué pasa, niña? El Rober y yo queremos verte pronto para escuchar la música. Que lo sepas. ¡Un beso y cuídate!».

Особенности речевого поведения представителей рассматриваемых субкультур, проявляющиеся как в устной форме, так и в письменной, в первую очередь обусловлены общим низким уровнем образованности, отсутствием мотивации и желания получать образование, а также классовой принадлежностью и образом жизни. Этим объясняется большая доля жаргонизмов, нарушение норм орфографии и орфоэпии, синтаксиса и пунктуации, упрощение графики в целом, присущие их языку. Оба этих фактора позволяют отнести данные субкультуры к типу дворовых, или просторечных, и анализировать их язык с точки зрения ненормативного использования. Однако, choni и cani интересны не только как субкультуры: включение лексической единицы choni в Словарь испанского языка Королевской академии в 2014 году с определением *chabacano, vulgar* [11] (пошлая, не имеющая вкуса) свидетельствует о его частотном употреблении. Кроме того, феномен choni у cani в политической среде применительно к молодым политикам новой формации, по мнению упомянутого выше А. Бургоса, может объясняться не только растущей безработицей или эскалацией агрессивных настроений в обществе в целом, но и такими частными на первый взгляд явлениями, как провал реформы школьного образования, смена ценностных ориентаций и отрицание подростками авторитета старшего поколения, учителей и родителей [10].

Тем не менее, подобные проявления речевого поведения присущи представителям определённых слоев общества и не могут остаться вне поля зрения современных исследователей.

© В.В. Яковлева, Р.Р. Алимova, 2022

Список литературы

1. Денисова А.П. Современный испанский жаргон. Москва: Российский университет дружбы народов, 2007. 104 с.
2. Латышева Т. В. Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы // *Социологические исследования*. 2010. №6. С. 93–101.
3. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
4. Сливчикова Ю.В. Костюм женщины-политика сквозь призму манипулятивных возможностей испанского газетно-публицистического дискурса// *Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2016, № 2. С. 76–89.
5. Толстых А.В. Подросток в неформальной группе// *Психология развития*./ Под ред. А.К. Болотовой и О.Н. Молчановой. М: ЧеРо, 2005. с. 337–342.
6. Философский энциклопедический словарь/ Под ред. Е.Ф. Губского. М: ИНФРА-М, 2009.
7. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М: Русский язык, 1991.
8. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур \\\ Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003 [Электронный ресурс]: URL: <http://roehaly.narod.ru/subcult-f.htm> (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
9. Яковлева В.В. Заметки о choni, cani и особенностях их языка//IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках. Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 203–207.

10. Antonio Burgos. Los canis al poder //ABCdeSevilla. 15.03.2010 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.abcdesevilla.es/20100315/sevilla-opinion-firmas/canis-poder-201003142338.html> (Дата доступа: 11 июля 2020г.)
11. Diccionario de la Real academia española [Электронный ресурс]: URL: www.rae.es/ (Дата доступа: 12 июля 2020г.)
12. Fischer C. The urban experience. N. Y, 1984. 371 p.
13. Marina Scofield. Por qué deberías dejar de usar la palabra choni// Elle. 01.08.2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.elle.com/es/living/ocio-cultura/a22195432/por-que-deberias-dejar-de-usar-la-palabra-choni/> (Дата доступа: 11 июля 2020г.)
14. Rozak T. The Making of a Counter-Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Yuthful Opposition. Garden City, 1969. 313 p.

References

1. Denisova, A.P. *Sovremenny ispanskiy zhargon* [Modern Spanish slang]. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2007. 104 s.
2. Latysheva, T. V. Fenomen molodezhnoi subkul'tury: sushchnost', tipy // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. [The phenomenon of youth subculture: essence, types // Sociological studies] 2010. №6. S. 93–101.
3. *Novaia filofskaia entsiklopediia*, gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ (accessed: 12 July 2020.)
4. Slivchikova, Ju.V. Kostium zhenshchiny-politika skvoz' prizmu manipuliativnykh vozmozhnostei ispanskogo gazetno-publitsisticheskogo diskursa [Women's power dressing in the light of the manipulative capabilities of the Spanish political discourse] // *Vestnik RUDN, seriia Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, № 2. S. 76-89.
5. Tolstykh, A.V. Podrostok v neformal'noi gruppe // *Psikhologiya razvitiia*. [A teenager in an informal group // Development Psychology] / Pod red. A.K. Bolotovoi i O.N. Molchanovoi. M: CheRo, 2005. S. 337-342.
6. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*. [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / Pod red. E.F. Gubskogo. M: INFRA-M, 2009.
7. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Russian language dictionary]. M: Russkiy iazyk, 1991.
8. Shchepanskaia, T.B. Traditsii gorodskikh subkul'tur *Sovremenny gorodskoi fol'klor* [Traditions of urban subcultures *Modern urban folklore*]. M.: RGGU, 2003, poehaly.narod.ru/subcult-f.htm (accessed: 12 July 2020)
9. Yakovleva, V.V. Zametki o choni, cani i osobennostiakh ikh iazyka [Notes on choni, cani and their language features] // *IV Firsovskie chteniia. Iazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh. Materialy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language in modern discursive practices. Proceedings of the International scientific-practical conference]. Rossiiskii universitet druzhby narodov. 2019. S.203–207.
10. Burgos, A. Los canis al poder// *ABCdeSevilla*. 15.03.2010, www.abcdesevilla.es/20100315/sevilla-opinion-firmas/canis-poder-201003142338.html (accessed: 12 July 2020.)
11. *Diccionario de la Real academia española*, www.rae.es/ (accessed: 12 July 2020.)
12. Fischer, C. *The urban experience*. N. Y, 1984. 371 p.
13. Scofield, M. Por qué deberías dejar de usar la palabra choni// *Elle*. 01.08.2018, www.elle.com/es/living/ocio-cultura/a22195432/por-que-deberias-dejar-de-usar-la-palabra-choni/ (accessed: 11 July 2020).
14. Rozak, T. *The Making of a Counter-Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Yuthful Opposition*. Garden City, 1969. 313 p.

Сведения об авторах:

Яковлева Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дидактика, лингвокультурология, лексическая семантика, когнитивная лингвистика, переводоведение.

E-mail: cosvic@mail.ru, v.yakovleva@my.mgimo.ru

Алимова Рушания Рашитовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: дидактика, лингвокультурология, методика преподавания, когнитивная лингвистика, переводоведение.

E-mail: ralimova@mail.ru, r.alimova@my.mgimo.ru

About the authors:

Victoria V. Yakovleva – PhD, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO University. Spheres of research and professional interests: didactics, linguoculturology, lexical semantics, cognitive linguistics, translating. E-mail: cosvic@mail.ru, v.yakovleva@my.mgimo.ru

Rushana R. Alimova – PhD, Associate Professor of the Department of Spanish, MGIMO-University. Spheres of research and professional interests: didactics, linguoculturology, methods of teaching, cognitive linguistics, translating. E-mail: ralimova@mail.ru, r.alimova@my.mgimo.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-1-30-122-124

LECTURES AT THE UNIVERSITY OF GDANSK 2022

Grigory Kazakov

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *This publication is a summary of the lectures given by the author to the students and faculty of the University of Gdansk in January 2022. Their topics included recent trends in polyglot studies (research on polyglottery), personal experience of exploring the Japanese language and culture, and input as a factor in language learning.*

Keywords: *polyglot, polyglottery, Japanese language, Japanese culture, language learning, input, language level, vocabulary size, psycholinguistics, University of Gdansk*

ЛЕКЦИИ В ГДАНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 2022 Г.

Г.А. Казаков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Настоящая публикация представляет собой краткий обзор лекций, прочитанных автором перед студентами и преподавателями Гданьского университета в январе 2022 г. Рассмотренные темы включают в себя современные тенденции в исследованиях полиглотии, личный опыт изучения японского языка и культуры, а также инпут как фактор овладения языком.*

Ключевые слова: *полиглот, полиглотия, японский язык, японская культура, овладение языком, инпут, уровень языка, объем словарного запаса, психолингвистика, Гданьский университет*

In late January 2022, in continuation of previous cooperation, the author of these lines was invited by the University of Gdansk to deliver a series of lectures on the topics of his research to the students and professors of its Faculty of Foreign Languages.

On January 25, he gave a talk “**Beyond the language limits: recent trends in polyglot studies**” to the students of the Institute of Applied Linguistics, in which he recounted the development of research on the phenomenon of polyglottery (consciously attained individual multilingualism) in the last decade. Systematic studies of this kind date back to 2013 and include annual Polyglot Conferences (since 2013) and Polyglot Gatherings (since 2014), academic conferences, symposia and seminars on polyglottery (2013, 2018, 2019 and 2021), the first

bachelor's graduation papers on this subject (since 2019), and the creation of the journal *Linguistics & Polyglot Studies* in its new format [4], [5].

Characterizing the trends and perspectives in this field, the speaker highlighted that polyglottery, paradoxically enough, is not so much about languages as it is about the principles of brainwork efficiency applied to language learning, and expressed the view that polyglottery can be regarded as an optimal model of language knowledge (bridging the gap between academic linguistics and practical language expertise), language education (learner-oriented and revealing scientific principles behind practical know-how) and language policy (recognizing the diversity of the language world and integrating global and local languages).

On January 26, in the lecture “**Modern Japan: studying the language and the culture**”, the presenter shared with the students of the Institute of Russian and Oriental Studies his observations on the Japanese language and culture made during his life and work in Japan. As for the study of the language, the speaker said that, at the initial stage, of much use to him were such textbooks as *Japanese for Beginners* [10], *Japanese with Ease* [3], and the Pimsleur Japanese listening course. Another big help were dictionaries with Romanization or Cyrillization of Japanese words, e.g. *Basic Japanese-English Dictionary* [1], *Romanized English-Japanese Dictionary* [9] and *Japanese-Russian Dictionary* [8].

The speaker pointed out that the main difficulty in learning Japanese is the writing system, which combines Chinese characters, two syllabaries and, occasionally, Roman letters. In languages with phonetic scripts, progress in the study of a language implies expanding one's vocabulary through reading, while reading, in its turn, is biologically dependent on a preliminary knowledge of the spoken language, i.e. on the ability to distinguish and pronounce words in their sound form [2, p. 100, 104].

In the case of Chinese characters as a logographic script (uniting words with whole graphic symbols that cannot be split into meaningful elements), there is a “vicious circle” for a learner as one cannot read because he does not know the words and cannot learn new words because of the inability to read. This problem can be solved by means of phonetic transcription (first developing a spoken knowledge of basic vocabulary and grammar patterns and later passing on to their graphic form) and parallel translation (bilingual texts), though memorizing hundreds of characters necessary for normal reading will still require substantial investments of time and practice.

The lecture also included some noteworthy facts about the Japanese language, such as the diversity of personal pronouns (私 *watashi*, 僕 *boku*, 俺 *ore* “me”, あなた *anata*, 君 *kimi*, お前 *omae* “you”, etc.) and avoidance of second person pronouns in communication; different styles of speech and choice of words depending on the degree of politeness in each individual situation; and use of hypothetical phrases and focus on decisions rather than desires as a result of the presupposition that one cannot know for sure other people's feelings.

Mentioned were some details of everyday life in contemporary Japan which may seem unusual for a European, for example: the use of black ink and personal seals instead of signatures in documents; washing oneself outside the bathtub; the phenomenon of convenience stores; excessive packaging (possibly, in connection with the gift wrapping tradition); vending machines that sell everything; tips not being expected in restaurants; mascots for all kinds of purposes including government institutions; and difference in salaries in the same position depending on sex, age and family status.

In terms of behaviour and communication strategies, the speaker highlighted the importance of expressing gratitude and apologizing extensively; demonstrating respect for the rules (and humbly asking for an exception rather than protesting in case of need); avoiding (even potentially) conflict situations; saving everybody's face; making decisions by collective discussion and agreement (or at least keeping the appearance of it); and observing official forms and procedures when trying to achieve something. The presenter concluded by saying that Japan left him with the feelings of it being culturally a different planet, and, at the same time, of universal brotherhood among people across the world.

On January 29, with the support of the editorial board of *Linguistics & Polyglot Studies*, a professional development seminar “**Input as a factor in language learning**” was held for lecturers of the University of Gdansk, University of Warsaw and University of Zielona Gora, as well as for teachers of Russian in Gdansk. The seminar was devoted to modern scientific data on the significance of input (perceived speech material) in the process of language acquisition.

The speaker first made the point that statistical processing of language input by the brain seems to lie at the core of language learning. The participants were then reminded of Stephen Krashen's comprehensible

input hypothesis stating that, to enhance one's command of a language, input (all oral and written texts the learner receives) must be understandable (from preliminary knowledge or from context), relevant to the learner's needs and interests, and provided in sufficient quantity, and must not meet psychological barriers on its way [7]. Addressing the question of how much input (countable in the number of words) is necessary in order to learn a language, the presenter introduced research data from developmental linguistics, corpus studies and polyglottery, arriving at the conclusion that the threshold level of foreign language competence (B in the European framework) requires the input of some 1,000,000 words [6].

In connection with this, the issue was raised of the size of vocabulary and the amount of input corresponding to different levels of language competence. Surprisingly enough, there is little research on such an important methodological question. An empirical study dealing with Cambridge exam participants, polyglot literature and language learners' online forums give very different figures (e.g. C2 is estimated at 4750 to 8,000 to 16,000 words). From a frequency based perspective, estimates which are in keeping with Zipf's law and indicate a more significant increase in lexical amount from level to level may be closer to the truth. Besides, the quality of vocabulary should also be considered (two individuals may know a comparable number of words but these can be different words). However, it is also possible that language competence levels as descriptive characteristics and vocabulary sizes as numerical values cannot be easily matched as inherently dissimilar categories.

By way of practical recommendations, the research data discussed emphasizes the need for: talking with children more (for their linguistic and general development); calculating input in language education programs; using more audio and video materials in language classes; stimulating extensive reading of literature at students' choice; exploring subjects of interest through the target language; and paying attention to learners' psychological factors.

Hopefully, interest in the topics of the said lectures not only demonstrates the relevance of a polyglot perspective on education and international communication and of a content-based approach to language learning, but also signifies shared aspirations and readiness for professional cooperation across borders.

References

1. *Basic Japanese-English Dictionary*. Tokyo: Bonjinsha, Oxford: Oxford University Press, 1989. 958 p.
2. Belyaev, B. *Ocherki po Psikhologii Obucheniia Inostrannym Iazykam* [Essays on Psychology of Language Learning]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1965. 227 p.
3. Garnier, C. & Toshi, M. *Japanese with Ease*. Vol. 1–2. Chennevieres-sur-Marne: Assimil, 2007. 368, 520 p.
4. Kazakov, G. Developments in language education, polyglottery and geolinguistics. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 4. P. 9–13. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-4-28-9-13
5. Kazakov, G. 1st International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, no. 5. P. 111–112. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-111-112
6. Kazakov, G. How much input do we need to learn a language? *New Perspectives in Psycholinguistic Research: Language, Culture, Technologies. Online 12th ISAPL International Congress. June 3–5, 2021. Book of Abstracts* (L. Scliar-Cabral et al. eds.). ISAPL, 2021. P. 183–184.
7. Krashen, S. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Phoenix ELT, 1995. 202 p.
8. Nemzer, L. & Syromiatnikov, N. *Yaponsko-Russky Slovar'* [Japanese-Russian Dictionary] (N. Feldman ed.). 2nd ed. Moscow: Gos. izd. inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1960. 887 p.
9. Takahashi, M. *Romanized English-Japanese Dictionary*. Tokyo: Taiseido, 1973. 457 p.
10. Yoshida Y. et al. *Japanese for Beginners*. Tokyo: Gakken, 1976. 117 p.

Grigory Kazakov, PhD, Executive Secretary of *Linguistics & Polyglot Studies* and Senior Lecturer at Department of English No.3, MGIMO University. Research interests: language education, polyglottery, psycholinguistics, language and religion, translation of sacred texts, Scouting pedagogy. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

Григорий Александрович Казаков – кандидат филологических наук, PhD, ответственный секретарь журнала «*Linguistics & Polyglot Studies*» / «Филологические науки в МГИМО», старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: языковое образование, полиглотия, психолингвистика, язык и религия, перевод священных текстов, внешкольная педагогика. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

* * *